

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ: на перекрестке времен и культур

Материалы Всероссийской научно-практической
конференции
16 ноября 2007 г.

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ: на перекрестке времен и культур

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр
43-38-36

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Курганский государственный университет

**ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ: НА
ПЕРЕКРЕСТКЕ ВРЕМЕН И КУЛЬТУР**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
16 ноября 2007 г.

Курган 2008

УДК 94 (47) (082)+39 (082)
ББК 63.5 я 43
И 90

Рецензенты:

Доктор исторических наук В.И. Усанов;
Доктор исторических наук Ю.А. Сорокин.

И 90 История и этнология: на перекрестке времен и культур: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 16 ноября 2007 г.). - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. - 162 с.

Издание представляет собой сборник докладов и сообщений участников Всероссийской научно-практической конференции "История и этнология: на перекрестке времен и культур".

В сборник включено более 20 докладов и статей работников вузов и музеев из Москвы, Киева, Екатеринбургa, Кургана, Нижневартовска, Тарко-Сале. Представленные материалы посвящены актуальным вопросам этнологии и истории, синтеза этих двух наук, регионалистики и локалистики.

Авторы сборника - ученые, доктора и кандидаты наук, студенты, работники музеев.

Редакционная коллегия:

И.С. Меншиков, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой историографии, методологии и теории истории (отв.ред.); Т.В. Козельчук, канд. ист. наук; В.В. Пундани, д-р ист. наук, профессор; В.В. Меншиков, д-р ист. наук, профессор; В.В. Подливалов, канд. ист. наук, доцент; М.Н. Федченко, д-р ист. наук, профессор.

ISBN 978- -86328-879-6

УДК 94 (47) (082)+39 (082)
ББК 63.5 я 43

© Курганский
государственный
университет, 2008
© Авторы, 2008

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

И.С. Менищikov

Курганский государственный университет, г. Курган

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ: ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ СИНТЕЗ

Всем известно прозвище Геродота, данное ему Цицероном - "отец истории". С не меньшим основанием его можно считать и отцом этнологии и этнографии. Он оставил нам весьма большое количество описаний "варварских племен", то есть того, кого греки называли словом "этнос". На протяжении веков и тысячелетий, что прошли со времен Геродота, исторические хроники и исторические произведения пестрели этнографическим материалом. К середине этого столетия положение, однако, изменилось. История и этнология (во Франции и России - этнография) окончательно оформились как самостоятельные научные дисциплины. В сферу интересов этнологии попали "доисторические" или "примитивные" народы, которые по определению выпадают из поля интереса исторической науки.

Во второй половине XX века возник обратный процесс. Происходит синтез, взаимопроникновение различных наук. Этот процесс затронул и историю, и этнологию. Историческая наука активно взаимодействует с демографией, географией, математикой. Этнология создала эффективный симбиоз с культурологией, антропологией, другими дисциплинами. Кроме того, эта наука расширила и своё предметное поле, она стала изучать не только "примитивные", но развитые этносы, их взаимоотношения, психологию этносов и так далее.

Интересен и плодотворен в этой связи синтез истории и этнологии. Долгое время в нашей стране этнические особенности в историческом развитии пренебрегались в угоду социологическим и эволюционистским схемам. Но когда внимание отвлекается от абстрактных социологических схем и переходит к конкретным историческим ситуациям, многие исторические события и явление просто не могут быть объяснены без учёта этнического фактора, с опорой только на исторические и социологические методы. Или хуже того - объяснены неправильно. Опора только на исторический источник, без знания этнической культуры и психологии этноса приводит к странным ситуациям. Например, англичанам вся история с Жанной д'Арк покажется плохо придуманным вымыслом, все части которого неважно подогнаны друг к другу. Известный отечественный этнолог и историк С.В. Лурье приводит другой, более показательный, пример. Говоря о заимствованиях элементов культуры одного народа другим, она ставит вопрос: что может быть предметом заимствования? Анализируя взаимодей-

ствия финнов и русских, она отмечает индивидуализм первых в странном сочетании с коллективизмом. Историк, исследуя факт землепользования у финнов, придёт к парадоксу: народ не может перенести определённую модель деятельности из одной сферы в другую, сходную с ней: финны выкорчёвывали деревья для прокладки дорог между хуторами коллективно, а для распахки - индивидуально. С точки зрения этнолога, ответ на этот вопрос прост: для данного народа эти две сферы деятельности не казались близкими. В каждой этнической культуре существует своя взаимосвязь культурных элементов. То, что в одной из них принадлежит к одному ряду явлений, в представлении другого народа принадлежит к совершенно разным сферам (4, 25 - 26).

Нельзя не учитывать и того, что системы ценностей в разных странах неодинаковы. То, что поощряется в одной стране, порицается в другой, и наоборот. Поскольку в настоящее время и в последние двести лет страны, по крайней мере в Европе, стремятся к национальной монолитности, понятия "страна" и "нация/этнос" во многом синонимичны. Почему, например, у нас почти нет вестернов по мотивам собственной истории (их можно было бы назвать "истернами")? - спрашивает известный исследователь данной проблемы Н.Ю. Замятина. Как американцы, так и русские еще сравнительно недавно боролись за освоение новых территорий. Бросок через тысячи километров угрюмой сибирской тайги был не менее тяжелым, чем "героический" переход через Аппалачи. Буйный ковбойский нрав Дикого Запада не был чужд и нашим окраинам. Почему же мы, в отличие от американцев, не восхищаемся героями нашего Дикого Востока? Почему оказались столь различными роли, отведенные процессу колонизации в русской и американской культурах? Ответ на эти вопросы можно получить, обратившись к истокам формирования национальных традиций, полагает Н.Ю. Замятина (1). С этим предположением трудно не согласиться. Понимание национального (этнического) характера и, более того, этнической культуры открывает путь к пониманию некоторых исторических феноменов, фактор этнической культуры позволяет понять происхождение событий. Эту проблему интересно и логично обосновывает С.В. Лурье. Она, в частности, утверждает, что этнология выступает "по отношению к историческому материалу как "объяснительный механизм"" (4, 302-303). Данный подход открывает широкое поле для синтеза и взаимопроникновения истории и этнологии (2, 34).

Опираясь на данное положение, С.В. Лурье пытается рассмотреть довольно традиционную и вполне социальную проблему, а именно: почему так называемая социалистическая революция произошла в России. Так, если пролетарская революция, по Марксу, должна была совершиться в стране с развитой системой капиталистических отношений, а произошла она в крестьянской стране с неразвитой еще структурой соответствующих производственных отношений, то все объяснения ее идеологов, что в России-де был капитализм, выглядят как откровенная идеологическая натяжка. Объяснения того типа, что мы, русские, открываем светлый путь для всех других стран и народов, гораздо ближе подводят нас к этническим константам именно благодаря своей идеологической нелогичнос-

ти, полагает она. В марксизме нет ни слова о том, что кто-то, какой-то один народ должен открывать путь остальным, и положение Ленина о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране уже явно связано с этническими константами. Тогда встает вопрос о том, кто же мы такие, если можем показывать (и не на словах, а на собственной шкуре) светлый путь всем остальным? Кем себя считаем? Все варианты применения идеологии к реалиям конкретной народной жизни, точнее рефлексия по этому поводу, особенно мотивация отступления от ценностно-заданного типа действия зачастую обнажает этнические константы. Таким образом, если из идеологии, принятой и проводящейся в жизнь, вычленим ценностно-заданные моменты, то перед нами останутся, может быть, разрозненные пассажи, которые сопряжены уже с этническими константами. Причем они либо вообще не будут иметь никаких ценностных обоснований (никто никогда в программных текстах не приводил обоснования, почему именно русский народ должен устремиться в светлое будущее впереди всех и фактически ставить эксперимент на себе). Эти обоснования могут даваться в публицистических текстах, но либо посредством приписывания народу ценностей самого автора текста (например, что русские любят страдания - видимо, наподобие того, как карась любит, чтобы его жарили в сметане), либо чаще всего без всяких ценностных обоснований - вот мы такие - после чего может следовать дополнительное пояснение, кто "мы" такие и почему "мы" можем и должны действовать таким образом. Ценностное обоснование подменяется самоинтерпретацией. Так, объяснения типа "нам свойственно нести свет всем людям" не являются чаще всего ценностными высказываниями, они не определяют цели (это не цель, а свойство, как бы заданное от природы), но являются самохарактеристикой, приписыванием себе атрибутов, позволяющих совершать определенные действия.

Здесь мы фактически переходим уже к описанию второго подхода к изучению этнических констант, который может быть назван этноисторией и этнополитологией (по аналогии, например, с этноботаникой и этногеографией), то есть к исследованию народных представлений об истории и политике. У разных народов существует свой особый "политический фольклор", то есть передающиеся из поколения в поколение представления о том, какие события в истории и в политике являются наиболее существенными, какие факторы наиболее значимы, какие ситуации наиболее типичны. Отчасти этот фольклор концентрирует в себе действительный, пережитый народом исторический опыт, а отчасти выражает устойчивые представления о себе и своей исторической судьбе, образе покровителя, образе врага, способе противодействия злу (3, 256 - 261).

Синтез, следует сказать, характернейшая черта исторического знания и исторического нарратива. Историк конструирует картину в целом, но делает это не так, как социолог, ибо для него невозможно мыслить структуру, какой бы прочной она ни была, не задумываясь над тем, что приведёт её к изменению в более или менее отдалённой перспективе. Уже сама устойчивость структуры кажется подозрительной историку, который выясняет, какие силы задействованы внутри

этой структуры ввиду её грядущего изменения (5, 265).

Таким образом, не только этнология способна помочь историкам в объяснении исторической ситуации или событий, но и историческая наука может помочь объяснить современное положение этносов. Поэтому в наше время, когда этнология простерла сферу своих интересов в область культуры, психологии, социальной структуры тех или иных народов (как "примитивных", так и "продвинутых"), объяснять этническую картину без использования методов истории и конкретного исторического материала она просто не может. История, замечает Поль Рикёр, обеспечивает "синтез разнородного" Она охватывает, пишет он, в умопостижимом итоге обстоятельства, цели, взаимодействия, непредвиденные результаты. Тем не менее, интрига остается одной и той же и единственной. Она представляет собой те рамки, внутри которых разнообразным элементам, составляющим ткань текста, отведено определенное место (4, 266).

Подводя итог сказанному, следует отметить, что этносы и их культура, являясь предметом исследования многих дисциплин, могут и должны изучаться исторической наукой с использованием традиционно применяемых историками методов. Это позволяет рассмотреть этнические процессы более детально, под углом зрения, который отличается от ракурсов иных наук. Кроме того, использование исторического метода позволяет рассмотреть, казалось бы, статичную структуру в развитии и динамике.

С другой стороны, методы других наук (в том числе этнологии) позволяют сделать историческое исследование более качественным и разносторонним. В частности, этнология может выступать к историческому материалу как объяснительный механизм и дать ключ к пониманию и объяснению фактов, которые с точки зрения "нормального" хода истории кажутся нелогичными и необъяснимыми (4, 33).

Список литературы

1. Замятина Н.Ю. *Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. №5.*
2. Лурье С.В. *Метаморфозы традиционного сознания (Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала). СПб., 1994.*
3. Лурье С.В. *Культурная антропология в России и на Западе: концептуальные различия // Общественные науки и современность. 1997. № 2.*
4. Лурье С.В. *Историческая этнология. М., 1998.*
5. Про А. *Двенадцать уроков по истории. М., 2000.*

АМЕРИКАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР: ЦЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ

*Americans - like omelettes:
there is no such thing
as a pretty good one.*

(W. H. Auden, 'Marginalia', 1965-8)

Говоря об американском этносе, уместно будет, вслед за Н.Н. Гумилевым (1), употребить термин "суперэтнос". Уникальность американского этноса состоит в том, что, в отличие от других этносов, он сформировался за исторически сравнительно короткий период времени и впитал в себя культурные традиции других этносов, развивавшихся до определённого времени автономно, а затем подвергшихся процессам ассимиляции и трансформации под влиянием социально-экономических условий и доминирующей англо-саксонской культуры. В процессе дальнейшего исторического развития, однако, национальная специфика отдельных этносов проявила себя вновь, в особенности в таких сферах общественной жизни, как трудовая этика, культура, искусство, создавая неповторимую полифонию американского национального характера.

Уникальность американского этноса состоит в том, что он сформировался за исторически очень короткий срок (с момента образования первых поселений колонистов до победы в Войне за независимость прошло 176 лет, а с момента принятия Конституции США до реального объединения страны после гражданской войны, когда экономическая экспансия Севера усилила динамику "правильного котла" до максимума - 68 лет); основан не на генетических принципах, а на общности территории, языка и общих ценностных установках личности, стремящейся к индивидуальному успеху.

Классическое определение американского национального характера содержится в широко известном произведении Гектора Сент-Джона (настоящее имя - Michel Guillaume Jean de Crèvecoeur) "Письма американского фермера":

"Кто же такой американец, этот новый человек? Он либо европеец, либо потомок европейца, отсюда и то странное смешение крови, которое Вы не найдёте ни в одной другой стране. Я мог бы показать Вам семью, в которой дед был англичанином, его жена - голландкой, их сын женился на француженке, а их четыре сына от этого брака женаты на женщинах разных национальностей.

Тот - американец, кто, оставив позади все старые предубеждения и привычки, приобретает новые, приняв новый образ жизни, новое правительство, которому он подчиняется, и новый статус, который он получил. Он становится американцем, будучи принятым в широкие объёты нашей великой Alma Mater.

Здесь представители всех наций переплавляются в новую расу людей, чей

труд и процветание приведут в будущем к великим изменениям в мире" (15, 40).

Словарь английского языка и культуры издательства Лонгман также предлагает свою дефиницию американского национального духа в словарной статье "American Way":

Набор убеждений или ценностей, разделяемых многими американцами, который не является, тем не менее, законом и не зафиксирован в письменном виде. В качестве примеров убеждений, которые считаются частью американского образа жизни, можно отнести следующее: привычку упорно трудиться, веру в себя и в свои способности изменить своё положение к лучшему, справедливое отношение к другим людям. Иногда люди пользуются выражением "американский образ жизни" в отрицательном смысле, чтобы показать, что, по их мнению, американцы считают, что они заслуживают обладания материальным богатством, таким как большие машины, дома и дорогие вещи (LDELС).

Известный исследователь английского языка США и американской культуры Х.Л. Менкен (13) писал, что прообразом нового американца, сформировавшегося после 1814 г., явился Эндрю Джексон, президент США. Он являлся носителем следующих качеств, которые затем закрепились за образом типичного американца - невежественный, напористый, не признающий сдерживающих факторов и прецедентов, иконоборец, филистер, англофоб до мозга костей. Тысячи молодых американцев его поколения штурмовали горы, перебирались через великие реки, вступали в схватку с дикой природой, создавая при этом неформальный, импровизированный тип цивилизации, в которой любая попытка подражать правилам приличия, принятым на Востоке или на покинутой родине, будь то в речи или в манерах, встречала немедленное презрение. В такой атмосфере рождался традиционный американец, пишет Менкен, и с этим нельзя не согласиться.

Аналогичный взгляд на американский национальный характер высказывает и Г. Ласки в предисловии к известной книге французского публициста XIX века А. де Токвиля "Демократия в Америке": "Люди, жившие на этих новых землях, обладали суровыми качествами пионеров. Они были самоуверенны до безрассудства, высокомерны и горды, не признавали никаких повелителей. Условности вызывали у них насмешливое пренебрежение, утонченность и культуру многие из них считали признаком слабости. Они были полны страстного национализма и, хотя и являлись убеждёнными сторонниками демократии, считали её необходимой не столько в политической жизни, сколько в общественных отношениях" (2; 5).

Многие философы, культурологи и социологи предлагали свои определения американского национального характера. В частности, Дж. Сантаяна определяет типичного американца следующим образом:

"Я говорю об американце в единственном числе, так как будто бы не существует миллионов их, на севере и юге, на востоке и на западе, мужчин и женщин, различных возрастов и рас, профессий и религий. Конечно, этот американец, о котором я говорю в единственном числе - мифический; но язык притчи неизбе-

жен в таком предмете и лучше всего делать это открыто и искренне... Итак, символический американец должен соответствовать определённым фактическим данным; поскольку, хотя и существуют значительные различия между отдельными американцами..., тем не менее, есть огромное единство в их образе жизни, обычаях, характере и мыслях. Все они были вырваны с корнем из родной почвы, оторваны от своих предков, запущены все вместе в одну воронку, где они вращались в почти пустом пространстве. Понятие "быть американцем" само по себе является определённым моральным состоянием, определённым уровнем образования и карьеры" (14).

Рассмотрим, каковы наиболее часто выделяемые характерные черты американского этноса. Цивилизационный блок США часто описывается как "эгоистично-рационалистический" и характеризуется такими чертами, как индивидуализм, гипотетическо-дедуктивный когнитивный подход, личная инициатива; а на уровне политической системы - как либерально-капиталистическое экономическое государство, основанное на демократических принципах.

Социологические исследования американского национального характера последних лет, стремящиеся охватить своим вниманием как отдельную личность, так и социальную группу, придают большое значение анализу базовых ценностей. Поиск базовых ценностей особенно актуален в разнородном обществе и в эпоху развития СМИ. По утверждению М. Мак Гифферта, "изучение шкалы ценностей сейчас считается комплексным подходом к анализу национального характера; многие учёные считают такой подход ключом к тем аспектам американского национального характера, которые менее доступны другим методам исследования" (12).

Определения термина "ценности" в американистике представлены широким спектром дефиниций от "критерия выбора при действии" до формулировки Р.Г. Габриэля - "идеал, парадигма, выдвигающая на первый план желаемую и положительно оцениваемую возможную социальную действительность" (9).

По своей сути они являются критериями, т.е. идеалами, целями, нормами и стандартами. Э. Альберт (5) отмечает, что ценности, которые в основном проявляются через вербальное поведение, не следует путать с реальным поведением людей. Более того, культуры, как правило, имеют два уровня ценностей: "высокие идеалы, которые не предназначены для всеобщего, буквального воплощения", и вторичные ценности, которые являются практическим руководством к действию. Противоречие между идеальными и реалистическими ценностями, равно как и между стандартами и уровнем их достижения, помогает определить характерные "точки напряжения" того или иного общества.

Выявление этих "точек напряжения" является основной задачей современных американских историков и социологов. На базе указанных подходов был создан целый ряд классификаций традиционных американских базовых ценностей. В начале 60-х гг. Альберт (5) и Уильямс (16) обратили особое внимание на следующие базовые ценности, которые, на наш взгляд, остаются справедливыми и для американского общества начала XXI века, хотя иерархия приоритетности

имеет динамический характер и может меняться в зависимости от социально-политических факторов:

- 1) активная жизненная позиция, основанная на владении ситуацией, в противовес пассивному принятию событий;
- 2) акцент на достижениях и успехе, понимаемом как материальное благосостояние;
- 3) личные моральные качества, ориентированные на такие пуританские ценности, как долг, трудолюбие и здравый смысл;
- 4) религиозность;
- 5) научный и светский рационализм, опирающийся на взгляд на Вселенную как упорядоченное, познаваемое и невраждебное образование и подерживающий скорее экстравертный, чем интровертный взгляд на мир;
- 6) прогрессивное, а не традиционалистское понимание истории, поддерживаемое оптимизмом, уверенностью в будущем и верой в то, что прогресса можно достигнуть с помощью целенаправленных усилий;
- 7) равенство, с горизонтальным, а не иерархическим пониманием социальных отношений;
- 8) высокая оценка отдельной личности в противовес коллективной идентичности или коллективной ответственности;
- 9) опора на собственные силы;
- 10) гуманность;
- 11) конформизм по отношению к внешним факторам;
- 12) толерантность по отношению к многообразию;
- 13) исполнительность и практицизм;
- 14) свобода;
- 15) демократия;
- 16) национализм и патриотизм;
- 17) идеализм и стремление к совершенству;
- 18) мобильность и стремление к переменам.

В то время как ряд этих характеристик противоречит друг другу, все они присутствуют в американской "модальной личности" в определённом соотношении.

Ф. Хсю в работе "Американские базовые ценности и национальный характер" (10) трактует противоречивые ценности американской культуры, отмеченные учёными-бихевиористами, как проявление одной базовой ценности - самостоятельности, надежды на самого себя (self reliance), которая психологически выражается как страх зависимости от кого бы то ни было.

Описание и объяснение многообразия американского национального характера породило за последнее время многочисленные исследования, которые имеют дело с "парадоксом", "контрапунктом", "дилеммой" и "загадкой". Самым длительным противоречием американской культуры, по мнению исследователей, было сосуществование официального лозунга личной свободы, равенства, равных возможностей и справедливости de jure, в то время как de facto суще-

ствовала дискриминация чёрных американцев.

В 70-е годы исследователь Д. Белл (6) в работе "Культурные противоречия капитализма" описывал Америку как шизофреническую нацию (перевод дословный. - Н.Б.) в том плане, что её культура движется в направлении гедонизма и потребительства, в то время как её социальная структура зиждется на традиционных добродетелях экономии, упорной работы, самоотречения и добросовестности.

Другие исследователи рассматривали дуализм американской жизни как типичный фактор - диалектику, которая характеризовала эту нацию в течение долгого времени. Так, А. де Токвиль (2) утверждал, что индивидуализм и идеализм были настолько же характерны для американцев как конформизм и материализм. В.В. Брукс (7) отмечал два главных идеологических течения, проходящих через американское сознание - трансцендентальное течение Дж. Эдвардса и Р.У. Эмерсона и прагматическое течение, которое Б. Франклин преобразовал в философию здравого смысла.

М. Кэммен, проводя параллель между формированием нации и природными условиями, писал: "существует спор по поводу содержания понятия Америка - будет ли она конгломератом индивидуумов, каждый из которых идёт своим путём, или хорошо организованным обществом сотрудничающих между собой групп. Сами масштабы ландшафта сделали первое почти неизбежным, а последнее почти что необходимостью" (11). Один из путей объяснения многочисленных определений американского национального характера - это показать стиль мышления, способного функционировать при глубоко ощущаемых противоречиях. Анализируя альтернативы, которые стоят перед большинством американцев, психоаналитик Э. Эриксон (8) утверждал:

"Таким образом, настоящий американец как наследник истории великих контрастов и резких изменений строит свою заключительную самоидентификацию на попытке сочетания динамичных полярностей, таких как миграция и оседлость, индивидуализм и следование стандарту, состязательность и сотрудничество, набожность и свободомыслие, ответственность и цинизм и т. д."

По наблюдениям М. Кэммена, "США могут с успехом считаться первым крупным обществом, которое встретило инновацию и изменения в свою культуру в качестве постоянной переменной, так что определённый вид "творческой деструкции" постоянно изменяет внешний облик американского образа жизни" (11, 41).

Качества, которые стремится сформировать у молодого поколения американская система образования, включают в себя следующее: личную инициативу, высокую самооценку, самодостаточность (self-efficacy), автономность, конструктивность и умение сотрудничать (participatory members of society). Развитие этих качеств рассматривается в качестве фактора, ведущего к укреплению национального этоса и культурного единства, компенсирующего гендерные, классовые, этнические и расовые различия.

В последнее время понятие "американский" все чаще появляется в сопро-

вождении дефиса, вводящего в объем этого концепта какой-то иной национально-специфический компонент, например, "Chinese American", "Puerto-Rico American", "Fillipino American", особенно когда речь заходит о национальных литературах. В американистике существует следующая классификация национальных литератур, связанная с отражением в них этоса преобладающих национальных групп США: литература коренных американцев; литература латино, азиатско-американская литература; афро-карибская литература.

Огромный интерес современных американцев к своим национальным корням характеризуется исследователями как этнический ренессанс. Так, А.В. Хоц (4) в своей работе приводит данные о том, что более 1 млн американцев венгерского происхождения во втором поколении вновь вернулись к своему языку и некоторым культурным традициям. О. Тоффлер отмечал, что "плавильная печь" не является доминантой сегодня. "Особенность каждой из групп стала приобретать всё большее значение, и это отодвинуло нас от идеи стандартизированного американца. "Печь" работает, но при этом групповые особенности не переплавляются в абсолютный стандарт" (3, 4).

В 1969 г. Конгресс США утвердил законопроект об изучении в школах культурного наследия главных этнических групп американской нации. Таким образом, важность этнической идентичности была подтверждена юридически.

Список литературы

1. Гумилёв Л.Н. *Этносфера: История людей и история природы*. М., 1993.
2. Токвиль Алексис, де. *Демократия в Америке*. М., 1992.
3. Тоффлер О. *Америку ждёт раскол или единство с азиатским оттенком* // *Независимая газета*. 1994. 7 июня.
4. Хоц А.Ю. *Место этнической ментальности в структуре ментальности современного человека* // *Этнонациональная ментальность в художественной литературе: Материалы Всероссийской научной конференции (Ставрополь, 22 - 24 сентября 1999 года)*. Ставрополь, 1999.
5. Albert E. M. *Conflict and Change in American Values: A Cultural-Historical Approach*// *The Character of Americans*. Homewood, Ill., 1970.
6. Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N.Y., 1976.
7. Brooks V. W. *From a Writer's Notebook*. N.Y., 1958.
8. Erikson E. H. *Childhood and Society*. Penguin Books, 1967.
9. Gabriel R.H. *American Values: Continuity and Change*, ed. Robert H. Walker. Westport, Conn., 1974.
10. Hsu F. *American Core Value and National character* // *Psychological Anthropology*. Homewood, Ill., 1961.
11. Kammen M. *People of Paradox*, Cambridge, Mass., 1972.
12. McGiffert M. *Selected Writings on American National Character*. *American Quaterly* 15 (Summer 1963).
13. Mencken H.L. *The American language*. L., 1963.
14. Santayana G. *Character and Opinion in the United States*. New York, 1962.
15. St. John J. Hector (Michel-Guillaume de Crevecoeur). *Letters from an American Farmer*. L., 1982.

О.Г. Завьялова
Курганский государственный университет, г. Курган

КОНЦЕПЦИЯ ЭТНОГЕОСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА - ОПЫТ СИНТЕЗА ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ)

Человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего этнокультурного многообразия. Россия - многонациональное и многокультурное образование (в материалах переписи 1989 г. было выделено 128 народов, в 2002 г. - 160): в условиях обострения национальных проблем необходима интеграция различных концепций мировосприятия и общежития населяющих ее народов, поиск путей устойчивой этносоциальной организации жизнедеятельности общества. основополагающей здесь, как нам представляется, может быть геосистемная концепция. Очевидно, общество можно рассматривать как глобальную этногеосистему, в которой базисную роль играют процессы этноприродного взаимодействия - эволюции территориальных систем природопользования и хозяйствования этнических общностей.

Региональный подход к исследованию этногеосистем заключается в выявлении пространственно-временных закономерностей их эволюции в зависимости от различных типов природной и этнической среды. Взаимодействие этносистем и геосистем порождает новые интегральные территориальные образования - этногеосистемы. Рассмотрев эволюцию этно- и геосистем, мы получаем новый интеллектуальный продукт - этногеосистемный анализ. Этногеосистемная концепция наиболее полно выявляет закономерности этносоциальной и территориальной организации общества. Региональный анализ территориальных этногеосистем лесостепного Зауралья предполагает интеграцию и синтез ряда подходов (историко-этнологического, институционального, этнопсихологического, инновационного, ландшафтного и др.).

В теоретическом плане работа опирается на труды отечественных и зарубежных ученых географов, историков, этнологов. Большой вклад в разработку концепции территориальных общественных систем внесли географы: М. Кабо, С.Б. Лавров, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, М.Д. Шарыгин и др. Исследование опирается на совокупность основных социально-географических принципов: территориальность, комплексность, системность, нравственно-экологический императив и др. Эти принципы нашли отражение в работах В.А. Анучина, Н.Н. Баранского, Н.Н. Колосовского, Ю.Г. Саушкина. Весьма важен опыт иссле-

дования интеграционных процессов в работах Б.В. Андрианова, С.А. Арутюнова, Ю.В. Бромляя, Ф.Т. Валеева, В. Вундта, Л.С. Выготского, Л.Н. Гумилева, М.М. Громыко, Н.Я. Данилевского, Б.О. Долгих, К.Д. Кавелина, В.П. Казначеева, В.О. Ключевского, В.И. Козлова, Э.С. Кульпина, Д.С. Лихачева, Ю.В. Олейникова, Н.В. Тимофеева-Ресовского, А. Дж. Тойнби, Н.А. Томилова, С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова, К.Г. Юнга и др.

В анализе использовались результаты исследований курганских историков, опубликованные в издании "История Курганской области" под редакцией профессора Н.Ф. Емельянова, результаты социологических опросов жителей пограничных регионов: Оренбургской и Омской областей, Республики Казахстан, проведенные Центром РАН под руководством Ж. А. Зайончковской, Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа, этнографические исследования ученых кафедры этнографии и музееведения Омского университета под руководством профессора Н. А. Томилова, ландшафтные исследования профессора В. П. Егорова.

Основные положения концепции этногеосистемного анализа

1. Этногеосистемы - базовые территориальные структуры этноконтактных и полиэтнических регионов.

1.1. Развитие территориальных структур в полиэтнических или этноконтактных регионах, к каким исторически относится территория лесостепного Зауралья, происходит, как показал анализ их тысячелетнего развития, в особых условиях. Геосистемы в этом случае необходимо характеризовать с учетом их этнической составляющей и особенностей этнического развития главных "природопотребителей" - этносов. В результате взаимодействия этно- и геосистем формируются интегральные образования, которые можно определить как "этногеосистемы".

Этногеосистемы - это устойчивые этнические общности людей, образующиеся в ходе освоения территории ("материнских" ландшафтов): общеселения, природопользования и хозяйствования.

Природопользование в данном случае будет являться базовым системообразующим звеном этногеосистем. "Вмещающая" основа этногеосистем - материнские ландшафты этносов, функциональная - процесс реализации природопользования в ходе этнического развития.

Главные "действующие лица" этногеосистем - этнические общности. *Этническая общность - устойчивая взаимосвязанная совокупность людей, исторически возникшая на определенной территории, отличающаяся наибольшей интенсивностью проявления этнических особенностей и выступающая самостоятельной единицей общественного и регионального развития.*

Этногеосистемы (ЭГС) будут полно и целостно характеризовать взаимодействие этноса с его природной ("материнской") и социальной средой, другими этносами, "культуру человека" как наиболее адекватные и интегральные образования, отражающие наибольший спектр жизнедеятельности и взаимосвязей этнических общностей. Заметим, что термин "материнский ландшафт этноса"

представляется нам более удачным, т.к. отражает качественные характеристики этногенеза и нациестроительства, социального и этнического развития, а не только его природную составляющую.

1.2. Структура этногеосистем представлена природными и неприродными сферами, имеющими определенный набор компонентов. Так, геосферные подсистемы - ландшафтные и "природопользовательские" - объединяют отдельные части земной поверхности и этносистемы устойчивыми связями, образуя разнообразные этногеополя. Структура ЭГС в этом случае проявляется в виде общего поля взаимодействия геосистем и этносистем, различных интегральных, синергетических эффектов.

Рис. 1. Структура этногеосистемы

Этногеосистемы представлены множеством межкомпонентных связей (этноты, социальные группы, территориальные общности и др.), внутрикомпонентных (семейные, общинные и др.) и внешних институтов воздействия. Приоритеты влияния этих связей и взаимодействий по мере эволюции меняются, поэтому для обеспечения сбалансированного регионального развития необходимо изучение динамики их развития, пространственно-временного и структурно-функционального, выявление узлов межэтнических взаимодействий и противоречий.

1.3. Иерархическая структура этногеосистем *представлена разными уровнями таксонирования*:

- * *элементарные этногеосистемы* (или микроэтногеосистемы), к которым относятся этнические группы;

- * *мезоэтногеосистемы* - этноты и субэтносы;

- * (мета-, макро-) *мегаэтногеосистемы*. Например, славяне - мегаэтническая общность. Так, макроэтногеосистема сибирских татар включает мезоэтногеосистемы тарских, тобольских, заболотных татар и др., а также локальные микроЭГС национальных районов, отдельных этнических поселений.

Классификация ЭГС на субстанциональном уровне может производиться также и на основе типологии геосистем ("материнских" ландшафтов этносов): этногеосистемы таежной зоны, лесостепной зоны, степной и другие - более дробной ландшафтной дифференциации (например, ландшафтная структура территории Курганской области включает геомы южной подтайги, северной и южной лесостепи, колючей степи, в которых развиваются "свои" ЭГС).

Тысячелетия совместного проживания этнических общностей на территории России привели к пестрой этнической структуре расселения, тем не менее, сохранились и ареалы компактного проживания этнических групп. В РФ существует 15 федеральных национально-культурных автономий и более 300 региональных и местных национально-культурных автономий, которые можно охарактеризовать как *государственно-административные этногеосистемы*.

1.4. Интегральные этногеосистемы. Основной этнос России - русский, по данным переписи 2002 г., русские составляют 80% населения (116 млн человек). Региональные различия русского народа возникли еще в феодальном периоде, материальная культура северных и южных восточнославянских племен уже тогда начинает различаться. Эти различия еще более усиливаются в результате активных этнических контактов и ассимиляции неславянского населения Азии и восточной Европы. По этнографическим и диалектологическим признакам и в настоящее время наиболее заметны различия между русскими севера и юга европейской части России. Между ними располагается довольно широкая промежуточная зона - среднерусская, в материальной и духовной культуре которой сочетаются как северные так и южные черты. Подобные переходные "этнические" территории России можно идентифицировать как *интегральные этногеосистемы* или *этноконтактные зоны*:

западная - жители бассейнов рек Великой, Верхнего Днепра и Западной Двины. Она является переходной между северо- и среднерусской, средне- и южно-русской группами населения и белорусами;

северо-восточная - русское население Кировской, Пермской и Свердловской областей, образовавшаяся после заселения русскими в XVI-XVII вв., по окантовке диалекту близкая к северорусской группе, но имеющая и среднерусские черты благодаря двум главным направлениям переселенцев с севера и центра России;

юго-восточная (русские Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского краев), близкая к южнорусской группе по особенностям языка, фольклора и материальной культуры.

Менее крупные ЭГС русского народа: поморы, казаки, старожилы-кержаки, сибиряки-метисы и т.п., территории их проживания и жизнедеятельности представляют локальные *региональные этногеосистемы*. В частности, поморами в узком смысле слова принято называть русское население Беломорского побережья от Онеги до Кеми, в более широком смысле - всех жителей побережья северных морей, омывающих европейскую Россию. Отличаются своеобразием и ЭГС казаков: астраханских, донских, забайкальских, оренбургских, кубанских,

сибирских, уральских и др., волгарей и т.п. Территориальное размещение этнических общностей (групп) может быть ареальным, линейным, точечным, зональным, соответственно, и этногеосистемы могут быть ареальными, линейными, точечными, зональными.

1.5. При исследовании эволюции территориальных структур возникает довольно сложная задача выявления *критерия уровневости этногеосистем*. Таким критерием может стать *этапность изменения территориальной организации и институциональной (этноинституциональной) среды развития этногеосистем*.

Исходя из анализа тысячелетнего развития этногеосистем лесостепного Зауралья, нами были выявлены важнейшие (4) направления ("маятниковые биномы" развития): социально-экономическое (1), военно-оборонительное (2), религиозно-культурное (3), политико-административное (4). Для определения рубежей этапности развития ЭГС следует учитывать важнейшие аспекты организации: упорядоченность, направленность и сбалансированность. Структурное усложнение ЭГС происходит в результате динамики и эволюции территориальных структур при сохранении симметрии вышеназванных биномов и проявлении хроноструктуризации.

Во временном аспекте функционирования этногеосистем можно говорить об *архе- и ретроэтногеосистемах (древнейших этногеосистемах и этногеосистемах прошлых веков), современных этногеосистемах*.

1.6. В ходе исследования ЭГС Зауралья было выяснено, что *сложные комбинированные (интегральные) структуры, к которым относятся этногеосистемы, обладают качественно новыми свойствами и чертами и тесно соприкасаются с проблемой потенциальных и "теневых" структур* (Алаев, 1983; Орлов, 1974). Исследование показало, что дальнейшие подходы к структуризации и иерархии ЭГС требуют дополнительных исследований.

2. Этничность - форма отражения и проявления этнических констант (архетипов), моделей адаптации этноса.

2.1. Этнические константы - неизменные структурообразующие элементы этноса, его этнический "стержень" или архетип. К. Г. Юнг (1934) связывает образование этносов с архетипами их коллективного бессознательного. Архетип (по Юнгу) обозначает суть, форму и способ связи наследуемых бессознательных первообразов и структур психики, переходящих из поколения в поколение, это своего рода всеобщие априорные психические и поведенческие программы. Коллективное бессознательное образует всеобщее основание душевной жизни. Бессознательное - это способ мышления, который включает в себя "содержание и образы". Архетипы обеспечивают основу поведения и структурирования этноса, понимание мира и его внутреннее единство, взаимосвязь элементов культуры.

В нашем контексте важны следующие архетипы: "*Старый Мудрец*" и "*Трансформация*". Выделение и изучение этнических (архетипических) свойств этноса

как особого рода системообразующих связей этногеосистем является одной из форм познания процессов регионального развития.

2.2. Жизнь этноса несет на себе архетипический отпечаток. Архетипы - своеобразные образы выживания и адаптации этноса, совокупность их действия формирует ту или иную модель поведения этнической общности. *Следование культуре или своим архетипам является детерминантой развития этноса.* Внутренним механизмом эволюции ЭГС являются *потребности и способности сохранения своей общности (выживание), которые можно считать основными этническими константами.*

Определяющим в развитии любого этноса является сохранение и воспроизводство *этничности*, наиболее ярко выраженной в *этнических константах этноса*. Утрата этносом своего мироощущения, потеря адаптационных возможностей ставит под угрозу его существование.

Особенности "коллективного бессознательного", формы его проявления составляют, на наш взгляд, этнические константы, а их сохранение - сущность (феномен) этничности. *Этничность можно рассматривать как совокупность пространственно локализованных моделей адаптации этноса и формирующихся и ощущаемых в результате этого этнических ценностей.*

3. Сущность и механизм эволюции этногеосистем

3.1. *Эволюция этногеосистем есть процесс повышения их пространственной и временной организации в результате инноваций.*

В точках бифуркации (выбора, например, стратегий природопользования) в этногеосистемах действуют не случайности, а этноконстанты, вокруг которых и сталкиваются различные варианты выбора или *инновации*. На их основе и выбирается приемлемый путь развития. В результате этого, развитие территориальных систем будет означать эволюционно-заданный, необратимый процесс совершенствования и взаимопроникновения технологий и форм (инноваций) путем качественного изменения и усложнения пространственной и временной структуры этногеосистем. Что касается ЭГС, то инновации здесь в первую очередь связаны с природопользованием и совместным хозяйствованием.

Регуляторами развития этногеосистем являются технологии (инновации) природопользования (ПП) и хозяйствования, смена хозяйственно-культурных типов и соответствующих социальных институтов. Они радикально меняют формы природопользования, происходит глубокий процесс их трансформации и взаимного переплетения. Трансформация обуславливает приобретение новых, замену устаревших функций, смену типов природопользования и хозяйствования.

3.2. Анализ эволюции ЭГС лесостепного Зауралья со времени верхнего палеолита и до наших дней позволил *выявить ведущие хозяйственно-культурные типы и провести периодизацию* эволюции этногеосистем. В данном случае для краткости изложения обозначим лишь важнейшие эпохи:

* "*археприродопользование*" - древнейшая эпоха природопользования и

развития ЭГС - со времени появления человека в Южном Зауралье (XIII тыс. лет до н. э.) и до появления ландшафтов, близких современным (VI-VII вв. н. э.);

* *"ретроприродопользование"*: раннего ретро (VI-X вв. н. э.) - *промыслового, присваивающего природопользования; собственно ретро (XI-XVII вв.) - пушного промысла и военно-колониционного этапа; позднего ретро - аграрного природопользования (XVII-XIX вв.)*, соответствующего этапу земледельческо-скотоводческого освоения края.

* современное природопользование. Современную эпоху природопользования можно характеризовать как эпоху аграрно-индустриального природопользования (XX-XXI века).

Основой реконструкции и периодизации эволюции ЭГС лесостепного Зауралья стал бифуркационно-инновационный принцип - смена технологий и институтов развития и, соответственно, различных *хозяйственно-культурных типов (ХКТ)*.

Природопользование и формирующиеся хозяйственные уклады образуют особый территориальный "рисунок" традиционных хозяйств во всем их культурно-бытовом и территориальном многообразии, которые можно рассматривать как *хозяйственно-культурные типы (ХКТ) архе- и ретроприродопользования*.

3.3. Анализ эволюции ЭГС лесостепного Зауралья, Урала и Западной Сибири выявил, что *комплексность и интеграция в развитии хозяйственно-культурных типов (ХКТ) со временем нарастают, период их смены уменьшается вдвое*.

Построенные нами периодограммы на основе смены технологий природопользования и ведущих ХКТ свидетельствуют об этом. Так, первый период становления ХКТ составил порядка 6 тыс. лет (время появления первых людей в Южном Зауралье и переход к новым технологиям охоты с луком и стрелами, от узкоспециализированного ХКТ кочевых охотников-загонщиков к специализированному ХКТ кочевых промысловиков-собирателей, охотников-рыболовов). Второй период насчитывает уже порядка 3 тыс. лет - переход к обработке камня и новым материалам (керамике) - специализированный ХКТ кочевых промысловиков (охотников-рыболовов) и камнерезов-гончаров. Третий период вновь сокращается (до 2-х тыс. лет) - "неолитическая" революция, связанная с переходом к одомашниванию животных и культивированию растений, формируется интегрированный ХКТ полукочевых и кочевых паземледельцев-скотоводов и промысловиков. Четвертый период эволюции археПП (1,6 тыс. лет) - время появления новых земледельческих и металлургических технологий - интегрированный ХКТ оседлых скотоводов-земледельцев, промысловиков и металлургов. Наконец, пятый период эволюции археПП - время формирования комплексного хозяйства, стремительно нарастает и составляет уже период, насчитывающий порядка 500-700 лет, это интегрированный ХКТ оседлых и отгонных скотоводов, земледельцев, охотников, ремесленников-торговцев.

Подобный ритм наблюдается и во время смены ХКТ ретроприродопользования, которые рассмотрены на примере смены основных технологий земледелия

и скотоводства. Периоды смены составляли примерно: (1) - 400 лет, (2) - 250 лет, (3) - 80-100 лет, (4) - 40-50 лет. В эволюции ретроприродопользования (ретроПП) Южного Зауралья можно выделить несколько ХКТ, главным образом, интегрированных (Томилов, 1981). Полученные в результате анализа эволюции территориальных структур данные свидетельствуют об основных этапах их формирования, развивающихся от присваивающего, натурального "природопотребления" в период раннего ретроПП (экспедиционного и колонизационного этапа освоения) до интегрированных ХКТ - земледельческо-скотоводческого, торгового, индустриально-транспортного в период позднего ретроПП. Хозяйственная эволюция развивалась от кочевого скотоводства к оседлому с элементами земледелия и ремесел, а в период колонизации русских к сплошному сельскохозяйственному освоению территории, повсеместной распашке и развитию пашенной агрикультуры. Со временем лесной и другие виды промыслов (охота, рыболовство, сбор дикоросов) сохраняются лишь в качестве вспомогательных форм. Хозяйственно-культурные типы менялись от узкоспециализированных пушных промыслов и "этнических" скотоводческих в южных районах Зауралья до интегрированных, например, ХКТ товарных земледельцев-скотоводов и промысловиков поречий северной лесостепи. Темпы их смены также возрастают вдвое.

4. Принцип структурной этноконтактности.

4.1. Схожесть хозяйственных и этносоциальных структур, военных и религиозных, идеологических и территориальных, ландшафтных условий в процессе освоения территории Южного Зауралья стали основой мирной коэволюции тюркско-славянских этносов.

Лесостепное Зауралье (материнские ландшафты этносов Южнозауральской этноконтактной зоны) - район длительно проживающего здесь мусульманского населения. Лесостепная зона Южного Зауралья протягивается неширокой полосой (150 - 300 км) от Урала до реки Ишим. Южная граница зоны проходит по реке Уй - левому притоку Тобола, северная - по реке Исеть. В геоморфологическом отношении это области Зауральского плато и озерной Прииртышской равнины (аллювиальной и озерной аккумуляции).

Лесостепные ландшафты оказались "знакомыми" и схожими для русских и тюркских народов. Тюрки расселились и осели в более "родном" и привычном для себя ландшафте - южной лесостепи, поближе к степным районам. Первые сведения о появлении стабильных татарских поселений на территории Южного Зауралья относятся к концу XVI века, когда после разгрома Казанского ханства часть татар, бежавших на зауральские земли, постепенно формирует основные группы татарского населения. В частности, проживающие ныне в Курганской области две группы: ичкинские татары Альменевского района и сафакулевские татары Сафакулевского района. За сотни лет развития вдали от основной массы татарского населения сафакулевцы и ичкинцы сохранили этнические традиции, развиваясь довольно длительное время в контакте с русскими земледельцами. Переселение татар в Зауралье продолжалось вплоть до XX века, в их числе было много мишарей (мешеряков) - служилых татар.

Волго-Уральский регион стал ядром формирования татарского этноса (Радлов, 1872; Безсонов, 1881; Самойлович, 1927, Исхаков, 2002 и др.). Известно, что сибирские татары подразделяются на тоболо-иртышских, барабинских, томских татар. Тоболо-иртышские татары, в свою очередь, делятся на тюменско-туринских, ясколбинских (заболотных), тобольских, курдакско-саргатских (тевризских) и тарских.

У *зауральских татар* географические (*территориальные*) факторы в процессе этногенеза сыграли весьма важную, но *дрейфующую* роль, они носили "плавающий" характер, расстояния между этническими группами татар были довольно близкими, соседскими (можно его охарактеризовать как феномен "плавающей" территориальности). Территориальный фактор в формировании российской государственности и нациестроительстве также был важным, он носил "прирастающий" характер (постоянное движение русских на Восток).

4.2. Основным структурным элементом этногенеза татар явилось общее *этновоенное самосознание, которое со временем трансформировалось в религиозное (мусульманское)*.

Во второй половине XIX - начале XX вв. происходит втягивание сибирских татар в общенациональную этногеосистему. У сибирских татар распространился вначале конфессионим "мусульмане", а затем этноним "татары", имеющий интегративный характер на основе распространения во второй половине XIX в. общенационального слоя культуры, так называемой "высокой" культуры профессионалов, книгоиздательства, просветительства, школ. Это привело к изменениям в традиционной культуре и местных говорах татар, что в конечном итоге закрепилось у западно-сибирских татар единым этнонимом - "татары". Расцвет империи, развитие культуры, формирование системы городских поселений и общепонятного городского "койне" - литературного языка - привели к формированию общей этногеосистемы. Несмотря на довольно хорошо изученные последствия этого процесса, сам механизм трансформации еще до конца не изучен. Ключевую роль в этом процессе сыграли территориальные, идеологические и экономические причины: внедрение джучидской этнополитической идентификации, идеологии и государственности, интегрированность хозяйства и природопользование.

Историческим феноменом, возникшим на стыке религиозных, политических, этнических процессов золотоордынской эпохи, явилось формирование идеологии "чингисизма". В период Улуса Джучи на основе пришлых монголо-татарских и предшествующих местных (булгарских и кыпчакских) традиций возникла новая государственность, культура, литературный язык. На первом этапе происходило осознание своих общезтнических интересов в своеобразной институциональной мусульманской "оболочке". На втором этапе произошло слияние различных этнокультурных компонентов и элементов этнополитической общности и формирование татарского этноса. Эти процессы ускорили внутреннюю консолидацию и привели к принципиальным уступкам со стороны царского правительства (учреждение Оренбургского Магометанского Духовного со-

брения, признание дворянских прав татар, открытие в Казани татарской типографии). Возникли предпосылки институционализации каналов влияния зарождающейся интеллигенции на все общество, особенно духовенства. Создается особый социальный институт - мечеть со школами. Ученые муллы-галимы стали идеологами формирующейся "мусульманской" нации. Формирующаяся нация нуждалась в собственной "высокой" культуре, которая начала функционировать на базе книгоиздательского дела и религиозной образовательной системы, со временем оформляясь в более сложные формы (философия, светские издания и т.п.). Одновременно происходит процесс отделения веры от культуры, в результате чего культура становится более "этнической". Культурное реформаторство охватило многие сферы: языковую (создание нового литературного языка), школьное дело, информационную (книгоиздание и периодика). Под воздействием "профессиональной" культуры меняется и традиционная (народная) составляющая культуры.

Существовало несколько источников национального самосознания татар: этническое самосознание, выработанное на стадии феодальной народности (народное самосознание) и новый "культурный" слой самосознания, привнесенный интеллигенцией. Этноним "татар" в силу его исторической укорененности и особой интегральности становится общенациональным этнонимом. Ядром идеологического конструкта татарского этноса стал ислам. "Булгарство" - общим историческим и "природопользовательским" прошлым. Традиционная преемственность осуществлялась через связь истории Казанского ханства и Золотой Орды.

4.3. Значительное место в эволюции этносистем занимают *традиции*, например, сохранение земледельческих традиций "праотеческих" булгарских форм природопользования, лесопользования у мешеряков и т.д. В этнической эволюции татар *большую роль*, на наш взгляд, сыграли *булгарские формы хозяйствования и природопользования*. Татары в последствии легко вписались в союз с русскими земледельцами, имея большой опыт земледельческих традиций. Заимствование форм природопользования этносов всегда шло на основе "*здорового смысла*" и "*наглядности*" (*архетипы "Мудреца" и "Трансформации"*).

4.4. В ходе исследования этногенеза и нациестроительства татар и русских выявлен и обоснован *принцип структурной этноконтактности в районе лесостепного Зауралья на основе общих факторов и схожих институтов становления тюрко-славянской этноконтактной зоны:*

- схожесть военно-государственного устройства (имперские традиции у русских и Золотоордынские - у татар);
- православие и ислам как основы государственной идеологии;
- особая роль территориального фактора (у татар "дрейфующая", у русских - "прирастающая");
- схожий расселенческий фактор (городские поселения у русских и татар стали ядрами этнической "кристаллизации");
- незрелость социальной структуры и самоорганизации этносов;

- низкий уровень жизни.

Действующие институты нацистроительства россиян вполне коррелируют с "татарскими", это привело к формированию Южнозауральской этноконтактной зоны (ЮЗ ЭКЗ) и определило в целом мирный характер развития. Этническая "пограничность" была связана своего рода "сквозной" единой контактностью, общими институтами развития тюрков и славян (религиозных, территориальных, природопользовательских). Общей была и институциональная среда, "заданность" социального движения "сверху" (колонизация на Восток). Подобная "схожесть" в этническом развитии и стала, на наш взгляд, прочной цементирующей основой всего последующего мирного сосуществования этносов Южнозауральской ЭКЗ: тюркского и славянского, их комплиментарности и длительной этнической интеграции на основе совместного хозяйственного освоения территории. Основным "фоном" ее формирования стало этногенетическое, структурное, институциональное и территориальное единство.

Список литературы

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М., 1983.
2. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно - культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография (далее - СЭ). 1972. № 2. С. 18.
3. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
4. Бабурин В. Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней (инновационно-синергетический подход). М., 2002.
5. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV - XVIII вв. Т. 3. М., 1992.
6. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
7. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.
8. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
9. Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Л., 1982.
10. Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVI - XVIII вв. Т. 1. Челябинск, 1966.
11. Кузнецов С. В. Традиции русского земледелия: практика и религиозно - нравственные воззрения. М., 1995.
12. Кульпин Э. С. Социоестественная история: предмет, метод, концепция. М., 1992.
13. Курганские башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа, 2002.
14. Ландшафты и этнос. М., 1999.
15. Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 1999.
16. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно - культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4.
17. Моисеев Н. Н. Мировое сообщество и судьба России. Сочинения. Т. 2. М., 1997.
18. Мурзабулатов М. В. Этнополитическая история башкир // Курганские башкиры. Уфа, 2002. С. 20 - 24.
19. Никитин В. А. Южное Зауралье во второй половине XIX // История Курганской области (1861 - 1917). Т. 2. Курган: КГУ, 1996.
20. Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической геогра-

фиш. Смоленск, 1999.

21. *Россия - Казахстан: фронтьерские миграции: Сб. научных трудов / Под общей редакцией Ж. А. Зайончковской и М. Н. Садыкова. Москва - Уральск, 2002.*
22. Саушкин Ю. Г. *История и методология географической науки. М., 1976.*
23. Сочава В. Б. *Введение в учение о геосистемах. Новосибирск, 1978.*
24. Тишков А. В. *Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.*
25. Томилов Н. А. *Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири). Томск, 1993.*
26. Тоффлер А. *Метаморфозы власти: знания, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2001.*
27. Хаггет П. *Современный синтез знаний. М., 1979.*
28. Юнг К. Г. *Психология бессознательного. М., 1996.*

М.Н. Федченко

Курганский государственный университет, г. Курган

ИЕГОВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В ЗАУРАЛЬЕ (60 - 70-е гг. XX в.)

Появление в Зауралье в послевоенные годы подпольных религиозных общин международного общества "Свидетели Иеговы" было в значительной мере связано с депортацией в 1949 г. части населения Молдавии, неугодной советским властям. Так, на 1 января 1953 г. из 34 954 чел., депортированных из Молдавии на Урал, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, 13 447 чел. (38,5 %) проживало в Курганской области. Часть из них родилась и выросла в Липканском районе - центре иеговистского подполья Молдавии в первые послевоенные годы (19, 72 - 76).

Пострадав от советских властей, многие "спецпоселенцы" выражали свой протест в религиозных формах: отказывались работать в воскресные и праздничные дни, без крайней необходимости не общались с властями, не участвовали в выборах государственных органов, отказывались служить в армии, состоять членами профсоюзных организаций. В то же время политические вопросы занимали в деятельности иеговистов заметное место, а их идеалом было теократическое общество. Многие лица, сосланные за Урал "навечно", надеялись вернуться в родные края только в случае войны между СССР и США, в которой, по их мнению, "победит Америка". В пригороде Нью-Йорка Бруклине находился международный центр общества "Свидетели Иеговы"; на десятках языков народов мира издавались журналы иеговистов "Башня стражи" (с 1966 г. - "Сторожевая башня"), "Информатор", "Пробудитесь", брошюры, газеты, листовки, инструкции.

Так как в СССР организации иеговистов были запрещены, они действовали в глубоком подполье, соблюдая правила конспирации (явки, пароли, шифры и т. п.). Поэтому мы располагаем лишь теми данными о структурах, численности и составе, деятельности иеговистского подполья в Зауралье, которые были изве-

стны местным властям через соответствующие спецслужбы.

Во главе иеговистского подполья в СССР находился "краевой комитет", куда входили "высшие слуги" общества "Свидетели Иеговы". Низшим звеном иеговистской организационной структуры являлась "килка" - группа, или кружок из 5 - 10 человек во главе со "слугой". Нередко эти кружки состояли из членов одной семьи или ближайших родственников. "Килки" объединялись в "отделы", "обводы", "округа" или "стрелы", которые возглавлялись вышестоящими "слугами". Между иеговистскими структурами действовала сеть связанных, а также "специальных пионеров", занимавшихся миссионерской деятельностью. Организационные и тактические принципы, формы и методы работы иеговистов были определены специальным документом их центра в Бруклине "Организационные указания для возвестителей церкви". В начале 60-х гг. советским спецслужбам удалось узнать тайну одного из шифров, применявшегося в переписке верующих, со следующими условными названиями: "мама" - "краевой комитет", "семья" - "килка", "овощи" - "отчет", "пионерка" - "доверенное лицо", "Ян" - "журнал "Башня стражи"" и т. д.

Из документов управления КГБ СССР по Курганской области следует, что до 1961 г. иеговисты проводили на квартирах своих единоверцев многочисленные нелегальные собрания, на которых присутствовало до 50-60 чел. На собраниях читалась иеговистская литература и "допускались антисоветские высказывания со стороны сектантских руководителей". В 1959 - 1960 гг. были арестованы и осуждены к лишению свободы четыре "иеговистских авторитета". В 1961 - 1963 гг. было привлечено к уголовной ответственности еще 12 руководителей иеговистских организаций, в том числе руководитель "округа" И. Горчук, работавший в Баксарском птицеводческом хозяйстве Лебяжьевского района. В связи с арестами руководящего состава областная "стрела" иеговистов распалась. Единого руководства в Зауралье у них не стало. Действовали относительно автономно кружки (группы) по 10-20 и более человек, во главе которых стояли комитеты из трех человек, руководимые "слугами". В ходе разгрома руководящего ядра подполья было изъято большое количество иеговистских брошюр, журналов "Башня стражи" и другой нелегальной литературы (17, 72 - 73; 1, 1 - 3).

Так, 13 декабря 1962 г. рабочими Алабугского совхоза Звериноголовского района в одном из стогов соломы был обнаружен тайник с нелегальной иеговистской литературой. Его заложил 33-летний Г. Гайтур. В тайнике были обнаружены журналы "Башня стражи", шифрованные отчеты о работе местной организации, а также рукописи антисоветского содержания, написанные 25-летним иеговистом Г. Тутели, ранее судимого за отказ от службы в армии и отбывшего срок наказания в ИТК станции Иковка. Оба иеговиста были родом из села Коржеуцы Липканского района Молдавии. Они возглавляли в Алабугском совхозе иеговистское объединение, заботились о его организационном укреплении, распространяли нелегальную литературу, собирали деньги в иеговистский "фонд доброй надежды" или в "каассу Иеговы", составляли зашифрованные отчеты о проделанной работе. В июне 1963 г. Г. Гайтур был осужден и приговорен к семи

годам лишения свободы, Г. Тутели - к пяти (17, 22 - 23).

После разгрома руководящего ядра иеговистского подполья проведение многочисленных собраний верующих прекратилось. "Свидетели Иеговы" стали собираться небольшими группами по четыре - семь человек, организованными в основном по родственному принципу. Ими руководили: К. Калибаба и И. Заболотный (г. Курган); П. Крылов, И. Бардиян, Г. Платон (Петуховский район); И. Арсенюк, В. Бузило, В. Комендант (Лебяжьеvский район); И. Негря, Г. Лунгу (Звериноголовский район); И. Стадничук, П. Горячий (Куртамышский район); В. Георгиеш (Глядянский район); Д. Бардей (Частоозерский район); Д. Шорик (Варгашинский район); И. Подурец (Половинский район); С. Беженарь (Каргапольский район) и другие (17, 73).

К 1964 г. иеговисты Курганской области оказались, по данным местных властей, без единого руководящего центра. Один из бывших руководителей, 37-летний "спецпоселенец" П. Рурак, дважды судимый за антисоветскую деятельность, после окончания срока заключения прибыл в г. Курган и начал работу по объединению разрозненных групп в единое религиозное общество иеговистов. Местные власти пристально следили за этим человеком и вынудили его уехать в Кустанайскую область (5, 25).

В условиях массовых репрессий иеговисты стали не только действовать мелкими группами, но и менять формы и методы своей деятельности. Если раньше их руководители и активисты выезжали в города и села, что затруднялось их отлучками с основного места работы, а появление нового человека обращало, особенно в сельской местности, внимание местного населения и властей, то со второй половины 60-х годов они стали применять технические средства. Проповеди, статьи из иеговистской литературы стали записываться на магнитофонные пленки, которые доставлялись курьерами в низовые организации, где прослушивались верующими. Широкое распространение получило переписывание журналов "Сторожевая башня" от руки. Это привязывало переписчиков к организации, но, вместе с тем, создавало неудобства и провалы, приводящие к разоблачению властями лиц, снимавших копии. Более надежным, оперативным и конспиративным стал способ размножения литературы при помощи фотокопий (8, 17).

Из отчетов уполномоченных Совета по делам религиозных культов (с 1966г. - по делам религий) при Совете Министров СССР по Курганской области в вышестоящие государственные органы следует, что на 1 апреля 1961 г. на территории Южного Зауралья проживало более 600 иеговистов, в том числе в г. Кургане - 120, Лебяжьеvском районе - 125, Лопатинском - 50, Мокроусовском - 55, Звериноголовском - 80, Глядянском - 13, Куртамышском - 17, Частоозерском - 50, Половинском - 60, Петуховском - 10, Белозерском - 20. За предыдущие два года (1959-1960) число иеговистов в области не увеличивалось. В последующие годы прослеживается тенденция к сокращению численности общества "Свидетели Иеговы": 1962 г. - 550; 1963 г. - 504; 1964 г. - 507; 1965 г. - 451; 1966 г. - 449; 1967 г. - 364; 1968 г. - 326; 1969 г. - 290; 1971 г. - 137; 1978 г. - 125 (1, 1 - 2; 2, 8; 3, 47; 4, 7 - 8; 6, 42; 7, 52 - 53; 8, 70; 10, 23; 11, 27; 13, 11).

Уменьшение численности иеговистов было связано с постоянными репрессиями против них со стороны властей, выездом многих верующих за пределы области, особенно в Молдавию, Краснодарский край и Казахстан. В 1960 - 1964 гг. от общин иеговистов отошло по разным причинам более 170 чел. Пополнение их состава новыми верующими происходило в основном за счет детей "свидетелей Иеговы", которые получали религиозное воспитание в семьях (5, 31; 10, 71). В составе иеговистов Курганской области преобладали лица нерусских национальностей (молдаване, западные украинцы и белорусы). Однако в их общины вовлекалось и местное русское население. В 1962 г. в г. Кургане проживало 72 иеговиста, в том числе в Восточном поселке 52 чел. и в "барачно-земляночном" поселке "Копай" - 20 чел. 26 верующих были моложе 30 лет, а перешагнули 60-летний рубеж лишь пятеро. Подавляющее большинство "свидетелей Иеговы" г. Кургана трудились строителями (плотники, каменщики, штукатуры-маляры, печники и др.). В сельской местности значительная часть женщин-иеговисток работала доярками колхозов и совхозов. "Свидетель Иеговы" Т. Тофан, проживавшая на хуторе Ворошиловка Звериноголовского района, являлась передовой дояркой (3, 50 - 55; 18, 34).

Большое внимание иеговисты уделяли работе с детьми и молодежью. Школьники из семей "свидетелей Иеговы" обычно не посещали уроки пения и физкультуры, не участвовали в художественной самодеятельности, не вступали в пионеры и комсомол, не ходили в кино. Свободное от учебы время они посвящали изучению иеговистского вероучения, читали журнал "Башня стражи". При иеговистских объединениях действовали молодежные группы. В 1959-1960 гг. 17 призывников-иеговистов Зауралья отказались служить в армии, за что были приговорены к лишению свободы. В 1969 г. в г. Кургане существовала организационно самостоятельная молодежная группа иеговистов из семи человек в возрасте от 18 до 20 лет. Трое из них работали на Курганском машиностроительном заводе, остальные - на местном гормолзаводе и в чайной. Группой руководила 37-летняя штукатур-маляр завода Химмаш С.С. Герман. Помимо молитвенных собраний и чтения журнала "Сторожевая башня" здесь был организован оркестр народных инструментов. 29 марта 1975 г. состоялось нелегальное собрание иеговистской молодежи Октябрьского района г. Кургана. Оно проходило по ул. Тюменской, 30. Участвовали 13 юношей и девушек в возрасте от 16 до 25 лет - молодые рабочие, служащие, учащиеся. В их числе был 22-летний токарь завода Химмаш Я. Руф. На медицинской комиссии в военкомате он заявил: "Я отказываюсь служить в любой армии мира, так как Библия учит, что все люди - братья, а из этого следует, что и мы должны жить как братья, а не вооружаться один против другого". Отказался служить в армии и его брат И. Руф. Молодой иеговист, слесарь арматурного завода С. Плотников на призывной комиссии в военкомате отказался служить в армии по религиозным убеждениям: "Бог на свете один, его имя Иегова, и я ни к каким течениям не отношусь. Я христианин" (1,3; 10, 97 - 99; 12, 138 - 140).

Нелегальные условия деятельности "Свидетелей Иеговы" вызывали необхо-

димось постоянной организационной перестройки их объединений. В 1963-1964 гг. на территории Курганской области имелось 22 объединения иеговистов, в том числе 10 обществ, насчитывавших более 20 чел. каждое, и 12 малочисленных групп. В 1965 г. насчитывалось 23 объединения, в 1968 г. - 24, хотя общее количество верующих в них существенно сократилось (3, 47; 4, 7 - 8; 9, 70).

К концу 60-х - началу 70-х годов во многих населенных пунктах области иеговистские формирования как самостоятельные общества и группы свою деятельность прекратили и вошли в состав объединений других городов и крупных сел. В связи с уменьшением численности верующих и репрессиями против их руководящего ядра, на территории области вместо "стрелы" (округа) осталось структурное подразделение более низкого порядка - "обвод", в который входило пять укрупненных иеговистских групп (отделов). В 60-е годы среди иеговистов СССР произошел раскол. Он был связан с тем, что новое руководство "краевого комитета" во главе с П. Зятеком стало более лояльным по отношению к советским властям. Многие иеговисты стали слушать радио, читать газеты, участвовать в выборах органов власти, вступать в профсоюзы, а своим детям разрешили вступать в пионеры. Однако иеговисты по-прежнему отказывались от службы в армии. Иеговистские общества и группы разделились на сторонников так называемого зятековского направления, выступавших за некоторую лояльность к властям, и на их противников, оставшихся на прежних позициях (10, 22 - 23; 71).

В 1969 г. уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Курганской области Н. М. Тевризев докладывал в Москву о деятельности в составе Курганского иеговистского "обвода" пяти укрупненных групп (отделов), в том числе двух курганских, мокроусовской, половинской и звериноголовской. Все они вместе взятые насчитывали 262 чел. Курганская группа зятековского направления состояла из 64 чел., из которых 25 проживали в г. Кургане, по 14 - в Глядянском и Куртамышском, 11 - в Белозерском районах. Вторая курганская группа, оппозиционная зятековцам, насчитывала 25 чел. Мокроусовская группа состояла из 68 чел. Она объединяла верующих четырех населенных пунктов: 25 чел. - в с. Мокроусово, из них семеро находились в оппозиции к зятековцам; 17 - в г. Петухово; 24 - в п. Лебяжье; 2 - в с. Частоозерье. Половинская группа зятековского направления охватывала 40 чел., в том числе 18 из райцентра, 10 - из с. Байдары и 12 - из деревни Новые Байдары Половинского района. Звериноголовская группа зятековского направления состояла из 65 чел. Из них 23 проживали в с. Звериноголовском, семеро - на хуторе Абуга, 10 - в деревне Ворошиловка, 10 - на хуторе Урсу, 15 - в деревне Комсомольская Притобольного района (10, 71).

В 70-е годы количество объединений иеговистов значительно сократилось. На 1 января 1978 г. власти Курганской области имели сведения о шести обществах и группах "Свидетелей Иеговы", в которых насчитывалось 125 чел. Наиболее крупные из них находились в г. Кургане (54 чел.) и в с. Одино Мокроусовского района (18 чел.). В 1979 г. в Зауралье действовало три объединения иеговистов. Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Курганской области И. И. Таранченко отмечал некоторое снижение активности

верующих. Так, в Притобольном районе "свидетели Иеговы" жили по одной - две семьи в разных селах и организованной религиозной деятельности не проявляли, влияния на местное население не имели, хотя своих религиозных убеждений не скрывали, в выборах в Советы участия не принимали (13, 11; 14, 141).

Если в первой половине 60-х гг. власти занимались, главным образом, разгромом руководящего ядра иеговистского подполья, то в 70-е годы был организован ряд судебных процессов и против малочисленных групп общества "Свидетели Иеговы". Одним из них явилось судебное дело С.С. Герман, которое рассматривалось 20 марта 1975 г. в Курганском городском суде. Уроженка слободы Ширауцы Липканского района Молдавии, 43-летняя Софья Герман обвинялась в том, что в течение многих лет возглавляла группы иеговистов. С сентября 1973 г. по декабрь 1974 г. она активно руководила "килкой" из пяти женщин, которые один - два раза в неделю собирались по ул. Мечникова, 23 в г. Кургане для занятий по иеговистскому вероучению. При обыске у С. Герман были обнаружены отчеты о деятельности групп иеговистов за 1972-й, 1973-й и девять месяцев 1974 года. Они были зашифрованы в таблицы под видом размеров выкроек одежды и данных объема штукатурно-малярных работ в ремонтируемых квартирах. Сопоставление этих таблиц с иеговистским журналом "Информатор" за № 10, на третьей странице которого давалась расшифровка граф отчета низовых организаций центру, показало: первой графой обозначались книги, распространенные среди населения для чтения и изучения; вторая графа содержала сведения о количестве распространенных иеговистских брошюр; в третьей графе было показано количество распространенных экземпляров журнала "Сторожевая башня"; четвертая графа давала данные о количестве затраченных на проповедническую деятельность часов; в пятой графе содержался отчет о числе повторных посещений членами группы людей, подвергавшихся иеговистской пропаганде; шестая графа давала сведения о количестве домашних коллективных занятий ("студий") по изучению религиозной литературы. Остальные графы дают представление о количестве людей, принявших водное крещение, о суммах собранных денежных взносов, перечисленных в иеговистский "фонд доброй надежды".

В подполье дома, где проживала С. Герман, хранился полиэтиленовый мешок с литературой и документами иеговистского содержания. Сотрудники КГБ изъяли у С. Герман 35 экземпляров журнала "Сторожевая башня", несколько журналов "Информатор", 14 рукописных тетрадей и другую литературу. Здесь были обнаружены книги "От потерянного до возвращенного рая", "Истина, ведущая к вечной жизни", которые представляли собой комментарий к Библии с точки зрения вероучения иеговистов.

В обвинительном судебном заключении говорилось о том, что, являясь активным членом нелегальной теократической организации "Свидетели Иеговы", С. С. Герман в сентябре 1973 г. организовала и руководила группой, деятельность которой под видом проповедования религиозного вероучения была сопряжена с посягательством на права граждан и побуждением граждан к отказу от общественной деятельности и исполнения гражданских обязанностей. Судом было

установлено, что С.С. Герман призывала членов группы не принимать участия в выборах в местные и верховные органы власти, не состоять в КПСС, профсоюзных и других общественных организациях, отказываться от работы в воензированной охране и от работы, связанной с производством оружия, от службы в армии. В феврале 1974 г. С.С. Герман провела специальное занятие о поведении членов группы на следствии и в суде, где побуждала слушателей давать ложные показания и уклоняться от свидетельских показаний. Члены группы иеговисток, организованной С.С. Герман, вышли из профсоюза, не участвовали в выборах в Советы, отказывались подписывать протоколы следственных действий. Сама С.С. Герман виновной себя не признала и давать показания отказалась. Суд приговорил С.С. Герман по статье 227 части первой УК РСФСР к четырем годам лишения свободы в ИТК общего режима с конфискацией имущества, в том числе 520 рублей денег, изъятых у нее при обыске, и денежных вкладов в сберкассе в сумме 5019 руб. 85 коп. со всеми процентами.

С. С. Герман родилась в 1932 году. Война не позволила ей получить нормальное образование. Она успела окончить лишь два класса начальной школы. Уже в 18-летнем возрасте была осуждена Верховным Судом Молдавской ССР "за антисоветскую деятельность". Проживала в Лебяжьевском районе Курганской области, где в 60-е годы действовала наиболее крупная в Зауралье группа иеговисток. В 1967 г. С. Герман переехала в г. Курган, где работала штукатуром-маляром завода Химмаш. Позднее по состоянию здоровья перешла в уборщицы. Проживала на частных квартирах в Ново-Северном поселке. Власти понимали, что им трудно ожидать лояльности от людей с такой трудной, искалеченной судьбой (12, 34 - 39; 21, 4).

Корни многих негативных явлений, которые потрясли наше общество в 90-е годы, уходят в далекое и не совсем далекое прошлое. Депортация многих народов в довоенные, военные и первые послевоенные годы - один из таких корней. В нашей стране "Свидетели Иеговы" вышли из подполья в 1990 году. Старшее поколение верующих (Ф. С. Крецу, В.Н. Бурлаку и др.), пережившее ужасы гонений в советское время, призывало молодежь (В.Н. Тиху, Е.А. Белоглазов и др.) к осторожности и недоверию к властям. Однако большинство иеговисток высказалось за полную легализацию и мечтало о строительстве в Кургане большого молитвенного дома - "Зала царств". В декабре 1994 г. в Кургане состоялся однодневный конгресс иеговисток, в котором участвовало более одной тысячи делегатов из Кургана, Магнитогорска, Челябинска, Кустаная. Было заслушано около десятка докладов, а 70 участников конгресса приняли водное крещение в бассейне "Спартак". Число автономных собраний зауральских иеговисток возросло с двух в 1992 г. до восьми в 1998-м. К руководству собраниями пришли молодые, профессионально подготовленные, энергичные проповедники. Стремясь заручиться поддержкой молодежи, они подчас ошибочно отказывались от традиционных славянских ценностей, демонстрировали "американизированное" поведение, что не способствовало росту их авторитета среди зауральцев, особенно среднего и старшего возрастов (15, 10; 16, 4 - 5; 20, 115 - 116).

Примечания

1. ГАКО. Ф. Р - 1800. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 - 3.
2. Там же. Д. 30. Л. 8.
3. Там же. Д. 37. Л. 47, 50, 52 - 55.
4. Там же. Д. 42. Л. 7 - 8.
5. Там же. Д. 44. Л. 25, 31.
6. Там же. Д. 48. Л. 42.
7. Там же. Д. 53. Л. 52 - 53.
8. Там же. Д. 54. Л. 17.
9. Там же. Д. 60. Л. 70.
10. Там же. Д. 68. Л. 22 - 23, 71, 97 - 99.
11. Там же. Д. 73. Л. 27.
12. Там же. Д. 92. Л. 138 - 140.
13. Там же. Д. 98. Л. 11.
14. Там же. Д. 103. Л. 141.
15. Там же. Ф. Р - 2443. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
16. Там же. Ф. Д. 4. Л. 4 - 5.
17. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 7. Д. 9. Л. 22 - 23, 72 - 73.
18. Осинцева Л. Г. Чему учат иеговисты? (Некоторые проблемы критики идеологии иеговизма). Курган, 1967. С. 34.
19. Отечественная история. 1996. № 2. С. 72, 75, 76.
20. Религия, человек, общество. Ч. 1. Курган, 1998. С. 115 - 116.
21. Советское Зауралье. 1975. 4 апреля.

СЕКЦИЯ 1. ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ: ВОЗМОЖНОСТИ СИНТЕЗА

*И.С. Менщиков
Курганский государственный университет, г. Курган*

РУССКАЯ СВАДЬБА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Русская свадьба - один из самых ярких и продолжительных праздников. Он хорошо описан и в источниках, и в исторической литературе. В наши дни предпринимаются даже попытки некоей реанимации русского свадебного ритуала, которые, впрочем, едва ли могут иметь успех.

Свадебный ритуал довольно архаичен. Он сохранил некоторые языческие пережитки, многие рудименты дожили и до наших дней в виде катаний, свадебной кавалькады, которая заменила свадебный поезд, выкупа невесты и т.п. Свадьба весьма подвижный праздник. Он перемещается из дома в церковь, из церкви в дом, из села в село. Даже во дворе и в доме участники свадьбы находятся в движении. Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что в свадебном обряде практически все были именно участниками, боле или менее активными. Даже дети так или иначе имели свои роли. Свадьба была и спектаклем, хорошо отрепетированным во времени. Каждый актер твердо знал свою роль и роли других участников. Это давало возможность предвидеть реакцию и гибко на неё реагировать. Ритуал давал возможность вежливого отказа, который никого не обижал. С другой стороны, как ни жёсток свадебный ритуал, наблюдаются его различные варианты даже на небольшой территории. Это весьма характерно именно для традиционной культуры. На рубеже XIX - XX веков русская традиционная культура начинает терять свои позиции и в Западной Сибири, что нашло отражение, в частности, в отказе от традиционного свадебного ритуала, довольно продолжительного, сложного и дорогостоящего, как будет показано ниже.

Свадьба длилась обычно дня два-три, хотя известная пословица гласит, что хорошие именины - до трёх дней, хорошая свадьба - до недели. Но наряду с непосредственным празднованием бракосочетания, можно выделить и предсвадебный, и послесвадебный период обрядов, тесно связанных с самой свадьбой, что позволяет говорить о свадьбе как о комплексе праздничных обрядов, который мог длиться до года. Можно выделить, таким образом, досвадебный период (обычно два-три месяца), непосредственно свадьба (от двух дней до недели), послесвадебный период (один - два месяца). Поскольку большинство свадеб

игрались зимой (после святок, но до масленицы), можно определить, что сватовство и досвадебный период приходились, как правило, на осень, когда основные полевые работы были завершены. Традиционным праздником молодоженов считалась масленица, в период Великого поста ближе знакомились с семьями мужа и жены, устраивались так называемые посядки. Наконец, на Троицкой недели молодоженам в последний раз предоставлялась возможность выделиться, после чего они вливались в общую среду взрослых. Брак, таким образом, был формальным завершением первичного этапа социализации.

Попытаемся теперь более подробно рассмотреть на конкретных примерах сложный обрядовый комплекс, называемый русской свадьбой.

Практически все авторы отмечают, что русские вообще и русские крестьяне в частности весьма серьёзно относились к институту брака и выбору будущего супруга. Поэтому свадьбе предшествовал довольно длительный досвадебный период. Интересно отношение русских крестьян к выбору своего жениха или своей невесты. Они полагали, что люди предопределены друг для друга.

Показательна в этой связи сама этимология слова "суженый", которое происходит от слова "судить", "суждено" и родственно слову "судьба". В сказке-притче "Невеста-горбунья", записанной А.Н. Зыряновым в Шадринском уезде, рассказывается о том, как некий человек задумал жениться и искал себе невесту по разным городам. Около одной церкви он встретил "толпу нищих", и один старик из толпы спросил, что он ищет. Когда человек ответил "невесту" старик подвёл его к остальным нищим и указал на горбатую женщину со словами: "Вот твоя судьба: не обойдёшь, не объедешь!" Герой притчи подумал, зачем ему невеста-нищая, да ещё и горбом? "Как ты можешь знать, што она невеста моя?" На что старик просто ответил: "Знаю". Тогда этот человек решил убить горбуню. Ночью он пришёл к богадельне, где она жила, и выкликал её. Когда она вышла, он хватил её тесаком и убежал. "Думал дорогой: засек теперь нишшу, - вот и судьба она моя! Вздор стары люди говорят!" Горбунья осталась жива - человек ей только горб отсёк. Её вылечили и один офицер взял её к себе в стряпухи. "Увидел он, - продолжает рассказчик, - што она не баламутка, обстоятельна, стал держать её вместо дочери, а жених-от, как-то, был в знакомство с барином... Приглянулась ему она, стал он её сватать и женился на ей". В конце концов, он увидел шрам на спине своей жены, она ему объяснила откуда он и "тогда он обумился: вот, говорит, сужена-те... видно суженой не обойдёшь, не объедешь! Потом открылся ей... и стал после того почитать да любить её" (22, 203-204).

В обыденной жизни способы выбора невесты, конечно, были менее экзотичны. Основным местом для присмотра были разные формы совместного проведения досуга и труда (посиделки, помочи и т.п.), как это было показано выше. Во многих местах крестьяне выбирали будущую жену (и сноху) в других деревнях, "ни один родитель не решится дать своего благословения сыну, если невеста предполагается в каком-нибудь, самом отдалённом и часто воображаемом родстве" (19, 28).

Однако к концу века (во всяком случае, в Курганском округе) наметилась

тенденция к повышению числа эндогамных браков - около трети всех браков заключалось в пределах одного селения, около 90% - в пределах одной волости. Допустимо предположение, что эти процессы связаны с увеличением числа населения и усилением потока переселенцев. Так или иначе, при выборе супругов предъявлялись требования к их родословной. Для знакомства наиболее подходящим местом считались посиделки и помочи, где допускались довольно свободные отношения между юношами и девушками. Здесь можно было оценить не только внешние данные избранника или избранницы, но и трудовые, а также свойства характера. Впрочем, в большинстве случаев решающее слово при выборе спутника жизни принадлежало родителям.

Интересен однако пример, который имел место на Афанасьев день (18 января) в селе Чернавском, . Здесь по традиции была ярмарка, которую сопровождал обряд, известный как "ярмарка невест", поскольку вплоть до конца исследуемого в данной работе периода сохранялся обычай выбирать на ней женихов и невест. В село съезжались люди, нередко - купцы, за несколько сот вёрст. После обедни женихи становились по одну сторону улицы, невесты - по другую и стояли, шелкая семечки или кедровые орехи, часов до двенадцати дня. После этого все расходились по своим квартирам. Позже приглянувшиеся друг другу парочки сходятся и угощают друг друга, а затем катаются на лошадях, причём девушки и парни раздельно. Первые во время катания сидели молча, вторые кричали и пели. Просватанные накалывали поверх одежды цветы. Богатые женихи и невесты ехали на тройках, в крытых коврами санях, бедные запрягали в сани по одной-две лошади. Всего в этом катании принимало участие 300-400 саней. Вечером катающиеся расходились в заранее приглашенные дома или по знакомым на вечерки. Нередко парень садится на колени к девушке и поёт песню "Качу кольцо золотое" и при этом целует её (18, 17-19).

Кроме того, большое внимание уделялось при выборе спутника жизни таким факторам, как состояние, внешность, репутация, хозяйственные и трудовые качества. Например, Т. Успенский пишет, что крестьяне Шадринского уезда обращали большое внимание в основном на то, чтобы невеста была работящая и из зажиточной семьи, а об остальном и думать нечего. "На благонравие и лета невесты мало обращается при этом внимания". Среди жителей этого уезда отмечено стремление жениться на девицах старше себя на 2-5 лет (19, 25). Х. Мозель отмечает это явление по всей Пермской губернии: парни женятся в 18 лет, девиц же выбирают насколько годами старше (11, 554). В Курганском уезде в начале XX века наблюдалось иное явление: мужчины были несколько старше женщин при вступлении в брак. Средний возраст первых - до 22 лет, вторых - до 20 лет.

Определённое внимание при выборе невесты уделялось и её добронравию и хорошей репутации. Народная традиция предписывала выбирать супруга или супругу среди ровни: "Всякая Ховря знай свою ровню", "Запрягай в древни и поезжай по ровне", "Не в свои сани не садись", "Женись на бедненькой да на честненькой", "Не хвали молоду на первом году, хвали молоду на третьем году" (17, 191-213).

В Челябинском уезде большую роль при выборе невесты играли родители жениха. Они ориентировались на трудолюбие невестки и её добрую славу (2). Среди рабочих, мастеровых и бывших приписных крестьян на Урале также большое внимание уделялось трудовым качествам. При этом на нравственность невесты смотрели гораздо менее строго, чем среди прочих крестьян Урала и Зауралья - неважно, что девица не девушка, что есть дети, лишь бы была работающей. Тот же автор отмечает, что среди указанных категорий населения в Пермской и Оренбургской губерниях вообще весьма свободные взгляды на брак: "Жена бросает мужа, муж жену, живут с посторонними гулеванами и гулеванками, наживают детей". Больше же всего бережётся девичья честь среди казаков (2).

После выбора невесты начиналось сватовство. Родители жениха засылали к родителям невесты сваху или свата, которые после переговоров либо договаривались о предстоящей свадьбе, либо получали отказ. Если переговоры заканчивались успешно, то сваты и родители жениха ставили перед иконами свечу и, полившись, "били по рукам" в знак согласия. Эта процедура называлась рукобитие. После этого назначались смотрины. Таков типичный сценарий первого этапа досвадебных приготовлений в Курганском округе в середине XIX века. В Шадринском уезде он имел те же черты.

В Верхтеченской волости, после того как получалось принципиальное согласие родителей невесты, к ним отправлялась сваха. Ею могла быть родственница жениха или посторонняя женщина. Вслед за тем приезжает жених с родителями смотреть невесту, "и, если она ему поглянется, бывает рукобитие". Невеста дарит жениху и его родителям платки, полотенца или просто холстины. "Это самое первое действие называется просватаньем, которое посельным криком девиц возвещается всей деревне..., и тогда отец жениха угощает вином всех родственников невесты, приглашённых на этот случай" (10, 56) Т. Успенский сообщает, что подобная церемония имеет место во всём Шадринском уезде. Он добавляет, что просватанная невеста требует от родителей жениха запрос от трёх до тридцати рублей. На эти деньги она покупает подарки для родственников жениха (19, 25).

Практически теми же словами описывает просватанье в Шадринском уезде и А. Зырянов (5, 2). В Ялуторовском округе запрос в середине XIX века колебался от 10 до 100 рублей. Он либо платился деньгами, либо отдавался подарками родственникам невесты (сапоги, платки, пряники). В этом округе также просватанье осуществляли свахи или сватовщики. На их предложение родители невесты обязательно должны были "поломаться", утверждая, что у неё "около себя еще ничего нет и неисправна и что пусть ещё девкой посидит да ума накопит". Сваты не оставляют своих попыток и навещаются по три дня в неделю до тех пор, пока не получают решительное согласие или отказ. После чего зажигаются свечи перед образами и назначается день свадьбы, что и называется рукобитием (15).

В Курганском округе (а позднее уезде) отмечено, что в южных частях его к невесте посылаются сваты, а в северных родители сами определяют невесту и посылают сватов к её родителям. В остальном обряд рукобития совершался также, как описано выше. В Курганском округе родители невесты тоже считали

нужным поломаться, говоря: "не поспела, не засиделась... подумаем", на что сваты начинали усиленно нахваливать жениха, а родители невесты - свою дочь. После этого последние запрашивали калым и начинался торг. Калым составлял от 20 до 100 рублей в зависимости от достатка, кроме того, надо было дать отцу рублей 10 - 20 "за руку", матери подарить чулки, братьям - сапоги, а сестрам мыло, пряники, ленты (15). В конце концов при свидетелях били по рукам, ставили невесту и жениха рядом, садились за стол, ели, пили и вечером разъезжались (18, 20). Бывало в Зауралье и так, что родителям нужны были по дому лишние женские рабочие руки. Тогда они не выдавали дочь замуж, хотя ей давно уже перевалило за тридцать лет. С богатых требовали большой калым, а бедным сразу отказывали. "Девушка рождает детей. По мнению родителей - это ничего, пустяки. Бог простит, зато даровые работники". Церковь призывала бороться с подобными явлениями (8). На просватанье приезжали очень торжественно, лошади покрывались коврами, готовилось около десятка блюд, а в богатых семьях - более тридцати, нередко застолье длилось весь день - 8 - 10 часов.

Встречающийся во всех описаниях предсвадебного периода калым или запрос был, по своей вероятности, заимствован у тюркских народов. Однако (по крайней мере это применимо к Зауралью) он имел у русского населения важную отличительную особенность - это не был в прямом смысле выкуп невесты из её семьи. Практически все авторы сообщают, что на эти деньги невеста завершала подготовку своего приданного и покупала подарки родителям жениха и его родственниками.

После рукобутья (в некоторых местах оно называлось сговор, уговор, обручение) начинались непосредственные приготовления к свадьбе. Период от сговора до свадьбы длился обычно от двух недель до месяца. В это время в доме невесты заканчивали готовить приданое, шили наряды. Нередко невесте в этом помогали её подруги, которые приходили к ней в дом. На таких посиделках с работою пелись обычно грустные песни, смысл которых заключился в сожалении по поводу расставания с подругой. Есть, однако, и другие замечания: "О начавшейся свадьбе в селе или деревне вдруг все узнают и девки приходят в такое самозабвение, что по неделе остаются без пряжи и веретен в руки не берут" (15). Одновременно жених получал право свободно приходить к невесте и гулять с ней по деревне. Гулять с другими девушками для него считалось предосудительным и могло кончиться расторжением помолвки (13, 79).

Самый день свадьбы назначался в соответствии с церковными правилами и народными традициями. Православная церковь не венчала браки в четыре больших поста (Великий, Петров, Успенский и Филиппов) или накануне некоторых праздников и в сам день праздника, в Рождественскую (святки), Сырную (масляную) и Пасхальную или Светлую недели.

Традиция и экономическая деятельность крестьян предписывали проводить свадьбы в два основных периода: после Покрова, но до Филиппова поста (октябрь - первая половина ноября) и в мясоед (от святок до масленицы, т.е. январь - первая половина февраля). Реже свадьбы игрались летом, когда крестьяне были

заняты на полевых работах. В целом распределение количества свадеб по временам года было такое: зима - 58,5 %, весна - 12,1%, лето - 11%, осень - 18,4%. Например, в Широковской волости Шадринского уезда в 1878 году свадьбы заключались в следующие сроки: январь - 66, февраль - 19, апрель - 3, май - 2, июнь - 5, июль - 7, октябрь - 5, ноябрь - 15. В марте, сентябре и декабре свадеб не было. В некоторых больших сёлах в мясоед игралось более двадцати свадеб. Таким образом, самым распространённым временем для свадеб являлся январь - февраль (до Великого поста).

Накануне или за несколько дней до свадьбы обычно бывал девишник. В этот день или перед ним жених дарил невесте мыло, а она шла с подружками в баню. Перед этим девушка просила благословения родителей. Этот церемониал сопровождался жалобными песнями. После бани жених с друзьями и родственниками мог ещё раз навестить невесту с подарками, за которые та тоже должна подарить что-нибудь их одежды (рубашку, вышитый пояс и т.п.) жениху. Невеста пела проговорные песни, прощаясь с родным домом: "Отказал мне родимый батюшка, родимая матушка от хлеба соли, как с моими-то со любезными подружками!" (18, 23). Присутствовали также подружки и родственники невесты, а также свахи. Нередко девишник заканчивался пирушкой, которая затягивалась до утра. Впрочем, описан девишник и без жениха, только с подругами, свахами и родней невесты (15).

В самый день свадьбы во дворе жениха формировался свадебный поезд. Жениха сопровождали дружка или шафер, тысяцкий, сваха и двое или трое поезжан садились в сани или в телеги и отправлялись в дом невесты, который нередко был в другой деревне. Если свадьба была богатой, количество телег или саней превышало десяток. Нередко поезжане именовались боярами, жених князем. В середине XIX века жених облачался в тулуп, на шею надевался платок, а на плечи "на перевязку" шаль. Также оболокаются (одеваются) дружка, подружка и тысяцкий. Одним из главных действующих лиц на свадьбе был дружка. Он не только распоряжался свадьбой и должен был знать весь свадебный обряд, но и защищал свадьбу от порчи. Поэтому обязанности дружки даже и в начале XX века возлагались на какого-нибудь сельского знахаря: "Обязанность дружки состоит в том, чтобы предотвращать могущие встретиться... в пути несчастья" (10, 56). По поверью крестьян, во время свадьбы могут испортить жениха или невесту и поэтому, чтобы оградить от порчи, дружка должен быть знахарь-колдун. Иногда дружка бывает один на всю волость и он на свадьбах, кроме обильного угощения, получает подарки. В Иковской волости всегда дружкой был крестьянин деревни Редькиной Осип Вагин (18, 23). Окружной врач Н. Надеждинский сообщает, что по южным округам Тобольской губернии, как и по всей Сибири, по поверьям крестьян, существуют колдуны-веждивцы. "Эти пакостники преимущественно участвуют в свадьбах и действительно творят всякие лиходейства: то пугают лошадей, то подпотчуют чем-нибудь молодых... На свадьбе таким плутам обыкновенно оказывается низжайшее почтение, даётся первое место... Обязанность колдуна на свадьбе - предупреждать всякую пакость при поезде. С этой целью... обхо-

дит лошадей с шопотом и разными манипуляциями, потом отдельно садится в сани и едет тихо вперёд по дороге к церкви, осматривая всё подозрительное... Почти с такой же церемонией колдун вводит молодых в избу и даже кладёт их на брачное ложе. Впрочем, эта колдовская обрядности во многих местах уже оставлена, особенно там, где народ понатёрся, но в захолустьях, где народ диче, всё это осталось до сих пор". Впрочем, отмечает Н. Надеждинский, между образованного класса народа существует уверенность, что колуны не могут портить и что они шалят, выкрикивая имя испортивших (12, 20).

Со всеми этими предосторожностями поезд приезжал к дому невесты. В Шадринском уезде сваха жениха расстилала у крыльца кошму и с рюмкой водки дожидалась свахи невесты, которая также выходила с рюмкой водки. После взаимных поклонов, свахи выпивали водку и заходили в дом, а вслед за ними и поезжане усаживались за стол. Обменявшись дарами, гости и хозяева начинали угощаться, а тем временем свахи выводили невесту жениху и после родительского благословения все, кроме родителей, отправлялись в церковь, а из церкви - в дом жениха. Во многих местах того же уезда отмечена свадебная перебранка свих. Они в песенной форме хвалят жениха и ругают невесту (сваха жениха) и наоборот - сваха невесты ругает жениха и хвалит невесту, после чего выпивают рюмку вина или стакан пива и в знак примирения целуются. Подобный же обряд отмечен почти по всей Пермской губернии (11, 554 - 555).

В Курганском округе со свахой перед крыльцом обычно встречался сват невесты, также с рюмкой или бутылкой водки. Каждый из них старается друга перехитрить. После чего все входят в избу, молятся на образа. Брат невесты не пускает их за стол, требуя выкуп. После небольшого торга он получает деньги и встает из-за стола. Его место тут же занимают подружки невесты с соломенной косой и требуют выкуп. Затем дружка идёт в куть и спрашивает у родителей невесты, готова ли она. Получив утвердительный ответ, он выводит ее к жениху, который дарит ей гостинцы, а девушкам мыло. Затем начинаются "плачи" и невесту под пение девушек одевают к венцу, жених и невеста падают родителям невесты в ноги и, получив благословение, отправляются в церковь (18, 23-24). В Ялуторовском округе перебранка свих не отмечена, а места за столом занимают дети, у которых эти места выкупают пряниками и орехами. Невеста же в кути начинает прощаться с родителями:

*Приступи ко мне родимый батюшка,
Ко мне в куть бедной, за занавесу,
Ко кручинной красной девице,
Ко кручинной, ко печальной
Я не выйду, не выступлю,
Из кути, из-за занавесы,
Без родимого своего батюшки
И без родимой матушки.*

Отец выводит девушку из-за занавеса и садит за стол подле жениха. Если за столом засиделись слишком долго, то дружка берёт невесту и жениха за руки и

выводит из-за стола. Отец благословляет дочь образом, после чего все, кроме родителей, едут в церковь (15). Аналогично проходил обряд встречи жениха и невесты и в Челябинском уезде. Здесь также не отмечена перебранка свах. Это замечание относится и ко многим другим частям Оренбургской губернии (9, 43). Надо отметить, что вся церемония в доме невесты сопровождается песнями, как правило, грустными либо величальными. Тексты песен подробно записаны и отличаются лишь в деталях, что позволяет говорить об устойчивости всей песенной составляющей этой части брачного ритуала (15). Основное отличие в разных частях Южного Зауралья состояло только в разных текстах песен, которые при этом обряде исполнялись.

Затем свадебный поезд отправлялся в церковь. Родственники или родители невесты грузили приданое и отвозили в дом жениха. Родители жениха должны были успеть до приезда молодых распаковать приданое и наиболее ценные вещи выставить напоказ. Следует оговориться, что ни родители жениха, ни родители невесты не присутствовали на венчании в церкви. Эта традиция сравнительно недавнего происхождения и связана с указом Петра Первого, запрещающего понуждать к браку. Перед венчанием родители должны были присягнуть в церкви, что не понуждали к браку. Это предписание клясться пугало крестьян, которые вообще недоверчиво относились ко всякого рода лишним присягам и заполнению бумаг. Поэтому они всячески уклонялись от посещения венчания. Постепенно это стало обычаем. Молодых сопровождали в церковь посажённые отец и мать.

После церковного венчания свадебный поезд возвращался в дом жениха. На крыльце их встречали "девки" с песней "Соколы, вы соколы, перелётны ясны соколы". Молодые и гости входили в избу, где их встречали родители жениха и благословляли иконой, девки же пели те же песни, что и при благословении в доме невесты. Все садились за стол, а сваха, сняв с головы невесты платок, расчесывала ей волосы, переплетала их в две косы "по-бабьи" и надевала на голову цепец или шамшуру, поверх - платок. За столом молодые долго не сидели. Откушав два-три блюда, они вставали, невеста обносила гостей вином и благодарила за поздравление, а также отдельно подносила свёкру и свекрови, после чего жених с тысяцким, а невеста со свахами отправлялись в спальню или горницу. Здесь невеста снимала с жениха опояску и сапоги, после чего все гости выходили из комнаты и отправлялись пировать (15). Таков общий свадебный обряд первого дня свадьбы в Южном Зауралье. Т. Успенский дополняет его сообщением, что за столом дружка выполняет обязанности современного тамады - веселит всех, шутит, заставляет поздравлять молодых (19, 26). Трофимов пишет, что молодая при входе в дом трижды падает в ноги свекрови и свёкру. При благословении и следовании за стол молодых посыпают хмелем и пшеницей (18, 25). В Челябинском уезде исполнялись та же обрядность, однако есть и интересное сообщение - в предыдущих описаниях нет ни слова о родителях невесты. Из этого не следует, конечно, что их не было на свадебном пиру. А. Божко сообщает, что их зовут в дом жениха дружка с подружками (2).

Свадьба продолжалась на второй день, когда в основном бывали игры. Прежде всего молодая "метёт сор", а гости его подбрасывают. Кроме того, распространена забава "чесать кудри": молодая расчёсывает волосы мужа гребнем, а гости его ерошат. В обоих случаях проверяется терпеливость и смекалка новобрачной. На второй день также был богатый стол. Этот день в некоторых местах назывался "столы" (5, 2). Если свадьба длилась три дня, то третий день назывался "пирожный стол", если два, то это название переносилось на второй день свадьбы. Второй день был в большей мере посвящен застолью и забавам, он менее пропитан ритуальностью. На пироги приглашались все родственники и знакомые. Дружку одаривали деньгами и холстом и благодарили. В некоторых местах Челябинского уезда отмечен интересный обряд. Новоявленную свекровь везли в баню к свахе. Поскольку свадьбы игрались, как правило, зимой, везли в санях и по дороге сани несколько раз опрокидывали, требуя подарков. По приезду к бане её встречала сваха и дарила широкую рубаху, которую та надевала прямо на шубу, после чего обе женщины отправлялись домой (2).

В свадебном веселье принимали участие практически все жители селения, даже малые дети. Сельская учительница жалуется, что, когда начинается сезон свадеб, её ученики совсем не ходят в школу. Они либо участвуют, либо смотрят, а свадьбы практически не прекращаются весь январь и февраль (5, 5). На богатых свадьбах выпивалось до шести ведер водки, только за просватанье брали по 1-3 ведра водки и от 20 до 100 руб. денег (4, 56).

После свадьбы молодые навещали родственников. Признанным праздником молодожёнов являлась масленица - со среды они и их родители поочередно гуляли друг у друга. В первое воскресенье Великого поста тёща навещала зятя с постными блинами и постным маслом. Её угощали, и вечером она увозила с собой дочь, а если у зятя были сёстры, то и их. Дома она делала для них "посядок" - застолье, которое длилось часа три. Для него готовилось до 80 (!) постных блюд. Через неделю муж забирает жену и делает посядок дома (15). Посядок не делался только на Крестопоклонной и Страстной неделях Великого поста. Такой обычай был распространён в Ялуторовском округе и, по всей видимости, в Курганском. Но в некоторых местах Ялуторовского округа в то же первое воскресенье Великого поста в доме тёщи и тестя пекутся каральки, которые "красивы, вкусны, с изюмом". На каральки приходят гости, бывшие на свадьбе. Они целыми горстями кидают каральки на пол детям, а гости пьют вино и объедаются целую неделю. В начале XX века никто уже не помнил значения и происхождения этого обычая и отвечали обыкновенно: "Сами не знаем, так заведено" (3, 20 - 28).

Как можно видеть, свадьба - довольно продолжительный и сложный праздник и, кроме того, весьма дорогостоящий. Поэтому очень широко были распространены не только свадьбы "добром", а свадьбы "убегом". Особенно широко этот вид свадьбы бытовал в Шадринском уезде (11, 554). Такие свадьбы свершаются будто бы без ведома родителей невесты, на самом же деле - чтобы избежать больших расходов. Без воли родителей ни одна девушка не решится выйти замуж (11, 555). При свадьбе убегом просватанье и другие церемонии не имели места,

практически не было подарков, отдариваний, угощений. Такие свадьбы были достаточно прочно укоренившимися в традиции и воспринимались окружающими без осуждения.

Наконец, существовал ещё так называемый сводный брак, полностью свободный от всяких обрядов, церковных и народно-традиционных. К таким бракам многие относились совершенно спокойно, а в некоторых сёлах Зауралья в начале XX века таких браков было до половины. Церковь активно противодействовала такому виду брака, делая акцент на безнравственности и богопротивности его, а также на том, что невеста, а позже, соответственно, жена в таком браке совершенно бесправна, её могут выгнать на улицу в любой момент. Расширение форм брака выходит за рамки данной работы, и поэтому полагаем возможным ограничиться только этим кратким замечанием.

Свадьба, как и все семейные праздники, была важным источником передачи культурного опыта. В ней так или иначе принимали участие все дееспособные члены семьи. Однако празднование не ограничивалось семейным кругом, оно происходило на виду у всей деревни и многие её жители напрямую или косвенно участвовали в нём, выступая важным фактором сохранения традиции. Эти традиции сохранялись и в начале XX века. Вместе с тем, во второй половине XIX века наблюдается тенденция к упрощению традиционного свадебного ритуала. Это выразилось в увеличении числа браков убогом и особенно сводных браков. В XX веке эта тенденция укрепится и получит новое развитие. Таким образом, в этом можно наблюдать определённое ослабление традиции и традиционной культуры вообще.

Примечания

1. Бирюков М.П. *Першинская летопись*.
2. Божко А. *Свадебные обряды Челябинского уезда // ОГВ. 1869. № 14.*
3. *Государственный архив города Шадринска. Ф.1060. Оп.1, Д.628.*
4. *Государственный архив Курганской области. Ф.307, Оп.1, Д.21*
5. *Государственный архив Челябинской области. Ф.627, Оп.1, Д.245.*
6. Гусева С.М. *Проблемы традиционности современной русской свадьбы // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 221-228.*
7. Ерёмин В.И. *Ритуал и фольклор. М., 1991.*
8. Закомельский П. *Нечто в предбрачных предосторожностях // ТЕВ. 1908. №2.*
9. Игнатъев Р. *Обряды при свадьбах у бывших казённых горнозаводских крестьян Троицкого уезда // ОГВ. 1881. № 40-43.*
10. Кыштымов П. *Этнографические сведения о жителях Пермской губернии Шадринского уезда Песчанского сельского общества Верхтеченской волости // ШС. Шадринск, 1998. С.42-58.*
11. Мозель Х. *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ч.2 Пермская губерния. СПб., 1864.*
12. Надеждинский Н. *Народное здравие. Из наблюдений во время разъездов по округам // ТГВ. 1664.*
13. Панкеев И.А. *От крестин до поминок. Обычаи, обряды, предания русского народа. М., 1998.*

14. Панкеев И.А. Русские праздники. М., 1998.
15. Плотникова З.Т. Этнографические заметки. Крестьянская свадьба (в Ялуторовском уезде) // ТГВ. 1859. № 5.
16. Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 221-228.
17. Сборник пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде В. Гольцовым// Записки УОЛЕ. Т.VII. Вып.4. Екатеринбург, 1884. С.191-213.
18. Трофимов И. Я. Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и города Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895.
19. Успенский Т.И. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда// ШС. Шадринск, 1997. С. 4-31.
20. Фёдорова В.П. Свадьба на Ирюме. Челябинск, 1991.
21. Фёдорова В.П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1998.
22. Шадринская старина. Альманах. Шадринск, 1997

Л.Н. Шихардина
Курганский государственный университет, г. Курган

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: КОНФЛИКТ ЭТНИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ

Ускорение интеграционных процессов - характерная особенность современного этапа развития человечества, складывающееся при этом единое культурное пространство не может сформироваться вне определенной доминирующей языковой формы. Вместе с тем, интернационализация общественной жизни не исключает, но, напротив, предполагает сохранение многовековых традиций различных культурно-исторических типов общества. Преподавание иностранного языка в школе и в вузе выступает как одно из наиболее адекватных средств реализации в обучении и воспитании потребностей, диктуемых этими двумя взаимодополняющими тенденциями.

В современной социокультурной ситуации человек находится на рубеже культур, контакты с которыми требуют от него диалогичности, уважения культурной идентичности других людей, развитого национального самосознания. Взаимодействие языков и культур происходит в рамках несовпадающих (частично или полностью) национальных стереотипов, что существенно влияет на отношения сторон коммуникативного процесса. Их диалог не может быть продуктивен вне становления коммуникативной толерантности. Отличия в языках, национальной кухне, одежде, нормах общественного поведения, отношении к выполняемой работе зачастую делают контакты трудными и даже невозможными. Но это лишь лежащие на поверхности проблемы межкультурных контактов. Основные причины их неудач лежат за пределами очевидных различий. Они - в различиях в мироощущении, то есть ином отношении к миру и другим людям. Глав-

ное препятствие, мешающее успешному решению этой проблемы, состоит в том, что мы воспринимаем другие культуры через призму своей культуры, поэтому наши наблюдения и заключения ограничены её рамками. С большим трудом мы понимаем значения слов, поступков, действий, которые не характерны для нас самих. Наш этноцентризм не только мешает межкультурной коммуникации, но его ещё и трудно распознать, так как это бессознательный процесс. Отсюда напрашивается вывод, что эффективная межкультурная коммуникация не может возникнуть сама по себе, ей необходимо целенаправленно учиться (1).

При этом в условиях глобализации и стирания различий национальных культур человек должен сохранить свою этническую идентичность, быть носителем самобытных исконных культурно-исторических традиций и духовных ценностей.

Необходим поиск путей разрешения возникающего в коммуникации противоречия: чтобы стать гражданином, народом, нацией, необходимо обособиться, а чтобы стать толерантным, следует преодолеть это обособление. Именно на стыке этничности самоидентификации как осознания себя и своей культуры и толерантности как отношения к другим формируется культура межнационального общения. Её невозможно ни сформировать, ни обнаружить внутри собственно национального: всякий человек является культурным лишь в той мере, в какой он открыт ценностям другой культуры.

Современный этап развития цивилизации требует качественно новых ориентаций в языковом образовании, направленных на обучение нормам межкультурной коммуникации. Это эволюционный путь от национально-специфического речевого общения к глобальному международному полилогу, требующему от учащихся не только культуроведческой образованности, но и поликультурной грамотности и воспитанности (2).

Идея диалога языков и культур становится одним из ведущих направлений концепции поликультурного образования.

Язык, по мнению немецких учёных М. Лацаруса и Г. Штейнталя, основавших в середине XIX века одну из первых социально - психологических теорий - "психологию народов", есть первое проявление народного духа. В настоящее время взаимосвязь языка и этнической идентичности изучается на различных уровнях: социолингвистическом, этносоциологическом, этнографическом, социально-психологическом и, безусловно, педагогическом.

Коммуникативный подход в методике преподавания иностранных языков стимулирует потребность рассмотрения языка в качестве фактора этнической идентичности, которая связана не просто с реальным использованием языка всеми представителями этноса, но и его символической ролью и в формировании чувства общности с группой, и в процессах межгрупповой дифференциации. Формирование такого рода ценностных ориентаций исключительно актуально в нашей стране, где, как показывают социологические исследования, снижается число людей, безразличных к своей этничности, стране, где есть и этническое отчуждение, и космополитизм. Аксиоматичным является положение, которое В. Франкл

сформулировал следующим образом: "Если человек хочет придти к себе, его путь лежит через мир".

Список литературы

1. Грушевицкая Т.Т., Попков В.Д., Садохин А.П. *Основы межкультурной коммуникации*. М., 2003.
2. Ольхова Л.Н. *Поликультурная грамотность - основа межкультурного общения в XXI веке // X Конгресс МАПРЯЛ: Русское слово в мировой культуре*. СПб. 30 июня - 3 июля 2003г.: *Россия в мировом культурном пространстве*. СПб., 2003. С. 204-209.

С.С. Иванов

Курганский государственный университет, г. Курган

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Холодная война осталась позади, причины для недоверия и враждебности исчезли. Однако несмотря на это рудименты противостояния времен холодной войны довольно прочно сохранились в сознании американцев и россиян. Это находит свое отражение в этнических стереотипах обеих наций. Рассмотрим вначале понятие этнического стереотипа, а затем попытаемся выяснить, какую роль играла холодная война в его возникновении и консервации у русских и американцев.

Напомним, что под стереотипами понимаются создаваемые культурой образы людей из других групп, которые призваны объяснить поведение этих людей и дать ему оценку. Одним из оснований стереотипизации является недостаток информации о конкретном объекте стереотипизации. Большинство исследователей считает, что в результате контакта людей разных этнических групп стереотипы могут разрушаться или, по крайней мере, корректироваться. Вместе с тем, стереотипизация - довольно устойчивая константа человеческого мышления. Она находит своё выражение в том, что человек мыслит образами (хотя и не только ими). Это открывает путь для упрощения, приукрашивания, героизации воспринимаемой действительности либо к обратным процессам.

Этнические стереотипы - это один из видов социальных стереотипов, а именно те из них, которые описывают членов этнических групп, приписываются им или ассоциируются с ними. До сегодняшнего дня в обыденном сознании и в средствах массовой коммуникации об этнических стереотипах весьма распространено мнение как о исключительно отрицательном феномене. Во многом это связано с тем, что в мировой науке чаще всего изучались негативные стереотипы подвергавшихся дискриминации этнических меньшинств. Отсюда же проис-

текает и отождествление стереотипов с предрассудками. Однако необходимо проводить четкое различие между стереотипами как социальным явлением и стереотипизацией как психологическим процессом. В социальной психологии последних десятилетий стереотипизация рассматривается как рациональная форма познания, как частный случай более универсального процесса категоризации: создавая социальные категории, мы обращаем внимание на характеристики, благодаря которым люди, принадлежащие к той или иной группе, воспринимаются похожими друг на друга и отличающимися от других людей (4, 194 - 198).

Объективно необходимой и полезной психологической функцией стереотипизации со времен У. Липпмана, который в 1922 году ввел понятие "социальный стереотип", многими исследователями считается упрощение и систематизация обильной и сложной информации, получаемой человеком из окружающей среды. Иными словами, предполагается, что стереотипы в процессе социального познания избавляют индивидов от необходимости интерпретировать социальный мир во всей его сложности, но являются низшей формой представлений о социальной реальности, представлений, которые используются только тогда, когда недостижимы высшие, более точные и индивидуализированные представления (2, 69).

Однако восприятие человека как члена группы вовсе не означает искажения его "подлинной" индивидуальности, а сами стереотипы представляют собой полезные способы восприятия. Наш мир сложен для восприятия не только из-за количественной перенасыщенности информацией, но и в результате ее качественной разноразности.

Каковы же функции стереотипов вообще и этнических в частности? Стереотипы способны защитить не только ценности индивида, но и его социальную идентичность. Исходя из этого, в качестве основных социально-психологических функций стереотипизации следует рассматривать межгрупповую дифференциацию, или оценочное сравнение, чаще всего в пользу своей группы и осуществляемое с ее помощью поддержание позитивной социальной идентичности. Иными словами, предназначение стереотипов - наладить отношения группы прежде всего не с другими группами, а внутри нее самой, создав образ, позволяющий ее членам идентифицировать себя в водовороте истории (2, 79 - 86).

Впрочем, встречаются и проявления предпочтения чужих групп. Низкостатусные группы, например этнические меньшинства, могут соглашаться с относительно более низким их положением в обществе. В этих случаях они склонны развивать негативные автостереотипы (стереотипы своей группы) и позитивные гетеростереотипы (стереотипы чужой группы).

Тэшфел выделил две социальные функции стереотипизации:

- 1) объяснение существующих отношений между группами, в том числе поиск причин сложных и "обычно печальных" социальных событий;
- 2) оправдание существующих межгрупповых отношений, например действий, совершаемых или планируемых по отношению к чужим группам. Так, психоло-

гический механизм стереотипизации во все времена использовался в различных реакционных политических доктринах, санкционирующих захват и угнетение народов, для сохранения господства поработителей путем внедрения в массовое сознание негативных стереотипов в отношении побежденных и поработенных (1, 176 - 180).

Иными словами, содержание стереотипов определяется факторами социального, а не психологического порядка. И именно враждебные, полные предубеждений стереотипы, а не механизм стереотипизации сам по себе - явление сугубо отрицательное, способствующее стабильности межгрупповых отношений, основанных на господстве и подчинении. С другой стороны, этнические стереотипы часто выполняют негативную роль, когда используются индивидом в процессе межличностного восприятия при недостатке информации о конкретном партнере по общению.

Среди наиболее существенных свойств этнических стереотипов выделяют их эмоционально-оценочный характер. Эмоциональные аспекты стереотипов понимаются как ряд предпочтений, оценок и настроений. Эмоционально окрашенными являются и сами воспринимаемые характеристики. Другим важным свойством этнических стереотипов считается их устойчивость, стабильность, даже ригидность. Хотя стабильность стереотипов не раз подтверждалась в эмпирических исследованиях, она все-таки относительна: при изменении отношений между группами или при поступлении новой информации их содержание и даже направленность могут изменяться.

Еще одно свойство этнических стереотипов - согласованность, или консенсус. Именно согласованность считал важнейшей характеристикой стереотипов Тэшфел. По его мнению, социальными стереотипами можно считать лишь представления, разделяемые достаточно большим числом индивидов в пределах социальных общностей. Стереотипы и личные убеждения об этнических группах, хотя и могут частично совпадать, представляют собой различные когнитивные структуры, каждая из которых - лишь часть знаний индивида о своей или чужой группах. Более того, если бы стереотипы не были согласованными, было бы очень мало смысла в их изучении. Опасность враждебных и пренебрежительных стереотипов, а значит, и основная причина их изучения, состоит в возможности сходных реакций в ответ на сходные стереотипы: если бы каждый индивид реагировал на членов унижаемой группы в соответствии со своими собственными убеждениями, негативный эффект стереотипов был бы значительно ослаблен (1, 179).

Еще одним сущностным свойством стереотипа со времен Липпмана считается их неточность. В дальнейшем стереотипы получали еще менее лестные характеристики и интерпретировались как "традиционная бессмыслица", "прямая дезинформация", "совокупность мифических представлений" и т.п. Впрочем, начиная с 1950-х годов получила распространение гипотеза, согласно которой объем истинных знаний в стереотипах превышает объем ложных - так называемая гипотеза "зерна истины". В настоящее время уже не вызывает сомнений,

что этнические стереотипы не сводятся к совокупности мифических представлений, но представляют собой образы этносов, а не просто мнения о них. Они отражают, пусть и в искаженном или трансформированном виде, объективную реальность: свойства двух взаимодействующих групп и отношения между ними. Исторически подавляющее большинство исследований стереотипов как у нас в стране, так и за рубежом посвящено именно этническим стереотипам (2, 145; 4, 192-199).

После окончания Второй мировой войны и появления феномена холодной войны, противостояние между двумя лагерями (советским и американским) проходило и на идеологическом уровне. Эта борьба была особенно острой в первый период холодной войны - до середины 1950-х годов, когда начал формироваться "образ врага" в советской идеологии, который в дальнейшем получил продолжение и развитие на новых уровнях.

Согласно положениям марксистско-ленинской теории, капиталистическое окружение изначально рассматривалось как враждебное. Всякое сотрудничество с капиталистическими странами в этой связи могло носить только временный, вынужденный характер. Это приводило к появлению новых идеологических стереотипов, которые в нужный момент формировали "образ врага" (3, 74 -75).

Антиамериканская кампания, безусловно, оказала огромное влияние на формирование у советских людей негативных стереотипов восприятия Америки. Самым распространенным и наиболее живучим стал стереотип "поджигателей новой мировой войны". Он был наиболее понятен людям, пережившим тяжелую войну. Что касается остальных стереотипов и мифов об американском образе жизни, то они воспринимались по-разному. Документы показывают, что, например, жители деревни, куда редко доходили газеты, где часто не было и радио, слабо были охвачены антиамериканской пропагандой. От приезжих пропагандистов, читающих лекции о международном положении, оставалось смутное ощущение тревоги. Многие слова были непонятны, и беспокоила людей только возможность новой войны (3, 79).

Другим важным направлением в идеологической работе была борьба с "низкопоклонством перед иностранщиной", с "тлетворным влиянием Запада", охватившая всю страну. В "низкопоклонстве" обвинялись ученые, режиссеры, музейные работники, руководители театров и многие другие представители интеллигенции. Борьбе с "низкопоклонством перед Западом" были посвящены многочисленные партийные собрания. Таким образом, "идеологический фронт" был готов к отражению внешнего врага. Пресловутый тезис "кто не с нами, тот против нас" привел к формированию образа непримиримого врага в лице мирового империализма, которым после Второй мировой войны становятся, прежде всего, Соединенные Штаты Америки (3).

Именно США стали воплощением мирового зла, неправильного образа жизни извращённой этики и морали. Именно там обнаруживались все отрицательные для советской действительности черты - эгоизм, жажда наживы, преклонение перед долларом, агрессивность, презрение к другим народам. Это вело к

формированию некоторых устойчивых впечатлений, которые и стали впоследствии этническими стереотипами американцев в сознании советских людей.

Подвергая критике американский образ жизни, советская пропаганда делала акценты на тезисе "империализм - последняя, загнивающая фаза капитализма". Поскольку США - самая классическая страна империализма, то в ней все уродливые черты данного строя представлены наиболее ярко. Систематически изображалось разложение американского общества, выражавшееся в глубоком экономическом кризисе, росте преступности, падении уровня жизни, образования, деградации культуры, развращенности верхушки американского общества. Самой яркой, убийственной, уничтожающей критике подвергалась американская культура, в которой не нашлось ни одной области, где бы советская пропаганда не усмотрела "растления", "разложения и упадка". "Искусство сумасшедшего дома", "искусство людоедов", "мутный поток пошлости и развращенности" американской литературы, "кино дикарей", "мракобесы из Голливуда" - вот далеко не весь перечень эпитетов, которыми награждались американская литература и искусство. Кроме этого, объектом резкой критики становились американские школы, высшие учебные заведения, методы воспитания, медицина, наука, американская молодежь (3).

Толкование любой темы американской внешней политики и образа жизни было подчинено интересам антиамериканской кампании. Причем нельзя полностью отрицать справедливость многих обвинений. Отрицательные факты действительно можно было отыскать в любой сфере. Но так как материал подавался исключительно в негативном ключе, однобоко, как вся правда об Америке, это приводило к формированию искаженного, крайне обедненного образа. Привлечь внимание к одному и отвлечь от другого - вот что было целью антиамериканской пропаганды. Однородность публикуемых материалов, акцент на самые отрицательные моменты широко использовались при формировании мифов об Америке. Умело манипулируя массовым сознанием, власть создала нужный ей в то время образ США - образ мирового зла.

Антиамериканская кампания, безусловно, оказала огромное влияние на формирование у советских людей негативных стереотипов восприятия Америки. Самым распространенным и наиболее живучим стал стереотип "поджигателей новой мировой войны". Он был наиболее понятен людям, пережившим тяжелую войну (3).

Необходимо отметить, что и американская идеологическая машина старалась не отставать. Она последовательно рисовала образ русских (под который попадали все народы Советского Союза) как диких, агрессивных варваров, своего рода наследников азиатских завоевателей средневековья. Классическими спутниками русских стали образ медведя, ракеты, коварство ("русским нельзя доверять" - повторялось политиками всех уровней почти каждый день), водка и ушанка. СССР представлялся как огромный концентрационный лагерь в духе антиутопии Оруэлла "1984". Эти образы были необходимы не только для запугивания населения с целью необходимости поддержать гонку вооружений и рост воен-

ных расходов (чего американцы традиционно не любили), но и для идеологической обработки западных интеллектуалов, среди которых традиционно сильны были левые настроения. Именно тогда Р. Арон написал свою знаменитую книгу о марксизме, назвав её "Опиум для интеллектуалов". Смысл этих образов сводился к тому, чтобы доказать западной интеллигенции изначальную порочность марксизма и показать, что "с вами также будет".

В середине XX века оформилась в США и так называемая теория национального характера. Главной мыслью было признание того, что надо знать "психологию наших врагов и их лидеров для планирования действий в военный и послевоенный периоды". На основе данной теории была выработана точка зрения о том, что национальный (этнический) характер формируется главным образом под влиянием культурных институтов в процессе воспитания ребенка. Среди западных социологов сложилось твёрдое убеждение, что изучение национальных характеров может стать кузницей психологической составляющей холодной войны.

Подводя итоги сказанному, хочется еще раз отметить, что этнические стереотипы стали прочной составляющей общих стереотипов холодной войны. Они возникли в атмосфере непонимания и незнания партнера, более того - нежелания знать и понимать его. Поэтому многие действия понимались неправильно не только на уровне правящей элиты, но и простых людей. Элементарные жесты, слова интонации, действия представителей другого этноса вызывали усмешку, гнев или непонимание как же так можно поступать в данной ситуации.

Этнические стереотипы - это устойчивые образования. Именно поэтому они, на наш взгляд, пережили время их активного формирования. Несмотря на окончание холодной войны, рост межэтнических контактов между русским и американцами, возможность ближе познакомиться с образом жизни и культурой другого народа, пережитки непонимания сохраняются в этнических стереотипах американцев и россиян.

Список литературы

1. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М., 2002
2. Крысько В.Г. Этнопсихология. М., 2003.
3. Николаева Н.И. У истоков антиамериканизма // Власть. 2001. №4. С.74-79.
4. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2001

*Ж.А. Мехтиева
Краеведческий музей, г. Тарко-Сале*

НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА В СИСТЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НЕНЦЕВ

Рассматривая народную педагогику как систему приемов воспитания и социализации, вписанную в систему этнической культуры, нужно принимать во

внимание этнические и психологические особенности народа в целом. У каждой народности, нации существуют свои обычаи, традиции, сложившиеся на протяжении многих веков их существования. С развитием общества появляются новые нравственные нормы жизни. Старые обычаи, традиции начинают терять свое значение, хотя многие из них, несомненно, могут играть значительную роль в воспитании детей и молодежи и способствовать формированию у них определенных нравственных качеств.

Большую роль в социализации и инкультурации детей имеет система одежды. В ней закладываются варианты поведения в гендерном аспекте (мужчина-женщина), содержатся элементы подготовки к будущей социальной роли (охотник и т.п.)

Одежду начинали шить, когда ребенок был еще в колыбельном возрасте. На каждого ребенка шили полный комплект одежды - такой же, как у взрослых, но из мягких материалов. Самые мягкие олени шкурки - пешки, или пыжики - от оленят, рожденных в мае, идут на чулки, детские пеленки и одеяла, шапки (5, 102).

Детей лесных ненцев до трех - четырех лет одевают независимо от пола, обычно первая настоящая одежда ребенка - кисы, украшенные орнаментом "олени копытца", "заячи ушки", "чумики" и разноцветными полосками, которые изображают радугу и солнечные лучи малица (мюй) с капюшоном и глухими рукавами (копак), по покрою напоминающая мужскую, с внутренней стороны к рукавам пришивают колокольчики (сенга). Колокольчики служат оберегом для детей - звон колокольчиков отгоняет злых духов. Капюшон малиц украшают кончиками ушек новорождённых оленей, это означает, сколько у ребёнка в стаде личных оленей, подаренных на его рождение. В холодную погоду на малицу (мюй) надевают шамчу - верхнюю одежду. Как только детям надевают малицу, их приучают носить пояс. Мальчикам на пояс вешают металлические украшения, имитацию ножа из дерева. Девочкам пояски плетут из разноцветных ниток, на них так же пришивают металлические украшения.

Летняя одежда для детей шьется из замши или цветного сукна и украшается традиционным орнаментом. Обувью в летнее время могут служить старые кисы или сшитые из мягкой кожи черевички. Когда у ребенка появляется первый зуб, на его обувь - топоки - нашивается по одной бисеринке в качестве оберега. У ненцев существует выражение "нэда нянда сим нертевандо эмня" - чтобы ноги опередили речь, язык. Ребенок должен раньше начать ходить, чем говорить (7, 136).

Наиболее интересным атрибутом детской одежды являются штаны, которые часто шьются вместе с обувью из мягкой ткани, без шва с внутренней стороны штанин, к внутренним краям штанов пришиваются полоски меха с шеи оленя. Это делается с целью предохранить штаны от намокания, влага стекает по меху, и штаны остаются сухими. Такие штаны носит большинство детей и до настоящего времени.

"Лет с четырех - пяти дети начинали носить соответственно мужскую и женскую одежду уменьшенных в зависимости от роста ребенка размеров. Паницы

(шубки) даже для маленьких девочек очень тщательно украшались орнаментом из меха и суконными прошивками. Одежда девушек отличалась от одежды женщин лишь наличием большого количества отделки из сукна и меха" (8, 132). У мальчиков в этом возрасте появлялись кожаные пояса наподобие взрослых, они были украшены медными бляшками, пуговицами, костяными пластинами, к ним прикреплялся миниатюрный нож в ножнах, у девочек пояса были плетенные или суконные и украшались бисером. И мальчики и девочки до достижения периода половой зрелости носили одинаковую обувь специального покрова.

Иногда, начиная с 6 - 7 лет, девочки носили ложные косы - женское накосное украшение. "Это украшение являлось как бы продолжением натуральных кос. Начиналось оно от затылка, спускалось значительно ниже талии и представляло собой две скрученные из сукна и шерсти (жгутом) ложные косы, соединенные между собой в нескольких местах нитками разноцветных бус или металлическими украшениями. Концы кос заканчивались обычно треугольными кусочками ровдуги или сукна, украшенными также металлическими бляхами, цепочками и подвесками. В верхней части ложные косы вплетались в волосы свободным (нескрученным) куском сукна. Таким образом, при ношении этого украшения натуральные косы не были видны" (8, 130). Такое накосное украшение носили поверх зимней или летней одежды, заправляя его за пояс. В настоящее время лесные ненцы пользуются как национальной, так и современной одеждой. Часто она передается от старших детей к младшим.

Первые игрушки у ребенка появляются примерно в возрасте 4 месяца. Обычно первыми игрушками бывают яркие лоскутки ткани, деревянные кольца, связанные по несколько штук между собой, колокольчики, деревянные игрушки, косточки уток с небольшим количеством мяса на них.

Предназначение практически всех игрушек направлено на развитие органов чувств у ребенка, он учится концентрировать внимание, двигать руками - координировать движения. Игрушки также способствуют развитию двигательных функций организма, например, чтобы ребенок научился ползать, перед ним раскладывают яркие игрушки, он, увидев игрушку, подползает к ней, тем самым тренирует мышцы спины и ног.

Игрушки мальчиков и девочек от 4 месяцев до 2,5 лет не различаются, а игры в основном носят познавательный характер, после 2,5 лет появляются индивидуальные для девочек и мальчиков игрушки и игры. У мальчиков появляются детский лук со стрелами, аркан, деревянный ножик, лыжи, санки, фигурки оленей. У девочек - первые швейные принадлежности, иголка, которой девочка прошивает остатки ткани и шкур, игольничек, люлечка. Для того чтобы научиться чистить рыбу, у девочек есть деревянный ножик, для ухода за чумом - снеговывивалка.

Когда девочки становятся старше, у них появляются традиционные ненецкие куклы, которые имеют свою особенность - у них нет глаз, носа, рта "фигурки с четами лица - это уже изображение духа, который требовал заботы и почестей, а если не получал их, то мог принести владельцу вред" (1, 16).

Ненецкие куклы *нухуко* часто привлекали к себе внимание путешественников и исследователей своей оригинальностью. *Нухуко* различаются между собой по полу (их размеры обычно 10-15 см), вместо головы для кукол используются гусиный (у мужчин *нухуко*) или утиный клюв (у женщин *нухуко*), для них шьется одежда, которая представляет собой уменьшенную копию настоящей (мужской или женской), иногда к одежде пришивается обувь. Голову женщин *нухуко* часто украшают ложными косами из металлических цепочек или полосок сукна, которые иногда обматывают разноцветными нитками и украшают бусинами или бисером. "В качестве туловища куклы использовался обычно продолговатый кусочек сукна с нашитыми на него в вертикальном направлении разноцветными суконными полосками" (9, 183). К туловищу прикреплялся птичий клюв (гусиный или утиный). Одежда для кукол в зависимости от ее принадлежности украшается по-разному, женская - орнаментом, кусочками меха, бисером; мужская - полосками сукна разных цветов. У кукол также как и людей имеются пояса, сделанные из сукна.

Куклы представляют известный интерес с точки зрения изучения эволюции ненецкой одежды. В кукольной одежде, видимо, сохранялись некоторые элементы более старых форм. В частности, интересен тот факт, что малицы кукол-"мужчин", встречающихся в Большеземельской тундре, часто не имели капюшона, тогда как современные настоящие малицы всегда его имеют. Характерно наличие накосников почти у всех кукол-"женщин". У некоторых девочек по мере взросления появлялись целые семьи из кукол *нухуко* - женщина с ребенком в люльке, папа, дедушки, бабушки и т.д. Для кукол строились миниатюрные игровые чумики, мастерились деревянные нарточки, олени и т.д.

Помимо кукол у детей были распространены и другие интересные традиционные игрушки. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Жужжалка: игрушка состоит из деревянной пластинки (10 X 2 см) и тонкой соединенной концами веревки, которая продевается в отверстие в центре пластинки. Игрок берет концы образовавшейся петли в две руки и растягивает их так, чтобы пластина оказалась посередине петли, затем начинает вращать веревочку с пластиной, чтобы она скрутилась в жгут. После того как веревочка скрутилась, выполняются плавные рывки руками в стороны. Веревочка то скручиваясь, то раскручиваясь в жгут заставляет пластину вращаться, вращение сопровождается своеобразным звуком - жужжанием.

Ненецкая юла "Коннат" (букв.пер. - *ложись спать, по некоторым сведениям "лыжи"*). Юла ставится вертикально, при этом придерживается одной рукой, второй рукой выполняют движения палочкой, привязанной к верхней части стержня, вверх-вниз и т.д., она начинает вращаться, то раскручивая, то скручивая веревочку вокруг стержня. Выигрывает тот, кому удастся придать юле наиболее быстрое и продолжительное вращение.

У ненцев также существует немало придуманных ими игрушек-головолом, способствующих развитию смекалки, "одна из головоломок состояла из завязанной узлами веревки и куска коры (или деревянного бруска) с двумя от-

верстями. Задача состояла в том, чтобы не развязывая узлов, пропустить отрезок веревки через специально сделанную петлю"(8, 48).

"Лото". Квадратная дощечка с равными окошечками внутри, к ней прикреплена нить с заостренной палочкой, на нитку нанизано несколько разных фигурок (филина, орла, луны, солнца). Палочкой нужно поймать фигурку и попасть в одну из дырочек в дощечке. Способствует развитию ловкости. Выигрывает тот, кому удастся поймать наибольшее количество фигурок.

Многие игры детей лесных ненцев направлены на воспитание у них трудовых навыков семьи, стойбища и часто содержат элементы их будущей хозяйственной деятельности.

Одной из первых игр, способствующих моделированию будущей хозяйственной деятельности, является игра для мальчиков и девочек под названием "мятукопш" - "чумики". Во время игры дети строят маленький чум, точную копию большого. Целью игры является изучение обрядов, связанных с внутренним и наружным устройством чума, эти занятия обогащаются по мере взросления ребенка и служат основными составляющими правильного поведения, основанного на соблюдении обрядов и ритуалов, которые в дальнейшем будут переданы подрастающему поколению. Такие игровые формы изучения традиционных устоев помогают лучшему закреплению полученных знаний, при этом доставляя удовольствие ребенку, приучая его в зависимости от пола к своим прямым обязанностям.

Игры детей часто отражают реальные виды деятельности лесных ненцев (охоту, рыбалку, оленеводство).

Взрослые показывают, как пользоваться орудиями труда, и стремятся к тому, чтобы в производственной и игровой деятельности у детей вырабатывались прочные навыки обращения с ними. Видимо, по этой причине у детей северных народов развиты игры-соревнования, которые являются подготовкой к самостоятельной жизни. Игры учат детей разделению труда. Во время игры пополняется словарный запас (11, 13).

Часто игры носят характер состязаний, в которых принимают участие и взрослые (даже бабушки и дедушки). Они направляют игру детей.

Еще одной распространенной игрой среди детей лесных ненцев, которая способствует получению навыков, служит игра "нючимшу". Во время игры дети салятся на санки и запрягают кого-нибудь вместо оленя, причем в роли оленя может выступать ребенок постарше, маленький олененок или собака - игра вырабатывает постепенное привыкание ребенка к езде на нарте и управлению оленями. Мальчики младшего и старшего возраста любят метать тынзян (аркан для ловли оленей), сначала мишенью служат головки нарт, пни деревьев, другие дети, собаки, маленькие оленята, тем самым они развивают свои навыки в обращении с тынзяном. Собираясь в небольшие группы, дети любят играть в игру "рыбалка", для проведения игры в земле выкапывается небольшая ямка, которая наполняется шишками. В этой игре дети - рыбаки, ямка - озеро, а шишки - рыба. Дети салятся вокруг ямки и "ловят рыбу", в конце игры каждый из игроков хвалит

свой улов, дети пока еще не осознанно копируют поведение взрослых. Перечисленные игры являются не единственными, помимо этих игр дети учатся стрелять из лука, развивая меткость и разрабатывая кисть, играют в прятки, догонялки.

Целью всего процесса воспитания молодого поколения являлось последовательное включение детей в бытовую и трудовую деятельность. "При этом ставились главным образом две основные задачи - подготовка ребенка с самого раннего возраста к самостоятельной трудовой жизни и приобщение его к традиции своего народа"(4, 23).

"Дети являются непосредственными свидетелями производственной жизни семьи, принимая участие в ряде хозяйственных работ. Ненцы воспитывают своих детей на тех же принципах, по которым живут сами. Дети участвуют во всей жизни семьи; от них ничего не скрывается, они естественно входят в круг хозяйственных и иных забот, формируют свои оценочные взгляды, эстетическую направленность, отношение к окружающим их людям" (2, 87).

С ранних лет дети стараются чем-нибудь помочь родителям. Часто дети с женщинами помогают мужчинам ловить оленей. Утром все выходят на улицу, дети и женщины встают у чума полукругом, держа в руках веревку, образуя живую изгородь из людей. Мужчины в это время загоняют в полукруг оленей, и он замыкается. После того как выбраны олени для упряжи, круг размыкается.

Во время похода в лес дети помогают родителям собирать ягоды, грибы и хворост. Очень часто можно наблюдать, как маленькие дети помогают родителям во время приготовления еды, они носят дрова. Хотя их количество не велико, но это только начало того большого вклада в ведении хозяйства в будущем.

Отцы часто берут мальчиков на рыбалку, они помогают им чистить майны (прурubi) от снега, ловить и собирать рыбу в мешки, выполнять несложные работы: приносить веревку, ковш для зачерпывания рыбы. Девочки помогают мамам убирать в чуме, подметаю. Чем старше становятся дети, тем существеннее становится помощь, которую они оказывают родителям.

"Мальчики 5-7 лет выезжали со старшими мужчинами на рыбалку, охоту, где учились промысловым навыкам. Большая семья, в которой воспитывался ребенок, сама по себе располагала к труду" (2, 117). Девочки в 6-7 лет уже учились вышивать узоры, выделывать шкуры, шить кукол, сумочки для швейных принадлежностей и пр.

Ненцы воспитывают детей на личном примере. Отец на охоте или во время выпаса оленей передает сыну секреты производства по принципу: "Делай, как я". Одновременно он обращает внимание на повадки животных, на умение "читать" следы, на приемы добычи. В чуме мать шьет ребенку кисы, малицу, ягушку, а он наблюдает за этим, помогает матери, чем только может, радуется обновке. А мать тихонько ему говорит: "Береги". И показывает, как это нужно делать.

В воспитании детей родители стараются привить детям такое ценное качество, как самостоятельность. Детей рано учат самостоятельно одеваться, присматривать за младшими, следить за порядком в чуме, когда они остаются одни, принимать такие решения, как идти ли на охоту, в школу и т.д.

Фольклор для детей несет в себе ряд важных функций, основной из которых является воспитательная. Такую особенную, воспитательную функцию несут в себе сказки, песни, загадки, предания, легенды, мифы, кивы (запреты), былины - все они являются наиболее часто встречающимися жанрами фольклора лесных ненцев. Использование фольклора в воспитательных целях встречается не только у лесных ненцев, но и у других народов Севера.

Одним из видов традиционного ненецкого фольклора является ненецкая личная песня, песня сопровождает человека от начала и до конца его жизни, первую личную песню ребенку дарит мать. С самого рождения ребенок в семье лесных ненцев получает от своих родителей люльку, имя и колыбельную песню. Сколько детей в стойбище, столько и песен, рожденных вместе с появлением ребенка. Часто через песни мать выражает свои чувства к ребенку.

*Малыш, ты плачешь, тебе страшно,
Потому что на улице свирепствует ветер с дождем.
Просто твоей маме с твоим рождением Солнце осветило жизнь
И на душе стало тепло и радостно.
Она согрела тебя у своего сердца,
А ее согрела надежда,
Что ты вырастешь сильным и добрым (3,13).*

По некоторым песням можно судить о чертах и характере ребенка, которому посвящена песня:

*Мой маленький Пульку,
Самый желанный из малышей,
Самый послушный из сыновей,
Самый длинноногий из мальчиков,
Удачливый охотник (3,13).*

Сказки так же как и песни играют важную роль в воспитательном процессе. При помощи сказок до детей доносится смысл многих традиций и традиционных занятий. Очень часто родители ребенка или его бабушка с дедушкой сочиняют для него свои сказки, но главный смысл сказки обычно не меняется. На примере сказки можно проследить содержащийся в ней воспитательный элемент. Сюжеты сказок часто учат детей следовать правилам поведения и выполнять запреты, связанные с религиозными представлениями ненцев и с их традициями, прививают им терпение, послушание и трудолюбие. "В духовном мире детей определенную роль играет фольклор. С раннего детства ненецкие дети имеют возможность слушать сказки дедушек и бабушек" (9, 89).

Существует несколько видов сказок: волшебные сказки, сказки-запреты, сказки-легенды. Среди ненецких волшебных сказок выделяются разные по своему содержанию, например, видоизмененные русские сказки и сказки, рассказывающие о животных. Многие сказки тесно переплетаются с мифами и мифологическими представлениями ненцев о явлениях природы, о животных и т.д.

"Старые люди часто говорят детям: не шумите в чуме, хозяин подземного мира поднимет голову, утащит к себе под землю. Утром тоже нельзя шуметь,

отец не принесет ничего с охоты, так как от вашего шума все птицы и звери разбегутся, рыбы из реки уплывут". Взрослые дают понять детям, что они сегодня вкусно не поужинают, если будут шуметь, охота отца будет неудачной.

Сказка "Кивы" - запрещено

Перед тем как идти войной на тазовскую тундру, Тындали решил выдать дочерей за метких стрелков. А дочерей было немало - семь. Семь девочек. Зимой и летом, осенью или весной Тындали заставлял молодежь стрелять из луков, прыгать через нарты. Много было смелых и ловких парней, он выбрал семь самых лучших из лучших.

Весной в том году поехали охотиться на диких оленей. Перебили их много. Приехали в чум. Сели кушать. Теща поставила чашу со свежим оленьим мясом, кровью и печенью дикого оленя. И так сказала первому зятю:

- Не кушай только бедра, а то, чего доброго, стрела врага тебе туда и попадет.

Зять засмеялся:

- Посмотрим, правда или нет, а бедро я все-таки отведаю.

Приехал и другой зять с охоты. Тоже убил много диких оленей. Теща сварила ему мясо и попросила:

- Не ешь кивы, то есть печень, где проходит желчный отток (ши), а то попадет стрела врага тебе в это место.

Засмеялся зять и сказал:

- А я съем. И посмотрим, попадут ли стрелы врага мне в это место.

- Плохо говоришь и поступаешь, мужчина, - вздохнула теща.

Осенью, по первому снегу, пошли с войной все семь зятьев в тазовскую тундру. Вот выбежал на лед реки Таз первый зять. Стрела врага попала ему в бедро. Он упал и больше ни бежать, ни стрелять уже не мог.

Второго зятя тоже достигла стрела врага. Она попала ему прямо в печень. Он упал, широко раскрыв рот, и хватая ртом воздух, промолвил:

- Зря я тещу не послушал. Ведь она прожила жизнь.

Мораль: "Слушай взрослых и выполняй неписанные ненецкие законы" (6, 33-35).

Данная сказка, как и весь фольклор лесных ненцев, несет в себе воспитательный элемент, учит детей послушанию и тому, что вся их жизнь должна выстраиваться согласно определенным этическим нормам и правилам поведения.

Кроме сказок у лесных ненцев существуют мифы и легенды, через которые детям передавались знания о происхождении земли, человека, явлений окружающей природы.

"Жили-были люди на берегу реки Лам-Яха - притоке реки Пяку-Пур. Среди этих людей был Лам. Осенью люди в поисках кедровых шишек каслали.

Лам шел сзади аргиша и вел оленей. Когда переходили речку старшие сказали ему: "Не отставай от аргиша, а то потеряешься". Он же ответил: "Как может потерять человек следы тысячного стада?" Остановился Лам, привязал нарты и пошел шишковать один и до сих пор не вернулся в чум.

Мораль такова: надо слушать старших. А эту речку, где потерялся Лам, назвали Лам-река" (6, 57).

Тематика загадок у ненцев тесно связана с их основными занятиями, природой и животным миром. В пример можно привести следующие.

1. Лым нэвта халы взрна - "Вьется змея с костяной головой" (ответ: *тынзя* - "аркан").

2. Сидя взэнеко нув няю игоберна - "Две собаки воют в небо" (ответ: *хан пьыя* - "головки нарт").

3. Юр хасава гю у харва, юр хасава таси харва - "Сто мужчин стремятся вверх, сто мужчин стремятся вниз" (ответ: *понга* - "невод").

4. Ня маси, манэ маци - "Не поймать, не увидеть" (ответ: *мерця* - "ветер").

5. Нгарка ни нга, илгу нир - "Не большой, а не поднимешь" (ответ: *ту* - "огонь").

Есть и такие:

1. "Двух остяков разделяет одно бревно, и за всю жизнь они не встречаются" (нос и глаза).

2. "Два воробья друг друга никак не обгонят" (носы нарт).

3. "У старухи нос курносый, у старика - широкий" (женские и мужские кисы).

4. "Одни посидели, другие на их место сели" (следы копыт) (6, 37).

Загадки имеют большое познавательное значение. Они развивают у детей смекалку и логическое мышление.

У лесных ненцев существует много поверий, связанных с различными представителями фауны, например, если кто-нибудь убьет или навредит насекомому, которое ненцы называют слоник, то у него выпадут волосы, потому что слоник - это создатель женской косы. Очень часто ненецкие девушки, поймав слоника, проводят им по волосам и приговаривают: "Какие длинные у меня волосы, такие длинные, как у слоника". Еще одно поверье связано с пауком (ними ката) - хранителем швейных принадлежностей. Если девочка убьет паука, то потеряет свою швейную сумочку. Так как сумочка олицетворяет собой печень, то, следовательно, печень начнет болеть. В первом и во втором поверье отчетливо просматривается воспитание с целью привить ребенку бережное отношение ко всем животным независимо от размера.

Общение детей с животными с ранних лет формирует в них бережное и ответственное отношение к ним. Первыми животными, которые появляются у детей лесных ненцев, обычно бывают собаки и маленькие оленята.

Добрым традициям предков и родных следуют многие дети тундровиков. Они легко определяют часы тундры по звездам, солнцу, луне и по многим другим предметам. Дети стараются соблюдать запреты, выработанные народом, благодаря чему они умеют легко управлять собой и своим поведением в разных жизненных ситуациях в отношении людей, всего живого, явлений природы и т.д.

Дети в основном учатся всему у взрослых, они являются для них главным примером для подражания.

К лучшим национальным традициям относятся: любовь к природе, бережное к ней отношение, воспитание физических и высоких моральных качеств у

детей, обычай взаимопомощи и гостеприимства.

В духовной культуре, в частности в обрядах и представлениях, связанных с рождением ребенка и воспитанием подрастающего поколения под влиянием современного научно-технического и социального прогресса, не только не произошло развитие традиционных элементов культуры, но они были просто утрачены. То, что многие обряды и ритуалы перестали совершать, связано с утратой религиозных воззрений.

На сегодняшний день священные места практически перестали посещаться. В связи с бурным развитием нефтяной промышленности на территории лесных ненцев (в Ямало-Ненецком автономном округе) они покинули свои земли, и *Нув'-то* стало для них недосыгаемым. Это священное озеро, на лесном диалекте ненецкого языка звучит - *Нум'-то*, что означает озеро Нума. Причина заключается еще в том, что традиционные религиозные верования перестали быть особо значимыми и руководящими действиями людей. Следовательно, и перестали проводить обряд очищения перед поездкой на священные места.

Что касается остальных обрядов, ритуалов и запретов, то они не все совершаются и выполняются. Не всегда и не везде проводится очистительный обряд после совершения какого-либо греха. Его не выполняют, например, приехавшие погостить в чум женщины, постоянно проживающие в поселке и городе. Не совершается очистительный ритуал, совершаемый перед отправкой на охоту, целью этого ритуала была удача на охоте, также по представлениям ненцев окуривание перед охотой очищает человека от запаха жилища, так как чум прежде всего женский мир, владения женщины. Охотничий промысел связан с выполнением определенных обрядовых действий, которые по представлениям лесных ненцев должны принести удачу на охоте и уберечь от мести убитых зверей. Представления, возможно, на этот счет сохранились, но особой необходимости в этом ритуале не стало, так как раньше на охоте необходима была удача, а сейчас многое зависит от технического оснащения.

Также по традиции лесных ненцев женщина не должна перешагивать через предметы, принадлежащие мужчине: орудия труда и промысла, его личные вещи, аркан для ловли оленей, хорей. По бытующему поверью нарушение этого запрета повлечет за собой исчезновение удачи в промысле, даже может нанести вред владельцу этих предметов. Запрещается перешагивать и через детские вещи, игрушки, нарушение может нанести вред ребенку, он будет плохо спать, болеть. Если она случайно нарушит этот запрет, необходимо провести очищение предметов, в отношении которых он совершен. В современной жизни этот запрет нарушается. Нарушается и запрет на внесения в чум мяса дикого оленя через обычный вход. Раньше для этого поднимали нижний край покрышек на противоположной стороне входа. Через обычный вход было запрещено потому, что кровь могла попасть на землю возле входа, также на половые доски, а на это место ступала женщина.

Некогда охватывающие все сферы жизнедеятельности лесных ненцев религиозные представления постепенно уменьшают границы своего влияния, концен-

трируясь в той области, которая является пока еще недоступной для проникновения массовой культуры и непосредственно связанна с ведением традиционного хозяйства. Стоит отметить, что эти представления сохраняются в умах среднего и старшего поколения. В настоящее время традиционные ритуалы отправляют в основном только лица старшего возраста. Среднее поколение, получившее образование, хотя и знакомо с традициями предков, но не находит нужным совершать обряды и ритуалы. Что касается подрастающего поколения, то они очень плохо знакомы с духовной культурой своего народа.

Разложение родового строя повлекло за собой ослабление почитаний и посещения родовых святилищ, которое отразилось в обрядовой практике в сторону её исчезновения. Большой урон традиционной вере был нанесен в ходе антирелигиозной пропаганды советской власти, следствием этого стало прекращение деятельности шаманов. Они являлись основными носителями знаний религиозных верований и обрядовой практики. Многие обряды некому стало проводить, они прекратили свое существование. В ходе кампаний по ликвидации неграмотности среди коренного населения, а также организаций красных чумов, школ-интернатов, люди стали получать атеистическое воспитание. Когда не стало носителей знаний религиозных верований, знатоков обрядов и ритуалов, тем более, что они являлись и их организаторами, и ведущими, народ стал терять сакральную связь с одухотворенной природой. В сознание ненцев было посеяно семя сомнения в существовании этой связи. После этого люди и духи стали отдаляться друг от друга, вторые все меньше и меньше стали вмешиваться в людскую жизнь. Однако они продолжали существовать в сознании людей, но уже не могли причинить им вред, поэтому не стало необходимости в задабривании духов посредством жертвоприношений. Необъяснимые явления природы находили рациональные ответы. Также болезни уже не считались наказанием за совершенный грех, нарушение какого-либо запрета. Следствием чего явилось прекращение проводимых в чуме, около него и связанных с ним многих обрядов и ритуалов.

Культура малочисленных народов Севера весьма хрупка, пожалуй, ее можно сравнить в этом отношении с легко ранимой природой севера. Эта этническая культура в условиях наплыва в край больших по численности групп пришлого инонационального населения, сокращения традиционных отраслей хозяйства, резкого изменения образа жизни и типа расселения, исчезновения родных языков очень быстро разрушается. В ряде случаев в результате современного научно-технического и социального прогресса не только не произошло развитие традиционных элементов культуры, но они были просто утрачены.

Сохранение национальной культуры каждого народа в нашей стране имеет большое значение не только для самого народа, для каждого его представителя, но и в целом для всей нашей многонациональной России.

Список литературы

1. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.

2. Лар Л.А. Традиционное, духовно-нравственное и эстетическое воспитание ненецких детей // Педагогика и школа. Тобольск, 1994.
3. Неца (лесные ненцы): В 5 кн. / Под ред. Б.Б. Пономарева. Кн. 1: Песни народа неца. Религиозные воззрения / Под ред. С.К. Нарышкина, М.И. Гардаמיшина. М., 2001.
4. Прокопенко В.И. Ханты: этнопедагогика физического воспитания. М., 1994.
5. Соколова З.П. Путешествие в Югру. М., 1982.
6. Турутина П.Г. Сказка о серой мышке. М., 2000
7. Харючи Г.П. Актуальность исследований В.Н. Чернецова // Материалы научной конференции "История и современность народов Ямала". Салехард, 1995.
8. Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. Л., 1968.
9. Хомич Л.В. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
10. Хомич Л.В. Обычаи и обряды, связанные с детьми, у ненцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
11. Янгасова Н.М. "Приемы народного воспитания у ненцев". (Салехард) // Народы Северо-Западной Сибири / Под ред. Н.В. Лукиной. Томск, 1996. Вып. 4.

Н.А.Лаас

Украинская академия наук, г. Киев

ОБРАЗ УКРАИНЫ В ПОСЛЕВОЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОВЕТОЛОГИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Советология как историографическое явление является довольно уникальным явлением в западной исторической мысли. Сочетание научных подходов с достаточно ярко выраженной политической предубежденностью и государственным заказом дало интересные с исследовательской точки зрения работы, в которых отражены не только результаты исконно научных изысканий, но и в достаточной мере предубеждения, стереотипы и обыденные взгляды на регион бывшего Советского Союза. Конечно, такие общественные явления были характерны для западного общества в целом, особенно периода "холодной войны", а поскольку историк тоже является членом определенного общества, соответственно и он в той или иной мере есть носитель этих взглядов. В отечественной историографии советского периода американские и британские исследователи критиковались за слепое преклонение перед т. н. "российской шовинистической мыслью", основную черту которой было признание главенства российской национальности в ущерб существованию других национальностей бывшей Российской империи. Советские историки работы своих западных коллег считали тенденциозными прежде всего в национальном вопросе. Такая позиция диктовалась официальными положениями марксизма-ленинизма о разрешении основных межэтнических конфликтов в социалистическом обществе с возникно-

вением первой в мире страны с подобным укладом - Союза Советских Социалистических Республик.

По нашему мнению, советологическая историография была не так проста и однозначна в этническом и национальном вопросе, как это виделось советским историкам.

Цель этой статьи - обрисовать в общих чертах основные концепты восприятия национального вопроса в СССР в англо-американской послевоенной историографии на примере образа Украины. Размышления автора основаны на его опыте прочтения советологической литературы, которая касается украинских проблем. Однако положения, высказанные ниже, далеко не являются окончательными, скорее наоборот, - это первые попытки постановки основных вопросов, каждый из которых нуждается в последующем глубоком исследовании и обсуждении в среде историков, этнологов и философов.

Украинская проблематика на протяжении всей истории советологии никогда не занимала главного места в работах её представителей. Исследования в этой области были прерогативой историков украинского происхождения, которые волею обстоятельств оказались в эмиграции, но в силу преданности науке или ввиду личных качеств не оставили научную деятельность и продолжали заниматься историческими изысканиями. Однако время от времени к украинской проблематике обращались и ученые, которые не были выходцами из эмигрантской среды. Именно работы последних и будут нас интересовать в первую очередь. В силу своего неукраинского происхождения они априори не были обязаны воспринимать Украину однозначно как самостоятельную нацию, что было характерно для эмигрантских историков, соответственно их умы были открыты влиянию других представлений и различных стереотипов, прежде всего тех, которые преобладали в то время в западном обществе, что до некоторой степени и нашло отражение в их работах.

Тезис о том, что англоязычная историография представляла украинскую национальность только как часть российской и никак иначе, представляется изначально неверным. Главным аргументом в этом может служить сама структура Советского Союза как государства с федеративным принципом управления, соответственно которому Украина была отдельной республикой, а украинцы - самостоятельной национальной единицей в структуре советского содружества наций. Если в англоязычной историографии и могли возникать дискуссии о характере древнерусской народности Киевской Руси как общей основы для последующего формирования российской, украинской и белорусской нации, то уж Украина XX века, официально признанная в СССР нацией, никак не могла восприниматься этнической частью России. Образ Украины в англоязычной историографии, повторимся, не так однозначен.

Среди всего диапазона восприятий Украины, которые в той или иной мере присутствуют в работах западных исследователей, мы выделим следующие, наиболее существенные на наш взгляд:

1. Украина как одна из многих национальностей Советского Союза, к кото-

рым применялся термин "нерусские народы СССР". Соответственно основной контекст таких исследований - статус России, русской нации, русского языка в Союзе, политика русификации и процесс взаимоотношений/противостояния русской и остальных национальностей. Конечно же, украинцы воспринимались как нация, входящая в состав Союза, но акцент таких работ скорее не на отождествление украинцев и россиян, а наоборот, на их различия, на этнические особенности каждого из народов и соответственно особенности национальной политики высшего руководства по отношению к нерусским национальностям.

2. Украина как административная единица Советского Союза, которая имеет статус республики. Наиболее часто такой образ встречается в работах, в которых исследуются особенности управления СССР, административно-территориальное устройство, процесс принятия решений, бюрократический аппарат и т. д. В данном случае Украина воспринимается меньше как нация, но более как результат управленческого решения советского руководства для более эффективного государственного устройства.

3. Украина как географический регион, который населен не только этническими украинцами, но и представителями других этнических групп, уже являющимися органической частью региона в силу различных исторических обстоятельств. Украина воспринимается так в истории еврейства Советского Союза, а также истории крымских татар, немцев и прочих этнических групп.

4. Особое место в советологической литературе занимает образ Украины как реально или потенциально независимого государства. Самостоятельная украинская держава существовала в 1917-20 гг., однако после, как известно, была включена в состав Советского Союза. Более интересен вариант возможной независимости Украины как проект интеллектуальной мысли украинских деятелей, в основном украинских националистов. Тут следует особо отметить, что советологическая историография деятельность украинского националистического движения рассматривала довольно тенденциозно, путалась в терминах и концепциях, была подвержена влиянию идеологических факторов.

5. Украина как спорная территория. Такой образ восприятия характерен для работ, изучающих геополитическое положение Восточной Европы, международные отношения СССР с государствами, соседствующими с украинскими землями, особенно решение вопросов границ, обмена населением (операция "Висла") и т. п. Этот контекст присутствует и в работах, которые касаются истории отдельных регионов Украины, в основном Галичины, Буковины, Закарпатья, Волыни и др., которые в свое время находились в составе разных держав.

Данные историографические построения можем встречать не только в "чистом" виде. Иногда в одной и той же книге возможно пересечение и смешивание тех или иных образов. Но в любом случае читатель таких работ без предварительной критической оценки рискует неверно понять историографическое значение и фактическую сторону исследования, посвященного украинскому вопросу, если будет воспринимать термины "Украина" и "украинский" как однозначно определенные во всех без исключения работах.

Кроме работ Пола Томаса (2, 3) и отдельных замечаний украинских зарубежных историков (1, 4), в современной англоязычной историографии нам не известны попытки отразить использование такой терминологии, выявить случайные или намеренные ошибки в отношении украинской проблемы, проанализировать скрытый контекст, в котором использованы факты, относящиеся к украинской истории, эмоциональную похвалу или, например, стилистические особенности текстов таких историков. А всестороннее исследование этих явлений безусловно помогло бы в осмыслении стереотипов, образов, некритических восприятий как Украины, так и других национальностей бывшего Советского Союза в целом в англоязычной традиции. Это в свою очередь позволило бы более глубоко и корректно изучить советологию как историографическое явление.

Список литературы

1. Біланюк П. Деякі зауваження до термінології української в англійських наукових виданнях // Український історик. 1988. № 1-4 (97-100). С. 225-226.
2. Thomas, Paul F. *The Perception of Ukraine in Canadian and American Geography Textbooks* // *Життєвий досвід українців у Канаді: Рефлексії*. Вінніпег, 1994. С. 313-337.
3. Thomas, Paul F. *Towards a Curriculum for Teaching the Geography of Ukraine* // *Життєвий досвід українців у Канаді: Рефлексії*. Вінніпег, 1994. С. 339 - 379.
4. Weres, Roman. *Confusion in Terminology Relating to the Ukraine Historical, Geographical and Cultural*. In his *The Ukraine: Selected References in the English Language*. Kalamazoo, Michigan: Western Michigan University, School of Graduate Studies, 1961. P. 34-40.

В.А. Федоров
г. Курган

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ БЫТА РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 70-е ГОДЫ XX ВЕКА (КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Русское крестьянство в рассматриваемый период было колхозным. Последнее являлось определенным исторически сложившимся классом советского социализма. Оно опиралось на колхозно-кооперативную форму собственности как элемент советских социалистических экономических отношений и было объединено в колхозы - производственные и социальные организации с тесными экономическими, социальными и территориальными связями, своеобразные наследники русской крестьянской общины в новых условиях. Колхозное крестьянство вместе со всем народом несло на себе груз всех тех проблем, с которыми сталкивалась страна. Кроме того, оно (как и русское дореволюционное крестьянство)

яństwo) выполняло роль донора для города, промышленности, государства. Причины этого, прежде всего, в тех объективных обстоятельствах, в которых находилось общество, страна в то время. Это сдерживало развитие деревни. Лишь, по существу, только в последние десятилетия советского строя появилась возможность уделять больше внимания развитию всех сторон ее жизни, в том числе быту.

Быт представляет собой сферу внепроизводственной жизнедеятельности людей, совокупность способов и форм удовлетворения их повседневных жизненных потребностей. Он делится на домашний и общественный. Первый включает в себя жилищные условия и домашнее (в том числе подсобное) хозяйство, семейное обслуживание и семейные отношения, повседневную жизнь людей. Второй - специализированные социальные институты, профессионально предоставляющие услуги в сфере быта. Быт несет на себе отпечаток многообразных факторов, которые в совокупности обеспечивают формирование его определенного типа, это - природные условия, уровень развития производительных сил, характер общественных отношений, социальные, культурные и этнические особенности общества. Отсюда, быт русского колхозного крестьянства связан с природой последнего, условиями его жизни, его потребностями. Что они представляли из себя в начале 70-х гг. XX века отчасти показало исследование в колхозах Курганской области, проведенное в 1974 - 1975 гг. Лабораторией конкретных социологических исследований Курганского государственного педагогического института по заказу областного управления сельского хозяйства и областного комитета работников сельского хозяйства и заготовок о причинах текучести рабочей силы в колхозах области. Исследование проводилось с использованием различных социологических методов: сбор статистического материала, наблюдения, беседы, анкетирование. Последним было охвачено 1600 работающих колхозников в 24 хозяйствах области. Результаты исследования в силу значительной этнической однородности зауральской деревни и схожести процессов, происходивших в российской деревни в целом, позволяют с определенной долей условности говорить о быте русского крестьянства в это время.

Исследование показало, что бытовые условия колхозников к этому времени значительно изменились. Старые, вросшие в землю дома, ушли в прошлое. Всё больше появлялось новых пятистенков и крестовиков. В строительстве домов всё чаще использовался кирпич; дома покрывались тесом, железом, шифером; по дереву и железу часто применялась краска. Двор, как правило, огораживался досками. Жилые дома были полностью электрифицированы; расширился их охват баллонным газом - в таких домах проживало 58% колхозников. Интерьер дома своеобразно сочетал старое и новое. Наряду с русской печью, голбцем, полатыми, полками, лавками, скамьями, сундуком, в нем появлялась купленная современная мебель - платяные шкафы, серванты, комоды и т.п. Рядом с глиняными горшками, деревянными кадками существовала современная фаянсовая, стеклянная и металлическая посуда. В украшении интерьера дома наряду с домоткаными половиками, вышитыми занавесками, полотенцами, вязанной скатертью,

лоскутным покрывалом, рамочками с фотографиями применялись покупные занавески, ковры, дорожки на полу, картинки на стенах. Хотя основная масса колхозников (77,7%) проживала в личных домах, началось строительство и колхозного жилья, в котором уже проживало 17,0% опрошенных.

Изменилось значение домашнего хозяйства. Оно уже не занимало того важного места, какое у него было в недавнем прошлом. Значительно упала его экономическая роль. Оно всё более механизировалось - распространение получали швейные и стиральные машины, холодильники, различные бытовые электроприборы; появились бензопилы, мотоциклы, легковые автомобили. Сохранялись ещё некоторые ремёсла: женщины иногда шили, пряли, вязали, вышивали, ткали половики; мужчины занимались рыболовной снастью, мастерили что-нибудь из дерева. Одежда почти полностью стала или "магазинной", или пошитой в ателье. Многие уже покупались и из еды, она стала более разнообразной. В домашнем быту всё меньше проявлялась зависимость от природы, этнических традиций. Всё больше места начинала занимать мода, вытесняя обычаи.

Развивалась сфера общественного быта. Открывались пункты по оказанию тех или иных бытовых услуг на месте, пункты по приему заказов с выполнением их в районных комбинатах бытового обслуживания населения (КБО). Существенные сдвиги происходили в работе предприятий торговли: укреплялась сеть магазинов по продаже товаров повседневного спроса, открывались специализированные магазины и универмаги на центральных усадьбах колхозов, применялась развозная торговля автолавками в небольшие деревни, животноводческие фермы, места полевых сельскохозяйственных работ; усиливалась централизованная доставка товаров, налаживались прямые связи с промышленными предприятиями; увеличивался товарооборот, изменялась его структура; заметно улучшилось снабжение колхозных сёл предметами культурно-бытового назначения, продуктами питания, в том числе хлебобулочными изделиями. Развивалось общественное питание на селе - количество мест в столовых на 100 членов колхозов и их детей составляло 4,3. Улучшалось медицинское обслуживание и оздоровление колхозников: практически во всех колхозных селах и деревнях были медицинские службы; всё чаще колхозники лечились и отдыхали в санаториях, домах отдыха, на курортах, в туристических поездках; дети летом отдыхали в пионерских лагерях, на спортивно-туристских базах. Открывались детские дошкольные учреждения. Колхозники стали проявлять высокую транспортную подвижность, что отражено в таблице 1.

Таблица 1

№ п/п	Частота посещения города, райцентра опрошенными	%
1	Часто	38,7
2	От случая к случаю	40,9
3	Очень редко	15,9
4	Практически никогда	2,2

В связи с ростом числа поездок колхозников за пределы колхоза возрастала значимость для них надежного транспортного сообщения. Удовлетворение данной потребности находило выражение в активном дорожном строительстве, росте автобусного парка. Так, если в 1965 году на загородных маршрутах в области работало 226 автобусов, то к началу 1975 года их было более 500. Некоторые из строящихся дорог покрывались асфальтом. Улучшалась работа связи (телефона, почты). Развертывалась подготовка квалифицированных кадров для бытового обслуживания колхозного населения. Колхозники всё чаще обращались к услугам сферы бытового обслуживания. Эти услуги в материальном отношении для них были вполне доступны. Некоторые из них предоставлялись за неполную стоимость или бесплатно. Так, лечившиеся и отдохавшие колхозники зачастую получали путевки с оплатой только трети или половины их стоимости, а многие бесплатно. То же касается детского лечения и отдыха, оплаты услуг детских дошкольных учреждений и т.п. Кроме того, колхозникам оказывалась помощь в жилищном строительстве (выдавались ссуды, стройматериалы), ведении подсобного хозяйства (во вспашке огородов, заготовке сена, выделении зерновых отходов на корм скоту, подвозе грузов). Улучшение жилищных и социально-бытовых условий колхозников способствовало сокращению трудоемких процессов в их домашнем хозяйстве, высвобождало им время для отдыха, повышения культурного уровня.

Черты колхозной деревни в это время становились всё более динамичными, подвижными; облик сёл быстро менялся. Символами их становились новые всё более современные здания школ, детских садов, библиотек, Домов культуры, клубов, магазинов, медицинских учреждений, пунктов бытового обслуживания, административных и жилых зданий и т.п. Многое делалось по благоустройству сёл. Вдоль улиц в палисадниках повсеместно высаживались (в прошлом "беспользные") декоративные деревья, кустарники, цветы. В то же время вместе со значительным улучшением жилищно-бытовых условий жизни колхозников столь же значительным был и критический настрой их к этим условиям. Степень его к различным сторонам жилищно-бытовых условий представлена в таблице 2.

Таблица 2

№ п/п	Виды жилищно-бытовых условий, которыми недовлетворены опрошенные	%
1	Работой предприятий торговли	48,7
2	Работой сферы бытовых услуг	32,7
3	Жилищными условиями	30,1
4	Медицинским обслуживанием	23,3
5	Работой транспорта, связи	22,5
6	Работой детских дошкольных учреждений	21,9

Конкретных претензий колхозников к тем или иным бытовым условиям своей жизни было довольно много. В таблице 3 показано, как это выглядело, например, относительно жилья.

Таблица 3

№ п/п	Причины неудовлетворенности опрошенных жильём	%
1	Отсутствие водопровода	26,4
2	Недостаточные возможности для строительства и ремонта	18,0
3	Недостаточная жилплощадь	17,1
4	Отсутствие водяного отопления	15,7
5	Плохое состояние дома	12,3
6	Недостаточно топлива	4,0
7	Отсутствие газа	3,2
8	Отсутствие ванной	3,2

Относительно службы социально-бытового обслуживания претензии сводились в основном к отсутствию той или иной службы, нерегулярному выполнению ими своих услуг, недостаточному ассортименту, видам предлагаемых услуг, товаров, неудовлетворительным условиям для их работы (помещение старое, неудобное, недостаточно вместительное, недостает квалифицированных кадров), браку в работе служб (нарушается время работы, некачественно и не в срок выполняется работа, невнимательное обслуживание клиентов). В результате недоработки служб быта колхозники вынуждены были тратить дополнительное время, средства, энергию на поездки в районные центры и города, в том числе и с бытовыми целями. В какой это проявлялось степени, отражено в таблице 4.

Таблица 4

№ п/п	Причины посещения опрошенными города, райцентра	%
1	В предприятия торговли	55,2
2	В учреждения здравоохранения	42,6
3	В гости	28,1
4	По делам работы	27,1
5	В предприятия бытового обслуживания	20,0
6	В учреждения культуры и отдыха	4,7
7	Для продажи продуктов подсобного хозяйства	1,7
8	Другие причины	3,6

Всё это вело к значительным затратам времени на ведение домашнего и подсобного хозяйства, обслуживание своей семьи, что видно по таблице 5.

Таблица 5

№ п/п	Ежедневные затраты времени на работу в домашнем и подсобном хозяйстве	%
1	До 1 часа	10,4
2	От 1 до 3 часов	36,9
3	От 3 до 5 часов	29,3
4	Свыше 5 часов	18,9

В конечном итоге при неблагоприятном стечении обстоятельств отмеченное выливалось в желание уйти из колхоза. Причины такого желания, касающиеся жилищно-бытовых условий, представлены в таблице 6.

Таблица 6

№ п/п	Причины желания уйти из колхоза	%
1	Мало село, его население, узок круг общения	23,3
2	Неудовлетворительная работа торговли, общественного питания	19,3
3	Неудовлетворительные жилищные условия	18,6
4	Неудовлетворительное бытовое обслуживание	15,2
5	Неудовлетворительная работа детских дошкольных учреждений	14,0
6	Неудовлетворительное медицинское обслуживание	14,0
7	Неудовлетворительная работа транспорта, связи	10,3
8	Нет желания вести личное подсобное хозяйство	7,5

Действительно, служба жилищно-бытового обслуживания на селе ещё слабо удовлетворяла запросы колхозников. У неё недостаточная была материально-техническая база, не хватало финансовых средств, кадров. Имели место просчеты в планировании, освоении выделенных средств, некомпетентность и т.п. В то же время сравнительно высокая доля неудовлетворенных жилищно-бытовыми условиями объясняется не только их действительно плохим состоянием, но и существенно возросшими требованиями, предъявляемыми к ним колхозниками, что связано с ростом их культуры, потребностей. Последние же определяются не только конкретными условиями проживания людей, но и уровнем развития общества в целом или его более развитых частей, например, города, связи с которым у сельских жителей резко возросли.

В результате в сознании колхозников формировались определенные социальные нормы, некоторые общие представления о том уровне быта, который они считали необходимым и в случае, когда он не соответствовал им, возникало его неприятие. Своеобразным передовым отрядом колхозного крестьянства в этом отношении являлась молодежь, сельские специалисты. Как бы то ни было, колхозники перестали воспринимать исторически сложившийся разрыв между городом и деревней в уровне жилищно-бытовых условий как нечто естественное и вечное, а рассматривали его как отклонение от нормальных условий. Они

уже не удовлетворялись также жизнью в мелких поселениях, не было им безразлично и то, насколько благоустроено их село, какова его связь с внешним миром и т.п. В то же время далеко не все колхозники даже из тех, у которых по тем или иным причинам появилось желание уйти из колхоза, намерены были перебраться в город, что видно из таблицы 7.

Таблица 7

№ п/п	Намерения опрошенных относительно места жительства после их ухода из колхоза	%
1	Уехать в город	52,0
2	Уехать в другую сельскую местность	32,2
3	Остаться в данном населенном пункте	19,5

Приведенные данные показывают, что у многих сельских жителей по-прежнему проявлялась большая привязанность к деревенской жизни. Ценными сторонами последней они считали близость природы, особенности сельскохозяйственного труда, коллективистский характер общения людей, их открытость, спокойный ритм жизни, тишину, возможность вести собственное подсобное хозяйство. Многие отмечали, что в деревне им нравится всё, т.е. иного бытия они просто не хотели. Сознанию многих сельских жителей более импонировало дальнейшее ускоренное развитие деревни, сочетание в ней традиционных сельских ценностей с городскими, чем переезд в город. И всё же некоторые преимущества сельской жизни перед городской у многих не перевешивали тех выгод, которые давал своим жителям город, его развитая социальная инфраструктура. Поэтому задача заключалась в том, чтобы на благоприятном фоне любви сельских жителей к своему месту жительства, сельскому образу жизни, сельскохозяйственному труду и т.п. принять меры для устранения трудностей, связанных с недостатками жизни в деревне. Главным фактором, противодействующим формированию установки на отъезд в город у жителей села, являлось повышение уровня урбанизации сельских поселений. Стояла задача превращения сел в населенные пункты с благоустроенным жильём, коммунальным и бытовым обслуживанием, развитыми средствами коммуникации, удовлетворяющими растущие потребности сельских жителей. И эти преобразования стали осуществляться более ускоренно. Вместе с тем, так же более ускоренно стали изменяться образ жизни, традиции, привычки крестьян.

Список литературы

1. Никулин В.В., Степанова И.Н., Федоров В.А. Сравнительный анализ причин текучести рабочей силы в колхозах Курганской области. (Для служебного пользования). Курган, 1976.
2. Никулин В.В. Зауральский крестьянин: труд, быт, интересы (некоторые итоги исследования) // Тезисы докладов научной конференции. Гуманитарные науки. Курган, 1976.
3. История культуры Южного Зауралья. Т.2: Советский период/ Отв. ред. В.В.Подливалов. Курган, 2004.

ПОСУДА, УТВАРЬ И РЕМЕСЛЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Крестьянский дом трудно было представить без многочисленной утвари, накапливавшейся десятилетиями, если не столетиями, и буквально заполнявшей его пространство. В русской деревне утварью называлось "все движимое в доме, жилище", по словам В. И. Даля, автора "Толкового словаря живого великорусского языка", составленного в середине XIX века. Фактически утварь - это вся совокупность предметов, необходимых человеку в его обиходе. Утварь - это посуда для заготовки, приготовления и хранения пищи, подачи ее на стол; различные емкости для хранения предметов домашнего обихода, одежды; предметы для личной гигиены и гигиены жилища; предметы для разжигания огня, хранения и употребления табака и для косметических принадлежностей.

Основные типы домашней и хозяйственной утвари, использовавшейся русскими крестьянами в XIX - первой четверти XX века, сложились еще в древности. В раскопках русских городов и селений X-XIII веков ученые находили предметы утвари, внешний вид которых имел сходство с утварью XIX века.

Крестьянская традиционная утварь на всей территории расселения русского народа была однотипной. Местные варианты предметов утвари фактически отсутствовали или, во всяком случае, менее бросались в глаза, чем, например, в одежде, пище. Однако характерной особенностью было изобилие местных терминов, называющих по-разному один и тот же предмет. Сосуды одной и той же формы, одного назначения, выполненные из одного и того же материала одним и тем же способом, назывались по-разному в разных губерниях, уездах, волостях и даже деревнях. Название предмета менялось в зависимости от его использования конкретной хозяйкой: горшок, в котором варили кашу в одном доме, получал название "кашника", тот же горшок, использовавшийся в другом доме для варки похлебки, назывался "щенником". Разными терминами называлась утварь одного назначения, но изготовленная из разного материала: сосуд, выделанный из глины, - горшок, из чугуна - чугунок, из меди - медник. Терминология часто менялась в зависимости от способа изготовления сосуда: сосуд для квашения овощей бондарной работы - кадка, долбленный из дерева - долбленка, выделанный из глины - корчага.

В русской деревне использовалась в основном деревянная и гончарная утварь. Металлическая, стеклянная, фарфоровая была распространена меньше. Деревянная утварь преобладала в лесной полосе России, гончарная - в ее степных и лесостепных районах.

Деревянная утварь по технике изготовления могла быть долбленной, бондарной, столярной, токарной. В большом употреблении была также утварь, изго-

товленная из бересты, плетенная из прутьев, соломы, корней сосны. Некоторые из необходимых в хозяйстве деревянных предметов изготавливались силами мужской половины семьи. Большая же часть предметов приобреталась на ярмарках, торжках, особенно это касалось бондарной и токарной утвари, изготовление которой требовало специальных знаний и инструментов. На ярмарки губернского или уездного масштаба деревянную утварь привозили из крупных ремесленных центров России. Так, например, токарную посуду - из лесного Заволжья, Московской, Вятской губерний; сундуки столярной работы - из Пермской и Нижегородской. Кадушки, ушаты, шайки, бочки и прочий "бондарный товар" поступал из Пермской и Нижегородской губерний, а также из губерний Северной России. На мелких сельских торжках продавались изделия местных ремесленников.

Вещи, изготовленные ремесленниками, отличались добротностью, прочностью, тщательностью отделки, то есть теми чертами, которые особенно ценились крестьянами, покупавшими их не только в расчете на сегодняшний день, но и на долгое использование в будущем.

Гончарная посуда применялась в основном для приготовления пищи в духовой печи и подачи ее на стол, иногда для засолки, квашения овощей. Ее изготавливали в мелких кустарных мастерских, возникавших в местах выхода на поверхность гончарных глин. Гончары продавали свои изделия на местных ярмарках или развозили по деревням на возах и по воде на лодках, обменивая на зерно, муку, крупу.

Металлическая утварь традиционного типа была распространена преимущественно на Русском Севере. Это была, главным образом, медная, оловянная, серебряная столовая посуда, изготовленная в XVII-XVIII веках, передаваемая по наследству как величайшая ценность, или сделанная по старым образцам мастерами XIX века. Наличие ее в доме было ярким свидетельством зажиточности семьи, ее бережливости, уважения к семейным традициям. Таковую утварь продавали только в самые критические моменты жизни семьи.

Традиционный набор утвари сохранялся в крестьянском хозяйстве вплоть до конца 30-х годов XX века. Однако новые, характерные для городского образа жизни вещи стали проникать в народный обиход гораздо раньше, еще в середине XIX века. Первоначально это была столовая утварь, вернее чайная. Вместе с самоваром и кофейником в быт крестьян вошли чайные чашки с блюдцами, сахарницы, вазочки для варенья, молочники, чайные ложки. В зажиточных семьях стали входить в обиход фаянсовые тарелки для индивидуального пользования во время праздничных трапез, формы для студня, рюмки, стаканы, бокалы, бутылки и т. п. Эта посуда обычно хранилась в стеклянных горках, стоявших в горницах, и служила украшением интерьера (7, 12 - 13).

К началу XIX в. различия между утварью, бытовавшей у горожан, и той, что была распространена в сельской местности, стали все более очевидными. В крупных городах и, прежде всего, в столицах - Москве и Петербурге, среди высших сословий общества в изобилии была дорогая посуда, ею особенно торжествен-

но обставлялись приемы гостей. Им стремились подражать элита провинциальных городов, богатые слои купечества и мещанства. Горожане широко использовали стеклянную (стаканы, рюмки, графины и пр.), фаянсовую и фарфоровую посуду. Среди них довольно быстро распространялась металлическая посуда, включая эмалированную.

В сельской среде, напротив, утварь оставалась наиболее устойчивым компонентом материальной культуры. Это диктовалось образом жизни трудового народа, имевшим практический и рациональный характер ведения домашнего хозяйства (9, 401).

Наполнявшая дом утварь изготавливалась, приобреталась, хранилась русскими крестьянами, естественно, исходя из чисто практического ее использования. Однако в отдельные, с точки зрения крестьянина, важные моменты жизни почти каждый из ее предметов превращался из вещи утилитарной в символическую. Сундук для приданого в один из моментов свадебного обряда из емкости для хранения одежды превращался в символ зажиточности семьи, трудолюбия невесты. Две ложки на свадебном столе, перевязанные лентой, обозначали единение и согласие жениха и невесты. Ложка, повернутая выемкой черпака вверх, означала, что она будет использована на поминальной трапезе. Лишняя ложка, оказавшаяся на столе, предвещала приход гостей и т. п. Одни предметы утвари обладали очень высоким семиотическим статусом, другие более низким.

Таким образом, русская изба с ее особым, хорошо организованным пространством, неподвижным нарядом, подвижной мебелью, убранством и утварью была единым целым, составлявшим целый мир для крестьянина (7, 12-13).

Приготовление еды у русских издавна было связано с устройством духовой печи, получившей название русской. В зависимости от того, где она располагалась, строились и приспособления для хранения домашней утвари. От боковой стенки печи до противоположной стены дома делали чуланчики с дверцами - казенки или кутник. На торцовой стене подле печи укрепляли припечную лавку, называвшуюся также судной или задней, а также полки для кухонной утвари - поллицы. У двери помещался ларь для хранения овощей - коник или голбинь. Стол стоял подле лавок около середины уличной стены, а чаще в углу.

Ухваты, сковородники, кочерги держали под печкой. Посуду для повседневного приготовления пищи хранили рядом с печным углом и прилегающей стеной. Это место называлось по-разному: бабий кут, куть, середа, теплошка, чулан.

В пространстве между печью и стеной (запечек) делали полки и хранили различную утварь. Здесь сосредоточивалось большое количество утвари. На печном столбе устраивалась столбушка - шкафчик с четырьмя-пятью полками для чайной посуды. Иногда ближайшую к печи часть переборки делали в виде шкафчика того же вида, что и столбушка, главным образом для хранения праздничной чайной посуды. Рядом находились судная лавка, к ней был прикреплен шкафик или ящичек с выдвигной боковой стенкой - полавошник, залавок или верхняя судница. В нем хранилась различная посуда, а его верхняя поверхность

служила для стряпух столом. В конце XIX - начале XX в. залавок превратился в плоский шкафчик с глухими двустворчатыми дверцами и широкой массивной столешницей.

Над залавком прибывалась блюдница или судница - доска с укрепленными на ней планками, за которые ребром закладывались блюда, миски и тарелки, а за самую нижнюю - ложки. Крупная посуда и кухонная утварь расставлялись на "грядке" - доске, идущей над судной лавкой, и на "мельных" полатях - широкой полке, расположенной между пирожным брусом и судной грядкой вдоль лицевой стены дома, а также на отрезке лавки, находившемся в середине.

Рядом с печью помещался залавок - шкаф с дверцами для хранения посуды и продуктов, рядом с ним кухонная лавка, а над ней прибывали планки для ножей и ложек. У состоятельных крестьян были шкафы с застекленными дверцами, с фарфоровой или фаянсовой посудой.

В 70-е годы XIX века в быт зажиточных крестьян стали под влиянием города входить поставцы. Верхняя часть шкафа имела несколько полок и служила для хранения праздничной посуды, среди которой нередко можно было встретить сервизы заводов Гарднера, Попова, Кузнецова или отдельные предметы - чайницы, сахарницы, чайники, чашки с блюдцами.

Часть посуды, предназначенной для длительного хранения продуктов, спускали в подполье.

Тесто замешивали в больших долбленых деревянных квашнях на невысоких ножках (квашонка, кадка) или глиняных горшках яйцевидной или конусовидной формы, покрытых внутри цветной глазурью (поливой). Их же использовали для замешивания теста на пироги.

Хлеб хранили в ларях или чаще в хлебницах - лубяном лукошке округлой формы.

Неизменной принадлежностью каждой хозяйки был глиняный горшок для приготовления щей. Оставленные в печи, они хорошо упревали, становились вкуснее и наваристее. Этому способствовала своеобразная форма горшка, благодаря чему тепло, идущее от печи, равномерно обхватывало сосуд, в нем никогда ничего не пригорало. В хозяйстве имелись и более мелкие горшки, в них щи разогревали. Готовую пищу подавали на стол в большом глиняном или деревянном блюде (3, 172-180).

К форме горшка, узкой снизу, были приспособлены ухваты, при помощи которых утварь ставилась в печь и вынималась. Ухват, сковородник (чапельник), насаженные на длинные черенки, а также кочерга для загребания углей всегда стояли у печи. В XIX в. на смену глиняному горшку пришел металлический - чугунок. Для жарения и запекания применяли плоские сковороды, металлические и гончарные (латки, жаровни, плоски).

Отварное мясо нарезали небольшими кусками и подавали на стол на круглой деревянной доске (кружок, тарелка, мясная доска). Для тушения мяса пользовались "латками" - плоскими глиняными мисками с невысокими краями с двумя ручками.

Для жарки рыбы и овощей использовали глиняные сковороды - латки.

Каши готовили, разогревали и подавали на стол в небольших глиняных горшочках.

Большим разнообразием отличались глиняные формы для холодца и заливной рыбы. Они были округлой, треугольной, квадратной формы, украшенные по краю и по дну рисунком; внутри их покрывали цветной глазурью.

В страдную пору пользовались утварью, позволявшей долго сохранять тепло приготовленной пищи. На сенокос щи и кашу носили в сдвоенных горшках шаровидной формы с плоской ручкой - перехватом посередине (двоешки, двойничок). Кашу носили в горшке яйцевидной формы с ручкой-перехватом (кашник, полевик).

Растительные масла хранили в небольших глиняных кувшинах или кубышках черного лощения шаровидной или яйцевидной формы с ручкой и носиком для слива (рыльцем). Носик и невысокое горлышко закрывали деревянными пробками.

Специальная утварь использовалась для хранения молока и молочных продуктов. Молоко доили в деревянный дойник или подойник с выдолбленным из осины носиком (подоенка, подойник). Его иногда целиком выдалбливали из дерева (в конце XIX в. он был чаще бондарной работы). Молоко обязательно процеживали в деревянную воронку через кусок холста в глиняные кринки с высоким горлом. Все молочные продукты хранили в таких кринках.

Для приготовления сливочного масла сметану сбивали мутовкой (или руками) в узких кринках. Масло топили в невысокой глиняной плошке с маленьким носиком-сливом (рыльцем) (топушка, топушка, масляник, мазильница, рожанка, рожонка, роговик, рыльник). Топленое коровье масло подогревали в масленке - небольшом глиняном горшке с расширяющимися кверху стенками, с плоской прямой ручкой и небольшим сливом. Иногда такая масленка имела крышку. Масло держали также в небольших кувшинчиках с широким горлом и ручкой. Горшочек для сметаны назывался сметанник, латочка или носушка. В конце XIX в. получила распространение деревянная маслобойка. Она представляла собой цилиндрический деревянный сосуд с крышкой и небольшим отверстием, куда вставлялся стержень поршня. В начале XX в. встречались и круглые маслобойки в виде горизонтально расположенного цилиндра с вращающейся крестовиной внутри, стержень которой входил через боковое отверстие (его вращали с помощью ручки). В 1886 г. появились сепараторы, но сначала у более состоятельных крестьян (6, 51-56).

Готовое масло раскладывали в большие бочки для продажи на ярмарках или держали в небольших глиняных корчагах и в тuesaх - в цилиндрических сосудах со вставным дном.

Для сбора грибов и ягод в большом употреблении были плетеные сосуды из бересты, прутьев и луба. Они имели разнообразные формы: прямоугольные, квадратные, цилиндрические (зобня, зобенка). Из бересты на севере плели большие короба с ляжками (пестерь, кошель, крошни, пайва), в которых носили не

только грибы и ягоды, но и еду на пашню во время страды.

Для рубки овощей были долбленные корытца. Капусту в них рубили сечкой - небольшим овальным топориком. Для засолки овощей употребляли деревянные бочки. Крышки были несколько меньше верхнего отверстия, чтобы под давлением гнета они могли свободно опускаться в рассол.

Столь любимое в народе лакомство, как пряники, помимо специальных заведений делали в зажиточных и богатых семействах домашним способом: для этого имелись пряничные доски из грушевых и липовых деревьев.

Повседневные напитки (чай, квас и пр.) пили из глиняных кружек цилиндрической формы с ручкой. Деревянные кружки для кваса украшались фигурками коней, солярными знаками. Большими долблеными ковшами с длинной ручкой (корец) зачерпывали воду для питья из широких бочек, ими разливали и другие жидкости. Стеклой посудой вплоть до начала XX в. пользовались очень мало, а металлической (главным образом медной, реже чугунной) пользовались широко, хотя она была распространена меньше, чем глиняная и деревянная. Кроме медной и чугунной посуды употребляли также стаканы (стакан, стопа, стопка), кружки и миски из цинка.

С распространением чаепития с конца XVIII в. стали пользоваться глиняными и металлическими чайниками для кипячения воды и заварки чая. Предшественниками самоваров были сбитенники, напоминающие внешне чайник, но с трубкой для углей внутри и поддувалом. В них "варился сам" и подогревался сбитень - популярный тогда в России напиток, приготовленный из меда, шалфея, зверобоя и различных пряностей. Продавцы-сбитенщики торговали им прямо на улице.

Во второй половине XVIII в. в Тульской губернии появились первые медные самовары - приборы для кипячения воды. Здесь существовали десятки самоварных фабрик и небольших мастерских, конкурирующих между собой (В. Ломова, С. Лукьянова, братьев Воронцовых, Баташевых и др.). Этим объясняется не только высокое качество самоваров, но и чрезвычайное разнообразие их форм. Существовало до 165 вариантов форм: цилиндрические, округлые, прямоугольные, многоугольные и т.д. В начале XIX в. распространенным типом был яйцевидный самовар на изогнутых ножках, поставленных на фигурное основание. Удобство транспортировки обеспечило дорожному самовару-кубку постоянный спрос, его изогнутые ножки были съемными - они легко и прочно укреплялись в специальных пазах.

Самовар стал неотъемлемой частью крестьянского быта. Правда, даже и при наличии его нередко чай кипятили в чугунах, а самовар ставили только для гостей.

Постепенно стали появляться наборы посуды для чая. В зажиточных семьях его заваривали в фаянсовых или фарфоровых чайниках, в более бедных - в глиняной посуде. В конце XIX века можно было встретить кузнецовский фарфор.

На стол чай, кофе и другие напитки в чашках с блюдцами или стаканами подавали на подносе. Они были разнообразной формы: круглые, овальные, квадратные, многоугольные. Особенно известны жостовские подносы, отличавшиеся

ся яркой раскраской (9, 405-407).

В 1864 году Н. Абрамов помещает чай среди "разных разностей", которые покупают женщины на зауральских ярмарках. Вместе с тем, в селе Травянском в 1875 году чай продаётся в местной лавке и не является экзотическим товаром. В селе Алабуга того же Челябинского уезда в тот же год самовары есть почти в каждом доме, но используются в основном для гостей. В уже упомянутом селе Травянском священник П. Виноградов насчитал только 16 самоваров при населении 1452 человека и 142 двора. Он также отмечает, что самовар используется в основном для гостей. Н. Петропавловский упоминает в 1880-е годы чай среди основных продуктов питания крестьян Курганского уезда, даже самые бедные пьют его круглый год. Интересно, что по его сведениям чай главным образом плиточный или кирпичный, готовится в основном в горшке (5, 67).

Как уже отмечалось выше, в начале XX века самовар стал важной частью крестьянского быта и ценился наравне со скотом (по значимости). Цена самовара колебалась от одного до пяти рублей. Вместе с чаем проникает в крестьянскую среду и чайная посуда.

В более позднее время (начало XX в.) самовар вошёл настолько широко в быт зауральских крестьян, что нет ни одной описи имущества, где бы он не упоминался наряду с недвижимым имуществом и скотом. Любопытный пример отношения к самовару мы находим в описях крестьянского имущества Глядянской волости: "Поскольку для пропитания детей самовар необходим, то... из описанного имущества продать ничего нельзя" (2, 33-35).

Соль на столе держали в солонницах (солонках). Встречались солонки в виде уточки, стульчика, с изображением людей, животных. Чаще всего они покрывались резьбой, но были и плетеные из бересты, которые, помимо употребления дома, брали с собой в дорогу и на работу. В конце XIX - начале XX в. появились солонки токарной работы, украшенные выемчатой резьбой. Были также и глиняные солоницы на широкой круглой ножке.

Из столовых принадлежностей существовал свой определенный набор предметов. Исстари деревянными ложками ели густую и жидкую пищу. В крестьянской семье ложки на столе раскладывали по числу едоков. Были и деревянные вилки, но они употреблялись редко, а также разливательные большие ложки с длинной ручкой.

В крестьянском доме была утварь, имевшая особое назначение: ею пользовались в дни, связанные с годовыми церковными праздниками. К Пасхе в высоких жестяных формах пекли сладкие куличи. Для приготовления "пасхи" - сладкого творога - пользовались специальными четырехугольными формами из дерева, легко разбиравшимися на части. На одной из стенок подобной формы вырезали буквы "ИХ" (Иисус Христос) и крест, которые четко отпечатывались на готовом изделии. Для приготовления особого поминального блюда - кутьи, в доме держали небольшой горшок шаровидной формы с ручкой-перехватом сверху. В дни постов посудой, в которой готовили скоромную пищу, не пользовались.

На многих корчагах, горшках, кувшинах и других предметах домашней утвари снизу на дне ставили крест в круге, им освящалась не только посуда, но и пища, в ней приготовленная. Крест вырезали и на деревянных изделиях, например на бочках, в которых хранили воду, на подойниках.

Особую утварь держали в доме по случаю какого-либо праздника или семейного торжества, когда, в отличие от повседневного застолья, каждое блюдо (постав) подавалось отдельно.

Праздничный стол заполняла разнообразная деревянная посуда, среди которой почетное место отводилось ковшам для меда и пива (скопкари, енды). Для приготовления пива - обязательного праздничного напитка - в доме держали особый набор утвари и приспособлений.

Разнообразными были керамические формы для приготовления киселей - латки, кисельницы. Внутри их покрывали разноцветной глазурью, края имели волнистые очертания, а на дне делали изображение. Застывший кисель выкладывали на блюдо узором наверх. Для приготовления кваса пользовались глиняными корчагами или деревянными кадками с небольшим отверстием внизу для слива сусла.

Единообразие типов домашней утвари свидетельствовало об общности культуры народа на всей его территории, но в целом в утвари Южного Зауралья было много общего с русскими Европейского Севера и Сибири. Выявлена зависимость набора посуды от социального положения семьи.

Основу переселенцев в Сибири составляли жители Русского Севера. Мастеровые люди из Новгорода, Великого Устюга, Чердыни, Вятки приносили с собой все, что было наиболее необходимо и удобно в быту, прежде всего утварь. Многие из них продолжали заниматься своими промыслами и на вновь освоенных территориях.

В конце XIX - начале XX в. с развитием капиталистических отношений и отменой крепостного права деревня втягивалась в русло более широкого товарооборота. Наблюдалось более резкое различие в питании разных социальных прослоек крестьянства, одновременно в быту более зажиточных крестьян все больше появлялось городской утвари, особенно столовой посуды. Они брали пример с города: в их домах все чаще можно было увидеть на столе фаянсовые тарелки, расставленные по числу едоков. Традиция сервировать стол стала появляться, прежде всего, в тех семьях, члены которых уходили в города на временные отхожие промыслы. Деревянная и глиняная посуда стала все больше дополняться металлической, фаянсовой или стеклянной. Ручное производство деревянных изделий было вытеснено токарным производством, долбленые сосуды заменила бондарная утварь. Процесс замены прежней утвари был органично связан со всем укладом жизни русских и шел постепенно (8, 410 - 416).

К концу XIX века посуда существенным образом изменилась. У крестьян среднего достатка появляются металлические вилки и ложки (чайные и столовые), чайные чашки, проволочное (а не волосяное) сито, медные ведра, чугунные сковороды, чугунки, ступки, несколько кастрюль, стаканы. В Шадринском

уезде кухонную утварь и посуду в начале XX века составляют: сита, воронки, вёдра, ковши, сковороды, лотки, корыта, сечки для рубки мяса.

Среди горожан, питание которых, как отмечает Н.Ф. Емельянов, мало чем отличалось от питания крестьян, в начале XX века наблюдается ещё большее разнообразие посуды. Не рассматривая быт купцов, которые, как, например, П. Смолин, жили вполне по-европейски, можно привести пример петропавловского мещанина В.И. Миронова и А.Н. Фридьева, помощника машиниста из Челябинска. Среди посуды первого мы обнаруживаем 6 металлических вилок златоустовской работы, золочёную солонку, златоустовский нож, 4 серебряных бокала, 2 столовых серебряных ложки и чайный серебряный прибор (1, 3). У второго было 6 самоваров, один из них в форме вазы. Наконец, у последнего среди посуды числилось 7 ложек чайных, ситце для чаю, солонка, вилочка для лимона, 2 бокала - всё из позолоченного серебра (2, 11).

Традиционные формы посуды были изменены, стали больше походить на европейские стандарты. Возникли новые формы посуды, новые материалы для их изготовления, часто встречаются металлические предметы, что свидетельствует о распространении городской культуры в село и росте зажиточности среди уральских крестьян и горожан. Была поколеблена замкнутость традиционной культуры (5, 66-67).

Значительное влияние на культуру русского народа оказали дальнейшие массовые переселения русских из их исконных земель в Сибирь, на Урал и другие районы. Сохраняя элементы собственной культуры, они активно воспринимали культуру этих территорий. Все это не замедлило сказаться в названиях и особенностях утвари (8, 416).

Мастеровые люди обеспечивали потребности населения и в других поделках из дерева бытового и хозяйственного назначения. В ряде волостей были мастера-бондари, изготавливавшие деревянные ведра, кадки, бочки, подойники, квашни, необходимые в крестьянских хозяйствах. В Притоболье берестяные и лубяные изделия широко употреблялись для переноски и хранения ягод, грибов и др. Были мастера, изготавливавшие из луба "лубянки", "севалки", "сита" на продажу, а из бересты - "туески", "кузовки", "коробы" разных размеров, чаще это были семейные специальности.

В больших селениях, где бывали ярмарки, имелись обычно мастера, изготавливавшие лопастные прялки "коренухи", гребни, трепала, ткацкие станы, веялки и другие предметы. Многие изделия сельских мастеров обращают на себя внимание художественной отделкой, а иногда и любопытными сюрпризами. Они встречались обычно в нарядных трепалах, украшенных богатой резьбой, росписью, причем в утолщении около ручки делалась выемка, куда засыпались и закрывались дробинки. Во время работы они пересыпались, создавая ритмичный шум. Трепала-погремушки выполнялись по заказам. Нарядные трепала дарили женихи невестам. Дробинки засыпались и в веретенца, а в лопасти прялок вставлялись небольшие зеркала.

Резьба и роспись на предметах быта и орудиях труда выполнялись в традици-

онной манере. Так, на "набилках" к ткацкому стану и на трепалах с большой тщательностью сделаны розетки, дополненные другими геометрическими деталями. В яркой росписи лопасти прялки нередко изображалась птица. Яркие прялки, трепала, веретена скрашивали тяжелый труд девушек и женщин. Во многих селениях Притоболья изготовлялись шорные изделия из кожи (хомуты, седелки, шлеи, уздечки, вожжи), необходимые при перевозках по тракту. Из конского волоса вили арканы, вожжи и др. С XVII в. центром кожевенного дела являлись Тюмень и пригородные селения (4, 125 - 128).

Во многих волостях было развито гончарное ремесло, обеспечивавшее нужды ближних селений и односельчан. В селе Спасском Шатровского уезда "черепанили" мужчины и женщины. Женщины работали на ручном кругу. Глину копали у берега реки; она там была синяя, а для отделки изделий покупали краску "золотуху". Изготавливали из синей глины горшки, кринки, кувшины с крышкой и носком для кваса на три ведра, различные миски - "латки", квашни, корчаги и трубы на дома. Печи для обжига и каления гончарных изделий ("горно") ставили далеко от домов - на огородах или у реки. Гончары чаще работали семьями. Некоторые имели большие семьи, что создавало хорошие возможности для ведения хозяйства. Так, в конце XIX в. в деревне Увальной Смоленской волости гончар Игнатий Веденеев жил большой семьей в 17 человек. Сельское хозяйство полностью обеспечивало семью многими продуктами питания. На продажу шли только предметы гончарного ремесла, позволявшие делать нужные покупки для семьи. Как зафиксировано в документе обследования, семья гончара Веденева жила "хорошо" (4, 85-90).

Подводя итоги сказанному, можно отметить, что даже и в начале XX века в южной части Западной Сибири сохранялись традиционные русские предметы утвари и быта. Наиболее архаичные формы они сохраняли в староверческих селениях и удаленных от трактов и железных дорог деревнях. Вместе с тем, появляются новые материалы, методики изготовления и формы домашней утвари, связанные с проникновением индустриальной цивилизации и проведением Транссибирской железной дороги.

Примечания

1.ГАКО. Ф.129, Оп. 1, Д. 460.

2.ГАКО. Ф.187, Оп. 1, Д. 65.

3.Липинская В.А., Сафьянова А.В. Жилище русского населения южной части Тюменской области (середина XIX - начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 172 - 197.

4.Липинская В.А. Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII - начало XX в.) // Хозяйство и быт Западно-Сибирского крестьянства XVIII - нач. XX в. М., 1979.

5.Менциков И.С. Культура Южного Зауралья во второй половине XIX - начале XX века. Курган, 2006.

6.Пундани В.В. Материальная культура крестьян Южного Зауралья в период позднего феодализма // Культура Зауралья: исторический опыт и уроки

развития: Материалы II областной научно-практической конференции. Курган, 1997.

7. Смолицкий В.Г. Русь избяная. М., 1993.

8. Чижикова Л.Н. Русские поселения: жилая, хозяйственная и общественная застройка // Русские. М., 1999.

9. Шмелева М.Н. Русская одежда // Русские. М., 1999.

В.В. Менищikov

Курганский государственный университет, г. Курган

КУЛЬТУРА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ В XVII-XVIII ВЕКАХ

К концу XVII в. на территории Зауралья (Верхотурско-Тобольский земледельческий район по классификации В.И. Шункова) было сосредоточено 75% всех крестьян-дворохозяев Сибири. В это же время здесь с 77291 десятины собиралось примерно 315764 8-пудных четвертей хлеба в год (1, 167). Таким образом, именно Зауралье стало основной хлебопроизводящей базой Урало-Сибирского региона уже в XVII в. Это определялось и высоким уровнем товарности земледелия в Верхотурско-Тобольском земледельческом районе. На Тобольский рынок приходило 14,3% всего хлеба, производимого в Тобольском уезде. Причем, как отмечает О.Н. Вилков, реальный уровень товарности был еще выше, так как в приведенном показателе не учтены закупки хлеба, непосредственно производимые в слободах (1, 173).

Важнейшую роль в аграрном освоении Зауралья сыграло крестьянство. Однако на самых первых этапах русского проникновения в Сибирь самостоятельных усилий крестьян для этого было недостаточно. Без непосредственного участия государства процесс аграрного освоения сибирских территорий был бы крайне затруднителен. Регулирующая функция государства в хозяйственном освоении Сибири проявлялась, в частности, в организации так называемой "десятинной пашни" - своеобразной формы отработочной ренты (барщины) в пользу государства, весь урожай с которой направлялся на обеспечение, прежде всего, служилого населения сибирских острогов неземледельческой зоны освоения. Проблема продовольственной обеспеченности гарнизонов острогов постоянно находилась в центре внимания приказной и воеводской администрации. В деловой переписке часто обращалось внимание на возможность заведения пашни вокруг новых острогов и других русских поселений. Так, например, в грамоте тобольским воеводам князю Ю.Я. Сулешову и Ф.К. Плещееву от 19 января 1625 года говорилось: "А про пашню в Кузнецком остроге, можно ли пашня завести, учинил бы ты, боярин наш князь Юрий Яншеевич, по своему высмотру, как достоин, мочно ли в Кузнецком остроге пашня завести, и прочно ли будет" (7, 45). Не всегда ответ на подобные вопросы был утвердительным.

Многочисленные попытки завести пашню возле Пельыма закончились безрезультатно - вечная мерзлота, скудость почв, слишком короткий вегетативный период стали непреодолимым препятствием на пути земледельческого освоения значительной части таежной Сибири. Даже в конце XIX в. территории, расположенные севернее Тобольска, не играли важной роли в продовольственном обеспечении Сибири. С.К. Патканов так писал о крестьянских поселениях по р. Демьянке: "Хотя пашни здешних крестьян и невелики..., этого количества вполне достаточно, чтобы прокормить в продолжение года небольшую семью" (6, 132). Имевшееся аграрное производство в этих условиях играло исключительно местное значение. Поэтому усилия по развитию аграрного производства переселенцев и администрации были успешны лишь там, где имелись благоприятные природно-климатические условия.

В отписке кетского воеводы стряпчего Д.И. Хрущова от 25 ноября 1664 г. писалось: "... ис твоих, великого государя, русских городов с Устюга Великого, от Соли Вычегоцкой, с Ваги, и с Еринского горотка, и с Вятки, и с Пустозерского острогу крестьяне з женами и з детми идут многие в сибирские города". И дальше воевода предлагает: "... теми людми мошно пахотных завезть... и твой, великого государя, острог лзя прокормить и бес тоболской присылки, и пашни твои, великого государя, мошно завезть многие" (7, 113). Воеводская администрация пыталась перенимать опыт заведения государевой пашни в Тобольском уезде. Тем не менее, Тобольский уезд и Зауралье, в частности, оставались на протяжении всего XVII в. главным центром сибирского земледелия.

Как справедливо отмечает Л.В. Милов, "русский крестьянин, как и все земледельцы средних широт, ориентировался исключительно на тот довольно большой и сложный комплекс традиций земледелия, завещанный ему предшествующими поколениями" (4, 32), поэтому, переселяясь на новые территории, русское крестьянство неизбежно переносило с собой и свои традиции земледелия. Как утверждает тот же Л.В. Милов, "русское крестьянство... на каждом этапе развития общества получало в области земледелия уровень урожайности основных земледельческих культур, явно не соизмеримый с громадной массой вложенного труда", исходя из этого положения, исследователь делает вывод, что указанное обстоятельство делало крестьянина "еще более приверженным традиции и обычаю в области агрикультуры, заставляло его в стремлении к росту прибавочного продукта идти преимущественно лишь по пути постоянного расширения производственных площадей" (4, 32-33). Начавшееся с XVII в. освоение огромных сибирских территорий существенно укрепило традицию экстенсивного развития русского земледелия. Эта традиция получила развитие в Сибири в целом и в Зауралье в форме так называемого "захватного" землепользования.

В документах XVII в. мы постоянно встречаем следующую формулу: "... в одном поле, а в дву потому ж", что наталкивает на мысль о полном господстве трехпольного севооборота в Сибири уже в это время. Для подобного утверждения имеются логические основания. В отечественной исторической литературе достаточно давно существует мнение о том, что трехпольный севооборот окон-

чательно утвердился в Европейской России в XV-XVII вв. Поэтому привнесение его в Сибирь вместе с переселенцами из Поморья выглядит вполне очевидным. Однако конкретно-исторический и историографический анализ корректирует наши представления о судьбах классического трехполья в Зауралье.

Известная исследовательница поморских и сибирских традиций земледелия И.В. Власова отмечала, что северорусские крестьяне знали трехпольный севооборот, но механический перенос его в Сибирь был невозможен из-за особых природно-климатических условий новой территории. "Развитие земледелия пошло по линии сочетания нескольких систем: трехполья и исторически более раннего перелога. Известная традиционная форма учета земельных угодий в официальных документах, принятая и сибирской администрацией, - "в поле, а в дву потому ж" - не означала господства трехполья, точно так же, как широкое распространение перелога не свидетельствовало о его господстве" (2, 54).

По утверждению Л.В. Милова, "традиционализм в области земледельческой культуры сочетался с необыкновенным умением русского крестьянина приспособиться к тем или иным местным условиям и даже превратить недостатки в своего рода достоинства" (4, 33). Как раз в Сибири в целом и в Зауралье в частности эти умения крестьян-переселенцев и проявились. Как отмечает И.В. Власова, "в целом Западную Сибирь по распространению систем земледелия можно разделить на две зоны: северную таежную и южную степную и лесостепную. В первой в условиях малоземелья развивалось трехполье, во второй при многоземелье - залежное хозяйство в сочетании с паровыми севооборотами" (2, 66).

В первоначальный период освоения сразу вводить трехполье, конечно же, было невозможно. Переселенцам необходимо было распахивать целинные земли. В этом случае не редко использовались и методы одной из самых архаичных систем земледелия - подсеčno-огневой. Еще в XIX в. исследователи отмечали существование в Тобольской губернии элементов данной системы: "В Тобольском округе деревья "чертят" или "подсачивают", то есть снимают с них пояски до древесины... Особенно скоро гибнет от этой операции березовый лес, древесина и корни которого уже через 2-3 года после этого превращаются в труху и легко удаляются из почвы. Несколько долее сохраняется осина... наконец корни хвойного леса гниют медленнее других" (10, 3). Учитывая особенности ландшафта Зауралья, (преобладание березовых и осиновых лесов при значительной доле сосновых боров), указанная техника являлась вполне эффективной и жизнеспособной.

Одним из первых хозяйственных комплексов Западной Сибири были владения Тобольского архиерейского дома. Уже в 1625 г. в его владении находился комплекс деревень. Крестьянская запашка в ближних вотчинах составляла 39,5 четей в двух полях (19,75 десятины), то есть озимое и яровое поля. Так называемая софийская пашня - 20,5 четей (10,25 десятины). Общий же размер пустошей составлял 410,5 четей (205,25 десятины) (8, 29-30). Как видим, какого-либо "правильного", классического трехполья здесь не просматривается.

Наиболее развитой в хозяйственном отношении слободой во владениях То-

большого архиерейского дома была Усть-Ницынская. На основании данных 1625 г. по этой слободе мы можем более определенно говорить о существовавших в то время системах землепользования в Зауралье. Вначале приведем информацию по нескольким наиболее характерным крестьянским хозяйствам этой слободы. "У Семейки Самойлова роспахано земли семь десятин. Ужал ржи з дву десятин... Да ярового хлеба ужал з дву десятин..." (11, 78). Отметим, что рожь в данном случае была озимой. В результате под паром оставалось три десятины крестьянской запашки. Еще один пример. "У Серешки Денисова роспахано земли шесть десятин. Ужато ржи з десятины... Да ярового хлеба ужал с трех десятин..." (11, 78). Здесь несколько иное соотношение: под озимыми одна десятина, яровое поле занимает три десятины, под паром - две десятины. А, к примеру, оброчный крестьянин Микитка Моисеев имел лишь одну десятину ярового поля (11, 79).

Теперь рассмотрим общие показатели по Усть-Ницынской слободе. Всего крестьянской запашки в трех полях насчитывалось 181,5 десятины. Яровое поле занимало 64,5 десятины, озимое - 55,5 десятины, в третьем поле - 58 десятин (11, 77-79). Полного равенства, как мы видим, здесь нет, однако данное соотношение размеров полей вполне вписывается в традиционное представление о трехполье.

Трехпольный севооборот предусматривает не только наличие озимого, ярового полей и пара, но и постоянную практику применения удобрений (навоз) на паровом участке. Но, как отмечают исследователи, в Сибири в XVII века, да в значительной мере и в XVIII в. уваживались в лучшем случае лишь участки, расположенные максимально близко к соответствующему населенному пункту. В дальние поля практически не вносились органических удобрений. Тем не менее, земля нуждалась в культивации и периодическом повышении плодородия. В этих условиях наиболее приемлемой и эффективной становилась залежно-переложная система земледелия.

В 1771 г. академик Фальк так описывал земледелие в Исетской провинции: "Главнейшие промыслы суть земледелие... полей по причине хорошей земли не удобряют, но если она от 5 или 6-летнего употребления истощится, то оставляют ее на такое же время или долее в пару и берут новую землю; от того нивы лежат разсеяно, часто расстоянием на 50 верст от жилья" (9, 320). Фальк также описал характерную для залежной системы земледелия практику выжигания новых или ранее заброшенных степных участков полей: "Здесь прежде старую в степях траву выжигали, но как от сего происходит для лесов вред, и могут воспоследовать пожары, то сие выжигание степей запрещено; но поелику оно очищает степи, разогревает землю и удобряет ее золой, то продолжается еще и донине" (9, 320). Как видно из приведенных отрывков, перед нами практически классическая система залежно-переложной системы земледелия, бытующей в Зауралье даже в конце XVIII века.

Безусловно, что указанная система существовала и в XVII в. В.И. Шунков приводит данные 1695 г. по Китайской слободе, свидетельствующие о применении зауральскими земледельцами перелога. По 11 населенным пунктам слободы насчитывалось 502 десятины "собинной" запашки, в то же время перелог

составлял 4320 десятин. Перелог превышал находящуюся в непосредственном хозяйственном обороте землю в 8,6 раза (12, 110). Практически 40-летнее освоение катаяских земель не привело к установлению классического трехполья, что еще раз доказывает, что формирование трехпольного севооборота в Европейской России определялось и сокращением фонда свободных земель, а в условиях зауральского многоземелья традиционное трехполье оказывалось менее эффективным. Это лишний раз подтверждает правильность выводов по районированию западносибирских систем земледелия И.В. Власовой (малоземелье лесных территорий - трехполье, многоземелье лесостепи и степи - разные варианты перелога), процитированных нами выше.

В XVIII в., как было нами отмечено выше, залежно-переложная система продолжала функционировать в Зауралье и в Западной Сибири в целом. Об этом могут косвенно свидетельствовать данные 1760-х гг., когда буквально за два года (с 1765 по 1767 г.) статистика показала почти двухкратное увеличение размеров пашни. Данный совершенно беспрецедентный скачок в размерах пашни А.А. Кондрашенков и М.М. Громыко объяснили тем, что до 1765 г. земли, отведенные под пар, в подобной статистике не учитывались, с изменением принципов подсчета произошло резкое увеличение показателей (3, 71). Объяснение вполне традиционное, в духе господствующих представлений 1960-х гг. в отечественной историографии о роли и месте трехполья в русском земледелии. Но показатели роста (по Верхотурскому уезду на 70%, а по Ялуторовскому почти в 3 раза) вызывают сомнения в том, что данный прирост мог произойти за счет пара как составной части трехпольного севооборота. Под паром здесь подразумевались земли, в реальности функционировавшие как перелог и залежи. Тем более, что максимальный рост был отмечен в самом южном, а значит, и в самом многоземельном уезде - Ялуторовском (не столь значительный рост в еще одном лесостепном уезде, Ишимском, вполне может быть объяснен тем, что в это время большая часть территории этого уезда находилась в стадии первоначального освоения, и значительная часть земельных ресурсов не была еще введена в хозяйственный оборот).

Отметим еще одну особенность функционирования различных систем землепользования в Сибири: в рамках десятинной пашни чаще всего встречалось именно трехполье, по крайней мере, его разновидность, максимально приближенная, насколько это было возможно в зауральских условиях, к классической. В крестьянских хозяйствах, это утверждает И.В. Власова, наблюдалось большее разнообразие в применяемых системах земледелия (четырёхполье, когда к традиционному набору полей присоединяется отдельное ячменное поле, перелог и т.п.) (2, 67). Применительно к XVIII веку, по мнению Н.А. Миненко, "классические трехпольные севообороты с применением навозного удобрения существовали лишь на части старозаселенных земель Зауралья, где хлебопашество обычно не приносило значительных выгод" (5, 134).

Таким образом, становится очевидной неоднозначность в оценках тенденций развития различных систем русского землепользования и, в первую оче-

редь, трехпольного севооборота. Видимо, необходимо согласиться с утверждением Л.В. Милова, "что в историографии, посвященной проблемам земледелия XIV-XV вв., весьма четко проступала тенденция к преувеличению темпов становления классического парового трехполья. Действительность была, вероятно, сложнее. И в этот период, и позднее, в XVI столетии, было паровое трехполье, но оно не только сосуществовало с двупольем и перелогом (подсекой), но, как показывают источники XVIII в., соединялось с этими архаичными системами, образуя комбинированные системы земледелия, сочетающие трехпольный севооборот с периодическим забрасыванием и обновлением участков полевой пашни" (4, 24), что оказалось характерным и для Зауралья в рассматриваемый период.

Список литературы

1. Вилков О.Н. Тобольск - центр хлебной торговли Западной Сибири XVII в.// Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973.
2. Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. М., 1984.
3. Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв. Ч. 2. Челябинск, 1969.
4. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
5. Миненко Н.А. Традиции и новации в народной агрономии Зауралья в XVIII-первой половине XIX в.// Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 1992.
6. Патканов С.К. Сочинения: В 2 т. Очерк колонизации Сибири. Т. 2. Тюмень, 1999.
7. Первое столетие сибирских городов. XVII век. Серия: История Сибири. Первоисточники. Вып. VII. Новосибирск, 1996.
8. Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие// Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники. Вып. IV. Новосибирск, 1994.
9. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6.
10. Соколов П.И. Исторический ход развития земледелия в Западной Сибири. СПб., 1891.
11. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники. Вып. IV. Новосибирск, 1994.
12. Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974.

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

М.Н. Федченко

Курганский государственный университет, г.Курган

БАПТИСТСКИЕ ОБЩИНЫ В ЗАУРАЛЬЕ (50 - 70-е гг. XX в.)

Баптизм - одна из разновидностей протестантской религии, возникшая в начале XVII века в Западной Европе. В России первые баптистские общины появились в 1867 г., которые в 1884 г. объединились в Союз русских баптистов. В 70-е гг. XIX в. в нашей стране появляются очень близкие по вероучению к баптистам евангельские христиане, создавшие в 1909 г. свою общероссийскую организацию (1, 8 - 37).

В 1935 г. Союз баптистов в СССР был властями ликвидирован, а часть его приверженцев вошла во Всесоюзный союз евангельских христиан. В 1944 г. произошло организационное объединение баптистов и евангельских христиан под единым руководством - Всесоюзным советом евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ). С тех пор ВСЕХБ обрел в СССР легальный статус, стал издавать официальный журнал "Братский вестник". В 1945 г. к этой организации примкнула часть христиан веры евангельской (пятидесятников), а в 1963 г. - братские меннониты. Однако с конца 40-х гг. местные советские власти стали отказывать баптистским общинам в регистрации. В условиях "холодной войны" баптизму приписывалось "буржуазное и иностранное происхождение" (21, 11, 358, 399).

На рубеже 50-60-х гг., когда резко усилились гонения властей на верующих, среди баптистов произошел раскол. Верхушка ВСЕХБ слабо противостояла нажиму советских органов, чтобы отстаивать права своих верующих. В руководстве ВСЕХБ тон задавали евангельские христиане, которые безропотно соглашались с властями на ограничение деятельности баптистской церкви. Многие верующие предпочли соглашательству свое нелегальное положение. Так у руководства ВСЕХБ появилась оппозиция, которую с 1960 г. возглавляла так называемая Инициативная группа, с 1962 г. - Организационный комитет, с 1965 г. - Совет церковью евангельских христиан-баптистов (СЦЕХБ). Если ВСЕХБ заявлял о своей лояльности к властям, то СЦЕХБ, напротив, взял курс на открытую конфронтацию с ними, не признавал советское законодательство о религиозных культурах. В условиях раскола баптистов на лояльных и нелояльных по отношению к властям

государственные органы стали регистрировать общины первых, оказывая им содействие, и активно применяли репрессии (аресты, штрафы) против сторонников СЦЕХБ (21, 411 - 417).

На территории Южного Зауралья общины баптистов существовали в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. В документах местных государственных архивов есть сведения о существовании в 1938 г. общины баптистов в г. Кургане, о деятельности баптистов в годы войны в Шумихинском и других районах. В 1952 г. шумихинские баптисты объединились в группу, ведущую роль в которой играли М. Н. Иванова, Д. М. Резепин, Я. А. Бычков. В 1950-1952 гг. в местные органы власти от жителей Шумихи поступило несколько сигналов о том, что "гражданка Иванова Мария Николаевна, 1909 года рождения, живет не по средствам, разъезжает по городам Урала и Сибири, поддерживает переписку, подозрительную по своему содержанию, с лицами Челябинской, Свердловской, Омской областей и Алтайского края". Спецслужбы установили, что "М. Н. Иванова - фанатически верующая баптистка, получает от других баптистов материальную помощь, зашифрованные инструкции и указания о расширении религиозной деятельности. Вовлекла в секту пятерых жителей г. Шумихи" (4, 23; 5, 56; 7, 71).

К началу 1956 г. около 30 баптистов г. Кургана объединились в религиозное общество. Их руководитель Иван Иннокентьевич Соболев систематически писал письма в горисполком, облисполком, Совет Министров СССР, лично Н.С. Хрущеву с ходатайством о регистрации баптистской общины. Эти ходатайства властями отклонялись под видом того, что арендованный для молитвенных целей частновладельческий деревянный домик по ул. Партизанской, 111, по мнению властей, не соответствовал техническим, санитарным и противопожарным требованиям. Верующие все же без разрешения горисполкома произвели перепланировку этого дома и приступили к совершению в нем религиозных обрядов, за что серьезно предупреждались властями (2, 7 - 10; 6, 27).

На 1 апреля 1961 г. в Курганской области власти насчитывали более 200 баптистов, из них в г. Кургане - 80, г. Шадринске - 25, г. Петухово - 20, г. Шумихе - 18, Варгашином районе - 30, Кировском районе - 20, а также небольшое количество верующих в других населенных пунктах (3, 1 - 2).

Появление среди баптистов верующих, оппозиционно настроенных к руководству ВСЕХБ, ускорило регистрацию общин, лояльно относившихся к властям. В январе 1964 г. заместитель председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР В. Рязанов в письме на имя своего уполномоченного по Курганской области Е. Машнюка рекомендовал внимательно отнестись к просьбе баптистов г. Кургана об их регистрации, "учитывая задачу предупреждения и пресечения нелегальной деятельности религиозных групп". В августе 1964 г. баптистскому обществу областного центра власти разрешили купить для молитвенных целей дом по ул. Сквозной (Ястржембского), 51. Этот шлакобетонный дом был построен в 1958 г. Его площадь составляла свыше 70 м². Здание соответствовало необходимым требованиям, было расположено на окраинной односторонней улице Ново-Северного поселка (7, 11, 29).

23 сентября 1964 г. община евангельских христиан-баптистов г. Кургана была зарегистрирована в государственных органах. Она вошла в структуры ВСЕХБ. Ее пресвитером стал И. И. Соболев. Он родился в 1904 г. в семье вологодских крестьян. Имел 3-классное образование. До ухода на пенсию работал плотником на заводе Кургансельмаш. В конце 1964 г. в объединение баптистов г. Кургана входило 60 чел., в том числе 11 мужчин и 49 женщин. Их возрастной состав: от 18 до 40 лет - 11 чел.; от 41 года до 60 лет - 21 чел.; старше 60 лет - 28 чел. Среднее образование имели четверо верующих, 7-9 классов - трое, 5-6 классов - трое, 2-4 класса - 37 чел., а 13 баптистов были неграмотными. 45 членов общины являлись пенсионерами и домохозяйками, 12 - рабочими, трое - служащими. Через десять лет численность этой общины удвоилась. На 1 января 1976 г. в ней числилось 120 чел. Состав общины: мужчин - 23, женщин - 97; работающих - 29, пенсионеров - 73, домохозяйек и иждивенцев - 18. Из 29 работающих 19 трудились сторожами, уборщицами, дворниками, подсобными рабочими, семеро - шоферами, электриками, слесарями, токарями. Были среди верующих медсестра, швея, секретарь-машинистка. Среднее образование имели пятеро баптистов, 8-9 классов - 9 чел., 6-7 классов - 10. Остальные 96 верующих являлись малограмотными и неграмотными. Молодежь в возрасте до 30 лет составляла в общине 7,7 %, лица среднего возраста (31-50 лет) - 14,9 %, старше 50 лет - 77,4 % (7, 53 - 71; 17, 35).

Молитвенные собрания в общине г. Кургана проходили трижды в неделю (среда, суббота, воскресенье) по два часа. В праздники моления сопровождалась игрой на фисгармонии и пением молодежного хора. Прослушивались магнитофонные записи проповедей и духовных песен. За 15-20 минут до начала службы верующие читали журнал "Братский вестник". Денежные доходы общины были незначительными и составляли ежегодно примерно от 2,3 тыс. до 3,5 тыс. руб. Все доходы поступали исключительно за счет пожертвований верующих. Суммы расходов были примерно равны доходам. Служители культа денежных вознаграждений официально не получали. Община расходовала средства на содержание обслуживающего персонала (сторожа, уборщицы), на ремонт молитвенного здания, отчисляла деньги руководству ВСЕХБ, в Фонд мира, вносила обязательные платежи в государственный бюджет (8, 104; 9, 37 - 38; 10, 16 - 17; 11, 15; 12, 13 - 14; 13, 97; 14, 138 - 141; 15, 134 - 136; 16, 182 - 183; 17, 212 - 213; 18, 190 - 192).

После государственной регистрации в г. Кургане баптистской общины во главе с И.И. Соболевым от нее откололась группа, в которую входили И.К. Афанасьев, М.Я. Ржанникова, Г.С. Сергиенко, А.С. Лушников и другие, всего примерно полтора десятка человек. Это были относительно интеллектуально и политически развитые люди. Так, М.Я. Ржанникова, 1895 года рождения, до 1936 г. была неверующей, являлась кандидатом в члены ВКП(б), работала председателем колхоза в Варгашином районе и заместителем председателя сельсовета. В 1947 г. была приговорена к 10 годам лишения свободы "за антисоветскую агитацию". Г.С. Сергиенко, 1894 года рождения, в прошлом являлся председателем колхоза, председателем сельсовета, директором маслозавода, фронтовиком. Группа И. К. Афанасьева поддерживала связи со сторонниками СЦЕХБ в Казахстане

и Донбассе. Курганские власти умело провели работу среди сторонников группы И.К. Афанасьева и И.И. Соболева. Первому было подсказано изменить свое отношение к "раскольникам", не требовать от них никаких заявлений и покаяний, не упрекать их прошлой оторванностью от общины и считать их членами своего братства. В результате уже в 1965 г. в общину, руководимую И.И. Соболевым, входившую в структуры ВСЕХБ, вступило 17 верующих из группы И.К. Афанасьева, а также несколько баптистов с. Галкино Кетовского района (7, 80 - 97).

Сложнее обстояло дело с баптистами г. Шумихи. 3 февраля 1961 г. на имя Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева от них поступила жалоба о неправомерных притеснениях за веру со стороны местных властей. Отдельные чиновники называли баптистов "врагами народа", "американскими шпионами", угрожали верующим выселением из квартир, увольнением с работы, лишением пенсий. Пьяные дружинники врываются в дома верующих во время молений, оскорбляли их религиозные чувства, отбирали Библию и другие духовные книги (4, 1 - 4).

17 февраля 1961 г. исполняющий обязанности уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Курганской области И. Ладыгин писал активисту баптистской общины в г. Шумихе А. Михайленко: "Ваша религиозная община не зарегистрирована в законом установленном порядке и не имеет права проводить богослужбные собрания, а тем более на квартирах у отдельных граждан. Шумихинский райисполком сообщил, что гражданка Полетаева Мария Игнатьевна действительно с 1.06.57 г. по 1.03.59 г. получала пенсию как инвалид труда. 6 марта 1959 г. ВТЭК признала ее трудоспособной, вследствие чего она и была лишена пенсии" (4, 5).

Баптисты г. Шумихи в принципе не были против регистрации их общины в государственных органах. Но они не признавали лидеров ВСЕХБ М. Я. Жидкова, А. В. Карева и других. Авторитетом среди шумихинских верующих пользовался один из руководителей СЦЕХБ Б. С. Филиппов, проживавший в г. Челябинске. Его рассматривали как мученика, пострадавшего за веру, прошедшего через заключение, но оставшегося верным Христу. С осени 1965 г., когда стало ясно, что шумихинская группа баптистов в основном примыкает к СЦЕХБ, внимание к ней со стороны местных властей усилилось (4, 6).

Первоначально среди местных государственных чиновников не было единства по вопросу о регистрации общины. Против выступали начальник УКГБ по Курганской области М. И. Третьяков и его заместитель Н. Я. Волосников. Свой отказ они мотивировали тем, что, по их мнению, с 1960 г. особой активности и роста численности общины не наблюдалось, а в отношении Б. С. Филиппова обещали "принять необходимые меры по предотвращению проведения им религиозной работы среди шумихинских баптистов". Они считали, что регистрация общества баптистов в Шумихе являлась преждевременной и могла привести к активизации остальных восьми незарегистрированных групп евангельских христиан-баптистов в области. Однако вскоре выяснилось, что оторвать верующих от религии путем усиления среди них индивидуальной атеистической работы и

давления на них властям не удавалось. Наоборот, шумихинские баптисты перестали ходатайствовать о регистрации их общины, активизировав при этом нелегальную религиозную деятельность (4, 7, 50).

Так, в 1962 г. баптисты г. Шумихи провели объединенное собрание со своими единоверцами из городов Челябинска, Копейска, Коркино и окрестных сел, на котором присутствовало свыше 70 чел. Подобное собрание намечалось провести в ноябре 1963 г. совместно с баптистами Свердловской и Челябинской областей, на него было приглашено 200 чел. Оно не состоялось в связи с вмешательством местных властей. К середине 60-х гг. стало ясно, что руководители СЦЕХБ успешно добивались своего влияния прежде всего в незарегистрированных государством общинах. Поэтому Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР письмом от 25 августа 1965 г. рекомендовал местным органам власти регистрировать те баптистские общины, которые входили в структуры ВСЕХБ, чтобы "выбить базу работы раскольников ЕХБ" (4, 51).

В 1965 г. кроме баптистских общин в г. Кургане (60 чел.) и в г. Шумихе (24 чел.) в Курганской области имелось еще восемь незарегистрированных групп ЕХБ, в том числе в п. Лебяжье (8 чел.), г. Петухово (15 чел.), Варгашином районе (19 чел.), д. Иванково Мишкинского района (9 чел.), г. Макушино (17 чел.), с. Каясан Щучанского района (8 чел.), д. Галкино Кетовского района (6 чел.). Таким образом, в 1965 г. властями было учтено в Курганской области более 160 баптистов (4, 52).

Властями была поставлена задача: путем регистрации группы баптистов г. Шумихи оторвать верующих этого города от СЦЕХБ. С целью изучения этого вопроса 3 октября 1965 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Курганской области Е. А. Машнюк и секретарь Шумихинского райисполкома Г. А. Максимов посетили молитвенное собрание баптистов, которое происходило на квартире Д. М. Резепина с 10 часов утра до часу дня. Присутствовало 27 чел. Значительную часть собрания заняли проповеди, в которых осуждались неверующие, начальство, войны. Верующий А. Ф. Соснин говорил о том, что начальство невежественно и грубо. Хор пропел стих, посвященный мученику за веру, руководителю сторонников СЦЕХБ на Урале Б. С. Филиппову. Верующая Г. М. Сорокина, 1938 года рождения, имевшая среднее образование, читала стих, критикующий современную литературу и воспевающий Евангелие, "по которому будут жить все люди на земле". Стих читался грамотно и с такой интонацией, что вызвал у некоторых верующих плач.

В беседе с представителями властей верующие осуждали установленные порядки в зарегистрированных общинах баптистов, когда ими руководят пресвитеры, поставленные государственными чиновниками. Были жалобы на грубое отношение к верующим со стороны властей г. Шумихи. Молитвенные собрания здесь разгонялись милицией и дружинниками, которые врываются на эти собрания, запрещали молиться, отбирали религиозные книги, а пьяные дружинники топтали по ногам верующих, молившихся на коленях, выталкивали их на улицу, называли американскими шпионами. При выталкивании людей на улицу пья-

ные дружинники наносили им телесные повреждения. В местной школе ученики неверующих родителей избивали детей верующих. Верующим детям руководители школы закрывали доступ к дальнейшему обучению после 7-8 класса. В характеристиках они указывали: "верующий баптист". Верующего Д. М. Резепина в течение полутора лет шесть раз незаконно увольняли с работы по религиозному признаку (4, 8 - 11).

Власти решили открыть в Шумихе молитвенное здание баптистов в частном доме на правах аренды и зарегистрировать местную общину. Таким образом, они пытались оторвать верующих от СЦЕХБ. 9 августа 1967 г. Совет по делам религий при Совете Министров СССР зарегистрировал группу ЕХБ в г. Шумихе. Ее возглавил Д. М. Резепин. Однако многие верующие считали, что подлинная религиозная свобода может быть осуществлена только в незарегистрированных государством общинах. Они не верили Д. М. Резепину и даже подозревали его в доносительстве властям на единоверцев. В зарегистрированную общину вошло лишь 14 чел., а около двух десятков верующих остались сторонниками СЦЕХБ. Ведущую роль среди них играли А.Н. Сорокин, А.Ф. Соснин, Я.А. Бычков, И.В. Тягунов и другие (4, 75 - 79).

В архивных документах сохранились некоторые сведения о наиболее активных сторонниках СЦЕХБ в г. Шумихе. Соснин Алексей Федорович родился в 1922 г. Окончил 7 классов. Участник Великой Отечественной войны, офицер. После войны служил на территории ГДР, где поддерживал связи с немецкими баптистами. За распространение в СССР религиозной литературы, привезенной из-за рубежа, был осужден по статье 58, пункту 10 на шесть лет лишения свободы. В Курганскую область прибыл в 1960 г. с Алтая. Работал охранником геологической партии в г. Шумихе. Сорокин Алексей Николаевич родился в 1933 г., окончил 8 классов и курсы шоферов. В Шумиху прибыл из Курской области. С детства являлся убежденным баптистом. В Шумихе женился на местной девушке Галине, окончившей среднюю школу, привлек ее к активной деятельности в общине. Работал плотником. Бычков Яков Андреевич, 1907 года рождения, являлся пенсионером, инвалидом Великой Отечественной войны. Тягунов Иосиф Васильевич, 1927 года рождения, являлся инвалидом по зрению, не был трудоустроен (4, 23).

Большое внимание СЦЕХБ уделял вопросам работы с молодежью. Была детально разработана программа воспитания юношества в баптистских общинах, изложенная в послании "Братский совет молодым христианам". Третий номер журнала СЦЕХБ за 1965 г. "Вестник спасения" был целиком посвящен молодежи. В нем были помещены такие строки:

Молодежь двадцатого века!

Христианская молодежь!

Только в Боге судьба человека,

А без Бога лишь мрак и ложь! (21, 418 - 419).

Почти все семьи баптистов г. Шумихи были многодетными и проживали в личных домах, состоящих из одной комнаты и кухни. В этих условиях их дети получали глубокое религиозное воспитание в семье и вовлекались в религиоз-

ную общину. Проводилась и целенаправленная работа по привлечению детей и молодежи в ряды верующих. Так, в январе 1966 г. шумихинские баптисты послали в г. Петропавловск (Казахстан) пятерых детей на религиозное собрание по обмену опытом участия детей в богослужениях. В мае 1966 г. двое молодых людей из Шумихи участвовали в нелегальном съезде баптистской молодежи в г. Полетаеве Челябинской области. В декабре 1967 г. в г. Кустанае (Казахстан) прошло нелегальное молодежное собрание сторонников СЦЕХБ, на котором присутствовало 57 чел. из областей Урала и Казахстана, в том числе и представители Курганской области. Участники этого собрания были в основном 40-50-х годов рождения. 2 мая 1968 г. в нелегальном молодежном молитвенном собрании в г. Челябинске участвовало семеро молодых людей - сторонников СЦЕХБ из Шумихи. Все они являлись детьми баптистских активистов и родились в 1948-1954 гг. (4, 100, 113, 154).

В зарегистрированных государственными органами общинах баптистов, которые являлись сторонниками ВСЕХБ, количество молодежи также было значительным. В Государственном архиве Курганской области нами был обнаружен список зарегистрированной группы баптистов г. Шумихи на 25 января 1971 г. Из 19 человек девять были в возрасте до 30 лет, что составляло 47,4 % от общего количества верующих. Можно предполагать, что в общинах СЦЕХБ молодежи было не меньше (4, 167 - 168).

К концу 70-х гг. положение шумихинских сторонников СЦЕХБ почти не изменилось. Часть активистов общины (А. Ф. Соснин, А. С. Михайленко и др.) выехали из области. За счет молодежи существенно обновился состав общины, выдвинулись новые лидеры. О том, что гонения на сторонников СЦЕХБ в Шумихе не прекратились, свидетельствуют слова А. Н. Сорокина, которые он сказал секретарю Шумихинского райисполкома Г. А. Максимову в 1978 г.: "Делайте, что хотите. Ваши штрафы, конечно, губительно влияют на наши семьи, но они не будут для нас препятствием продолжать исполнять свои религиозные обряды. Я чувствую, что против меня устраиваются гонения. Систематически мной интересуются органы КГБ, устраиваются частые вызовы в райисполком, наконец, меня уволили с работы с Медведской перекачивающей станции и даже для слежки за мной кому-то из соседей поставили квартирный телефон. Мы возобновим вам наше заявление о регистрации и приложим Устав" (4, 182).

В августе 1978 г. уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Курганской области И. И. Таранченко направил в адрес председателя этого Совета В. А. Куроедова и секретаря Курганского обкома КПСС П.А. Матвеева справку "О деятельности объединения раскольников-баптистов в г. Шумихе и мерах по их легализации". В ней говорилось о том, что шумихинская община - сторонник СЦЕХБ - объединяла 36 чел. и возглавлялась А. Н. Сорокиным - кочегаром железнодорожной больницы, имевшим 14 детей. В справке А.Н. Сорокин назывался "религиозным фанатиком", "знатоком религиозной догматики". Подробно описывалось материально-бытовое положение А.Н. Сорокина и некоторых других лидеров общины. В частности, говорилось о том, что

зарплата А. Н. Сорокина составляла 100 руб. в месяц, да пособие на детей - 63 руб. И. В. Тягунову из-за его религиозности отказывали в некоторых льготах по инвалидности, не трудоустроили, так как в Шумихе не было предприятий для применения труда слепых. В июне 1978 г. И. В. Тягунов выехал с семьей на постоянное жительство на Украину. По словам И. И. Таранченко, семья А. Н. Сорокина получала все, что ей было положено от государства. Его жена - мать-героиня. Он построил дом из пяти комнат, обшитый тесом, общей площадью в 107 м², купил легковую автомашину, имел мотоцикл с коляской. По словам И. И. Таранченко, жил не по средствам. Строительство дома А. Н. Сорокин объяснял тем, что 7 тыс. руб. дал ему безвозмездно дядя. О регистрации баптистской общины сказал: "При культе Сталина и при Хрущеве нас преследовали, не регистрировали, а сейчас нас вы заставляете регистрироваться, а мы сами не хотим".

И. И. Таранченко посоветовал сторонникам СЦЕХБ объединиться с зарегистрированной шумихинской общиной ВСЕХБ, в которую тогда входило 17 чел. На это А. Н. Сорокин ответил: "Мы регистрируемся только как община СЦЕХБ, так как ВСЕХБ мы не признаем. У нас заявление было подано в 1966 г. и мы только такое заявление можем подать в настоящее время. Вот его содержание: "Мы, верующие евангельские христиане-баптисты, составляющие общину в количестве 32 чел., поддерживающих Совет церквей ЕХБ в СССР, просим зарегистрировать нас. Для руководства в наших собраниях и в жизни полагаем Библию, то есть книги Нового и Ветхого Завета (канонические). Для проведения богослужбных собраний помещения не имеем. По поручению церкви: Сорокин, Бычков, Соснин" (20, 68 - 70).

Далее в справке И. И. Таранченко указывалось: "Сорокин считает, что Конституция СССР искажает ленинский декрет "Об отделении церкви от государства", так как государство вмешивается в дела религии, под его контролем находится вся жизнь религиозных объединений - средства, молитвы, назначение духовных наставников. Сорокин не согласен с тем, что детей берут в армию и принуждают их давать клятву, присягу. Ведь по Евангелию от Матфея они не должны давать клятвы никому, кроме Бога" (20, 70).

К концу 70-х гг. в Курганской области действовали две зарегистрированные общины баптистов - в г. Кургане (свыше 120 чел.) и в г. Шумихе (17 чел.). Кроме того, имелись незарегистрированные объединения в п. Варгаши (12 чел.) и в г. Шумихе (25 чел.). Остальные группы либо распались, либо объединились с другими общинами. Так, в г. Шадринске бывшие баптисты объединились с группой пятидесятников, а в г. Петухово группа стала малочисленной и особой активности не проявляла. Однако общая численность баптистов Курганской области уменьшилась к концу 70-х гг. по сравнению с началом 60-х незначительно (19, 140 - 141).

Примечания

1. Арестов В. Н. *Баптизм без маски. Критика идеологии и практики современного баптизма.* Харьков, 1983. С. 8-37.
2. ГАКО. Ф. Р - 1800. Оп. 1. Д. 5. Л. 7, 9, 10.

3. Там же. Д. 29. Л. 1, 2.
4. Там же. Д. 32. Л. 7 - 11, 23, 50 - 52, 75, 78, 79, 100, 113, 154, 167, 168, 182.
5. Там же. Д. 37. Л. 56.
6. Там же. Д. 44. Л. 27.
7. Там же. Д. 47. Л. 11, 29, 53, 56, 61, 64, 71, 80 - 88, 97.
8. Там же. Д. 56. Л. 104.
9. Там же. Д. 63. Л. 37, 38.
10. Там же. Д. 65. Л. 16, 17.
11. Там же. Д. 70. Л. 15.
12. Там же. Д. 73. Л. 13, 14.
13. Там же. Д. 79. Л. 97.
14. Там же. Д. 81. Л. 138 - 141.
15. Там же. Д. 85. Л. 134 - 136.
16. Там же. Д. 88. Л. 182, 183.
17. Там же. Д. 91. Л. 35, 212 - 213.
18. Там же. Д. 94. Л. 190 - 192.
19. Там же. Д. 103. Л. 140 - 141.
20. Там же. Д. 105. Л. 68 - 70.
21. Митрохин А. Н. *Баттизм: история и современность (философско-социологические очерки)*. СПб., 1997. С. 11, 358, 399, 418 - 419.

В.В. Подливалов
Курганский государственный университет, г. Курган

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗАУРАЛЬЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Лучшие черты характера человека, его жертвенности, проявление высокой инициативы на благо своего общества и Родины проявляется, как правило, в самые острые моменты жизни. И когда страна оказалась в тяжелейшем положении в результате вероломной агрессии фашистской Германии и её союзников на СССР, в государственные учреждения и предприятия, в редакции газет и журналов шел поток писем, в которых выражалось желание не только своим трудом, но и личными средствами помочь делу обороны страны. Рождались самые разнообразные формы народного почина. Широкое распространение получило движение за создание Фонда обороны страны. Население добровольно вносило в этот фонд однодневный и двухдневный заработок, приносили личные золотые и серебряные украшения, драгоценные вещи, молодежь активно принимала участие в субботниках... За годы войны в Фонд обороны и Красной Армии поступило свыше 17 млрд рублей деньгами, 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра, на 1,7 млрд рублей драгоценностей, на 15 млн рублей иностранной валюты, свыше 4,5 млрд рублей облигациями займов, 0,5 млрд рублей вкладов в сберкассы...(1).

Одной из форм пополнения Фонда обороны страны было проведение всенародных денежных займов. За четыре года войны было проведено четыре военных займа (1942, 1943, 1944, 1945 гг.), планируемых на 72 млрд рублей. Фактически подписка дала 89,7 млрд рублей. С большим подъемом в городах и районах Южного Зауралья прошла подписка на Первый государственный заем 1942 года. В короткий срок подписка превысила бюджетные расчеты на 16 млн рублей (2). Самые лучшие показатели по подписке на Первый заем имели Курган, Шадринск, Мехонский, Катайский, Далматовский, Мокроусовский, Каргапольский, Мишкинский и Уксянский районы (3). В трех последующих займах в Курганской области было собрано 315 млн рублей. Кроме того, трудящиеся края в 1943-1945 годах приобрели билетов денежно-вещевой лотереи на 46,5 млн рублей (4).

Такая работа проводилась во многих регионах области. Показательной была работа населения Петуховского района. При том масштабы её из года в год возрастали. Если в 1940 году здесь от подписки на заем поступило 839 тыс. рублей, то в 1944 году - 5 млн 47 тыс. рублей, то есть рост сбора средств был в 6 раз. Всего жители Петуховского района за годы войны добровольно внесли средств государству (по займам, лотерее, в Фонд обороны страны) 15 млн 372 тыс. рублей. Кроме того, было сдано облигаций в Фонд обороны на 1,7 млн рублей. В адрес коллективов района была получена телеграмма от Председателя Государственного комитета обороны И.В.Сталина (4).

Стремясь помочь своему государству многие зауральцы подписывались на большие суммы. Так, в газете "Красный Курган" рассказывалось, что производитель колхоза им. Калинина Е.К. Жевляков в 1943 году приобрел облигаций Государственного займа на 15 тыс. рублей и 100 тыс. рублей внес наличными на строительство танковой колонны. Услыхав о выпуске Третьего займа Отечественной войны, он заявил: "У меня два сына в армии. Оба сражаются сейчас на фронте за Родину. Я помогаю им своим трудом в колхозе. Но этого мало. Партия призывает нас мобилизовать все силы, чтобы успешно закончить войну. Подписываюсь и вношу наличными 70 тыс. рублей". Аналогичный шаг был сделан председателем колхоза "Искра" И.А. Романовым, который заявил: "Мой сын лейтенант Н.И. Романов погиб в смертельной схватке с врагом в январе 1943 года. Как коммунист, как патриот своей Родины подписываюсь на Третий государственный заем и сразу вношу наличными 71 тыс. рублей. Пусть этот вклад будет моей мстью врагу за сына"(5).

Широкое распространение получило патриотическое движение по добровольному сбору средств и материальных ценностей на нужды фронта. Особую популярность приобрел сбор средств на строительство военной техники. В декабре 1942- января 1943 года жители Челябинской области внесли на строительство танковой колонны "Челябинские колхозники" 181,6 млн рублей. С образованием Курганской области эта работа была продолжена тружениками уже нового административного образования. За январь 1943 года трудящимися Курганской области было собрано 91,6 млн рублей на танковую колонну "Челябинский колхозник". Только до апреля 1943 года железнодорожники Курганского от-

деления собрали более двух миллионов рублей на строительство бронепоезда "Железнодорожник Южного Урала" и на другое вооружение Красной Армии. Трудящиеся Шадринска внесли на строительство эскадрилии "Шадринский рабочий" около миллиона рублей деньгами и свыше 5 млн рублей облигациями займов. Коллектив областной коллегии адвокатов внес сто тысяч рублей на строительство самолета "Курганский адвокат". Работники Уксянской МТС собрали в 1944 году сто тысяч рублей и обратились к правительству с просьбой построить на эти деньги танк "Тракторист Уксянской МТС". Просьбу коллектива удовлетворили. 13 января 1945 года в торжественной обстановке танк принял старшина Ф.С.Засыпкин и его боевые товарищи. Танк "Тракторист Уксянской МТС" прошел от Вислы до Одера, громя на своем пути фашистских оккупантов, участвовал в Берлинской операции (6).

Школьники вместе со своими учителями внесли в Фонд обороны 3 млн рублей. В январе 1943 года пионеры и школьники Кургана развернули большую работу по сбору средств на постройку боевого самолета "Красный пионер". В первый же день они подписались на 11 000 рублей. Первой открыла свой счет школа №8, собрав в один день 1900 рублей. За ней подписались на 3000 рублей ученики школы №5. Учащиеся средней школы №12 собрали 22 000 рублей. Всего на 22 января 1943 года ученики собрали 45 878 рублей. Сбор средств продолжался и в последующее время (7).

Комсомольцы и молодежь Каргапольского района и Челябинского абразивного завода выступили инициаторами сбора средств на танковую колонну им. Челябинского комсомола. Каргапольцы собрали 162 тыс. рублей, курганцы - 492 тыс. рублей, шадринцы - 178 тыс. рублей. Всего молодежью области внесено средств на танковую колонну 11,5 млн рублей. В мае 1942 года из молодых добровольцев была скомплектована 96 танковая бригада им. Челябинского комсомола и отправлена на фронт со знаменем обкома ВЛКСМ (8).

Несмотря на невысокую оплату труда колхозники из личных запасов сдали в фонд Красной Армии после образования Курганской области 195 тыс. пудов хлеба и 376 тыс. пудов картофеля.

Активно проводилась сдача теплых вещей и сбор подарков для воинов Красной Армии. В 1943-44 годах было отправлено на фронт от трудящихся Курганской области около 60 тыс. различных теплых вещей и два эшелона с подарками. Делегации, сопровождающие эти эшелоны, вручали защитникам Родины коллективные письма от имени трудящихся области. Эти письма обсуждались и подписывались на собраниях рабочих и колхозников, служащих и учащейся молодежи и являлись хорошим средством повышения трудовой и политической активности зауральцев. Десятки тысяч подписей были собраны под письмом, которое доставляла курганская делегация на фронт вместе с эшелонами подарков в феврале 1943 года. В нем говорилось: "Славные наши земляки! Дорогие бойцы, командиры и политработники Северо-Западного фронта! Примите горячий привет и подарки трудящихся области к XXV годовщине Красной Армии!" (9).

Успешно прошел в Курганской области сбор подарков для фронтовиков ко

дню 26 годовщины Октября и к 26 годовщине Красной Армии. Выполняя постановление Курганского обкома партии от 4 октября 1943 года "Об организации сбора подарков бойцам и офицерам Красной Армии", трудящиеся области собрали и отправили на Уральский фронт 42 вагона подарков. Вместе с подарками было послано много писем бойцам и специальный номер газеты "Красный Курган" (10).

Свой почин проявляли учителя со своими воспитанниками. Ими в Фонд обороны страны было собрано 3 млн 594 тыс. рублей, послали на фронт и в местные госпитали 81 тыс. посылок, собрали 3016 лекарственных трав, грибов, ягод. Создали на пришкольных участках и в подсобных хозяйствах детских домов и интернатов 132 плодово-ягодных сада. Активно участвовали в проведении сельскохозяйственных работ, выработав только в 1943-1944 годах около 3,5 млн трудодней в колхозах и заработав 757,4 тыс. рублей в совхозах. За большую помощь колхозам и совхозам области в проведении сельскохозяйственных работ, особенно в уборке урожая в 1943 и 1944 годах, было награждено Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ 10 школьных отрядов, 35 учащихся и 17 учителей.

Большую заботу комсомольцы области проявили о детях фронтовиков. В канун 25-летия комсомола молодые зауральцы собрали в Фонд помощи детям 450 тыс. рублей. Семьям фронтовиков, детским домам и интернатам было передано около 65 тыс. пудов картофеля, 45 тыс. пудов овощей, 91 тыс. литров молока, 200 пудов масла... 50 тыс. детей получили индивидуальные подарки. Молодые производственники изготовили 6500 пар обуви, 25 тыс. комплектов жилья. На собранные молодежью средства комсомольцы открыли детскую столовую, детский дом, детскую больницу, установили 150 стипендий учащимся-детям фронтовиков.

14 июня 1944 года в Курганский обком ВЛКСМ пришло поздравление от Верховного главнокомандующего: "Прошу передать комсомольцам и молодежи Курганской области, собравшим 450 000 деньгами и продовольствием в фонд помощи детям фронтовиков, мой привет и горячую благодарность Красной Армии" (11).

В годы войны в стране развернулось тимуровское движение, в котором принимало участие до 2 млн детей. Они активно помогали семьям фронтовиков. С самого начала войны такие команды появляются и в Южном Зауралье. Так, прочитав повесть Аркадия Гайдара "Тимур и его команда", рябковские школьники создали свой тимуровский отряд. Во главе его стоял ученик 7 класса Аркадий Тропинин. В команде было 40 человек. Ребята провели на селе учет семей красноармейцев, узнали кто в чем нуждается. Одной семье тимуровцы привезли дрова из леса, другой - пропололи огород. Ребята собрали на селе 24 пуда металлолома и полученные деньги сдали в Фонд обороны. Собрали 15 кг ягод в лесу, а их родители сварили из них варенье. Это варенье было отправлено в подарок на фронт бойцам.

Тимуровские команды были в школах № 28, 29, 12 г. Кургана, при школе № 62 Просветского лесопункта и Рябковской средней школы. Особенно активно эта

работа велась в 1943 году. К концу этого года в г. Шадринске работало 43 тимуровских команды. Они оказали помощь 120 семьям фронтовиков. Ими было распилено 675 куб. дров, собрано 10 тонн металлолома. Собрали и отправили детям освобожденных от фашистских захватчиков районов страны игрушки и книги.

В 1944 году в Курганской области работало 1649 тимуровских команд, объединивших 21138 детей, работа которых получила признание среди населения края.

Учащиеся семилетних и средних школ вели большую тимуровскую работу в госпиталях. Так, коллектив художественной самодеятельности школы № 12 дал 11 концертов для раненых бойцов и командиров, находящихся в госпиталях. В феврале 1943 года учащиеся школы № 29 выступили с концертами в подшефных госпиталях. Особенно большую активность проявили учащиеся средней школы № 28 г. Кургана. За два последних года войны они провели в подшефном госпитале 48 концертов художественной самодеятельности, вручили подшефным 318 подарков, написали более тысячи писем. Такую же работу проводили другие участники тимуровского движения (12).

Широкий размах получило движение "Работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт". Призыв двухсотников вырос в массовое движение. Вслед за двухсотниками появились трехсотники, пятисотники. Комсомол стал инициатором создания фронтовых молодежных бригад. Первая комсомольско-молодежная бригада появилась в начале 1942 года на заводе Уралсельмаш. И вскоре на предприятиях Кургана было уже 70 таких бригад. В Шадринске в июне 1942 года возникло 15, а в ноябре 1943 года - 60 бригад. Лучшие из них были названы фронтовыми. В 1943 году в Кургане такого звания удостоились 70 бригад. К концу войны в крае работало 608 комсомольско-молодежных производственных бригад.

В областном соревновании комсомольско-молодежных бригад в 1943 году победителем была признана бригада мастера Ф.Мельникова на заводе Уралсельмаш. Она выполнила два с лишним годовых плана. За отличную работу ей было присвоено звание лучшей фронтовой бригады Курганской области. Известно в области было имя бригадира молодежной бригады Софьи Половиной. Она работала на четырех станках. Она дважды - в 1943 и 1944 годах - удостоивалась звания "Лучшая сверловщица Курганской области". Софья Половина приехала в Курган из Белоруссии. Там от рук фашистских оккупантов погибли её родители. До войны она мечтала стать врачом. В 1941 году она пришла работать на Уралсельмаш, освоив профессию сверловщицы. Сначала работала на одном станке, затем на двух и дошла до шести станков. Она выполняла план до 300-400 процентов, была награждена медалью "За трудовую доблесть".

Свою инициативу и почин проявляли и сельские жители, особенно молодые производственники. В 1944 году во Всесоюзном соцсоревновании приняло участие 270 молодежных тракторных бригад, а в 1945 году - 343. Росло число их участников - с 1028 до 7840 человек. Многие из них добивались высокой выра-

ботки на трактор. К началу 1944 года почетное звание "Фронтальная бригада" было присвоено 114 бригадам. Через год число фронтовых бригад выросло до 462. Эти бригады играли большую роль в обеспечении фронта военной продукцией. Директор завода Уралсельмаш говорил: "Они являлись той силой, которая в большинстве своем решала задачу успешного выполнения заданий Государственного комитета обороны" (13).

Исключительное внимание уделялось сбору металлолома, в котором нуждалась оборонная промышленность. Каждая школа и каждая комсомольская организация стремились как можно больше собрать металлолома и внести посильный вклад в увеличение производства боеприпасов и вооружения. В годы войны комсомольские организации неоднократно награждались и занимали почетные места в соревновании. За лучшее обеспечение металлургических заводов металлоломом Курганская городская комсомольская организация была награждена в 1943 году Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. По итогам сбора металлолома в первом квартале 1943 года областная комсомольская организация заняла третье место в стране и получила премию в размере 10 тыс. рублей (14).

Одной из форм участия трудящихся в создании Фонда обороны были воскресники, месячники, декадни. В первом Всесоюзном воскреснике 17 августа 1941 года участвовало более 9,3 млн человек. Во втором Всесоюзном комсомольско-молодежном воскреснике, состоявшемся 7 сентября 1941 года, участвовало около 13 млн человек. Ими было выработано и передано в Фонд обороны 60 млн рублей и 7 млн трудодней. Всего в годы Великой Отечественной войны было проведено 5 всесоюзных, множество республиканских, областных, городских субботников, воскресников. 460 млн рублей и 9 млн 700 тыс. трудодней - таков вклад молодежи в дело разгрома врага.

Подобные акции проводились и в Курганской области. 20 июня 1943 года трудящиеся Мостовского района организовали воскресник по подготовке школ к учебному году. В нем приняло участие 700 колхозников, 216 учащихся, 113 учителей. В ходе субботника школы были обеспечены топливом, проведен ремонт учебной мебели, классных досок, проведен частичный ремонт школ. Это было обсуждено на бюро обкома партии и облисполкома. Было принято решение поддержать почин проведения субботников тружениками Мостовского района и распространить его во всех регионах края.

1 августа 1943 года состоялся массовый воскресник на всех предприятиях железнодорожного транспорта. На нем проводили текущий ремонт путей, укрепление полотна, уборку шлака. В субботнике приняли участие горожане. Всего в субботнике участвовало 2742 человека. При большой активности прошел субботник на первом участке Дорстроя. Были проведены ремонтные работы на железнодорожном мосту через реку Тобол. Участники производственного почина показали производительность труда на 300 процентов. Хорошо поработали на субботнике работники кожевенного завода. Около 1500 человек вышло на воскресник в дистанции пути. Здесь много было сделано по планово-предупредительному ремонту. Убрано 85 куб. шлака. В вагонных парках работали все

смены. Уборку и очистку помещений провели работники бухгалтерий, вагонного участка. Они, кроме того, погрузили 16,5 тонны металлолома (15).

Во время специально организуемых акций - декадников и месячников население собирало в Фонд помощи семьям и детям военнослужащих деньги, продукты питания и одежду. Так, только за 10 дней января 1944 года в крае населением было собрано 664776 рублей денег, 582 пуда хлеба, 16200 пудов картофеля, 11136 пудов овощей, 262 пуда мяса и жиров, 72,6 тыс. литров молока. А всего за два года войны население Курганской области добровольно собрало в Фонд помощи семьям фронтовиков средств, питания и вещей в следующем объеме:

Таблица 1

Сбор средств, продуктов питания, вещей для населения

Показатели	1943	1944	Всего
Денег	995,5 тыс. руб.	6,5 млн	7,5 млн руб.
Хлеб	2353 ц	672 ц	3025 ц
Картофель	9530 ц	7842 ц	17672 ц
Овощей	3750 ц	2770 ц	6520 ц
Мяса и рыбы	45 ц	199 ц	244 ц
Молоко	1240 ц	3406 ц	4646 ц
Масла	150 кг	523 кг	673 кг
Яиц	13 тыс. шт.	56 тыс. шт.	69 тыс. шт.
Коров	-	156 гол.	156 гол.
Мелкий рогатый скот	151 гол.	997 гол.	1148 гол.
Обуви	11850 пар	5552 пар	17402 пар
Одежда и белье	212106 шт.	9258 шт.	30264 шт.
Трикотажные изделия	13910 шт.	-	13910 шт.
Шерсти	-	3892 кг	3892 кг
Овчин и кожи	-	4488 шт.	4488 шт.

Все вещи, за исключением сырья и 5 млн руб. денег, были выданы семьям фронтовиков. Деньги были использованы на содержание детских межколхозных домов и санаториев, на приобретение скота, покупку и ремонт домов (16).

В Фонд 25-летия ВЛКСМ молодежь Шумихинского района собрала 2980 пудов картофеля, 2011 пудов овощей, 5640 литров молока, 1104 яйца, 23 пуда табака, 3000 рублей. Петуховские комсомольцы и молодежь собрали в Фонд семей фронтовиков 234 пуда хлеба, около 400 пудов картофеля, 1193 литра молока, около 100 пудов табака. Комсомольцы и молодежь Мехонского района внесли для фронтовиков 29 пар валенок. Девушки и женщины- колхозницы вяжут сорок пар носков

и vareжек. Помимо этого собрано 180 пудов овощей, 2400 литров молока, около 100 яиц и 170 кур. Теплые вещи и продукты продолжают поступать. Юргамышская молодежь в Фонд 25-летия ВЛКСМ внесла 6341 руб., около 600 пудов картофеля и овощей, 90 кг табака, 700 литров молока, яиц, валенок, мануфактуры (17).

В качестве обобщенного итога можно привести пример общественной активности населения только одного региона Курганской области - Петуховского района. В отчете Петуховского райкома ВКП(б) от 7-8 февраля 1945 года были приведены следующие данные.

За годы войны увеличение добровольных платежей в Петуховском районе шло следующим образом: в 1940 году от подписки на заем поступило 839 тыс. рублей. В 1941 году по займу, лотерее и в Фонд обороны страны поступило 1 млн 859 тыс. рублей, в 1942 году - 3 млн 309 тыс. рублей, в 1943 году - 4 млн 565 тыс. руб., в 1944 году - 5 млн 47 тыс. рублей, или в 6 раз больше, чем в 1940 году. Всего трудящиеся района за годы войны добровольно внесли средств государству (по займам, лотерее и в Фонд обороны) 15 млн 372 тыс. рублей. Кроме того, сдано облигаций в Фонд обороны на 1 млн 700 тыс. рублей. В адрес многих коллективов (Петуховского зерносовхоза, стрелочного завода, Актобанской МТС, нефтебазы, Заготзерно, райотдела НКВД, колхоза "Заря новой жизни" и т.д.) получены правительственные телеграммы Председателя ГКО товарища Сталина.

За годы войны увеличилось поступление средств по обязательным платежам. Если в 1940 году сбор средств по налогам с населения составил 1 млн 283 тыс. рублей, то в 1944 году эта цифра увеличилась в два с лишним раза.

Была проведена работа по сбору теплых вещей и подарков для Красной Армии. Всего петуховцы отправили на фронт 6250 теплых вещей и пять с половиной вагонов подарков.

В каникулы учителя и учащиеся оказали колхозам большую помощь. За лето 1944 года они выработали на различных работах 52 тыс. трудодней (18).

Одним словом, мы видим, что защита своего Отечества, победа в войне над ненавистным врагом были делом всего нашего народа. В годы войны советские люди передали в распоряжение государства значительную часть своих текущих доходов и сбережений. За четыре года войны непосредственно от населения поступило в государственный бюджет СССР 270 млрд рублей. Это составило более одной четверти суммы бюджетных доходов (19).

Примечания

1. *История социалистической экономики СССР. М., 1978. С.500-501.*
2. *Южное Зауралье в годы войны: история и документы. Курган, 2005. С.180.*
3. *Курганская партийная организация в Великой Отечественной войне. Челябинск, 1975.*
4. *Там же. С. 134.*
5. *ГАОПДКО, ф.166, оп. 18, д. 18, л. 102.*
6. *Курганская партийная организация в Великой Отечественной войне. С. 186.*
7. *Красный Курган. 1943. 22 января.*
8. *Блокнот агитатора. 1975. №5. С. 13.*

9. ГАОПДКО, ф. 92, оп. 2, д. 373, л. 10.
10. Курганская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. С. 261.
11. Блокнот агитатора. 1975. №5. С. 14.
12. История культуры Южного Зауралья. Курган, 2004. С.154-155.
13. Зауралье в годы Великой Отечественной войны. 1995. С.99.
14. Красный Курган. 1943. 15 июня.
15. Красный Курган. 1943. 3 августа.
16. ГАОПРДКО, ф. 166, оп.2, д. 298, л. 49.
17. Красный Курган. 1943. 2 и 5 октября.
18. Курганская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. С. 300.
19. Южное Зауралье в годы войны: история и документы, 1941-1945. Курган, 1995. С.181

И.В. Суколенов

Федеральный институт развития образования, г. Москва

ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ

Исторически формирование патриотической идеи совпадает с возникновением Русского государства. В период перехода от родового общества к древнерусскому государству этническое самосознание воплощалось в представлении об общности происхождения и принадлежности к определенному племенному объединению, что привело впоследствии к формированию общей идеи русской земли, Руси как государства, где живет народ. Однако не только географическое пространство сплачивало формирующуюся древнерусскую народность, но и язык, верования, историческая память о прошлом, общность судьбы - все то, что можно назвать историческим пространством, и составляло вкуче Отечество. Таким образом, формирование патриотической идеи способствовало развитию этнической идентификации, осознания этнического единства древнерусской народности.

Одной из ведущих в памятниках русской средневековой письменности была идея защиты, а не захвата чужих земель. С середины XIII века с утратой государственного суверенитета, ослаблением политической роли русской земли общерусская патриотическая идея уступила место локальным призывам. Со второй половины XIV века клич "За землю русскую!" возродился в сочетании с другим: "За веру православную!". Православие объединяло русских в борьбе за государственную независимость, олицетворяя и одухотворяя эту борьбу.

Неписаным правилом для русского воина было стоять насмерть за отца и

брата, мать и жену, за родную землю. Верность воинскому долгу скреплялась устной присягой, клятвой на оружии и перед Богом. В военных походах и сражениях воспитывались взаимовыручка, товарищество, смелость, героизм, презрение к смерти во имя спасения Отечества. Постепенно эти качества стали основой патриотизма как важнейшего явления в социально-политическом и духовном развитии нашего общества, явившегося важной составляющей российского менталитета.

В петровское время с утверждением абсолютизма государственное начало безраздельно господствовало в общественном сознании. Для этого времени характерен был рост национального самосознания складывающейся русской нации, что нашло свое выражение в новом осмыслении таких духовных ценностей, как "Отечество" и "патриотизм". Отечество отождествлялось с определенной территорией и исторически сложившейся на ней общностью населения, постепенно вырабатывалось представление "мы - россияне". Патриотизм приобретает характер государственной идеологии, считается выше всех ценностей и добродетелей, а главным девизом россиян становятся слова "Бог, Царь и Отечество".

На рубеже XVIII-XIX вв. Н.М. Карамзин так определил понятие "патриотизм": "Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях". Похожее определение дает еще один русский историк В.С. Соловьев: "Ясное сознание своих обязанностей по отношению к Отечеству и верное их исполнение образуют добродетель патриотизма".

Исходя из этих определений, суть любви к Отечеству состоит в понимании главных задач, стоящих перед обществом и государством, в неустанной борьбе за их решение. "Патриотизм" в русском национальном самосознании был связан с жертвенностью, с необходимостью, если надо, отказаться от себя, семьи. Призыв "положить жизнь за Отечество" звучал в произведениях Н.М. Карамзина, С.Н. Глинки, А.И. Тургенева. В то же время патриотизм чаще всего сопряжен в общественном сознании с военной деятельностью, но не захватнической.

Сказанное выше вполне соотносится с тем фактом, что до 1917 г. центральной, "опорной" точкой развития теории и практики патриотического воспитания в России являлись военно-учебные заведения, историю которых следует рассмотреть особо. Отметим, что их история представлена как в советской историко-педагогической литературе, где классической является работа Н.И. Алпатова (1), так и в современных диссертационных исследованиях И.В. Андрушина (2; 3) и В.М. Курмышова (5), содержащих разделы по истории военно-патриотического воспитания в кадетских классах России.

По отзывам современников, именно в военно-учебных заведениях России конца XIX - начала XX вв. были сосредоточены наиболее сильные педагогические кадры, активно разрабатывались передовые для того времени вопросы организации педагогического процесса. Отметим, что даже элементы дополнительного образования детей (в его современном понимании) появились в кадетских корпусах раньше, чем были созданы первые внешкольные учреждения С. Шац-

кого, традиционно считающиеся родоначальниками дополнительного образования детей (4).

Анализ военно-исторической и историко-педагогической литературы, документов и материалов той эпохи, а также воспоминаний бывших кадетов позволил выявить основные исторические периоды развития кадетского образования и воспитания в России. Важно, что для каждого из этих периодов характерна различная постановка акцентов в образовательных и воспитательных целях данных учебных заведений.

Первый период: 1732-1820-е гг. (организационный).

Второй период: 1820-1862 гг. (период централизации, управление учебными заведениями).

Третий период: 1863-1882 гг. (период относительной демилитаризации).

Четвертый период: 1882-1917 гг. (период актуализации воспитательных задач).

Пятый период: 1920-1940-е гг. (период перестройки военно-патриотического воспитания).

Шестой период: 1940-1984 гг. (усиление патриотического и военно-патриотического воспитания, расширение масштабов и механизмов пропаганды и связанное с этим формирование специфического "образа врага" в лице США).

Седьмой период: с 1985 г. по наши дни (характеризуется отрицанием необходимости военно-патриотического воспитания в начале его до обозначения поиска новой стратегии патриотического воспитания).

В наши дни возродился устойчивый интерес к военно-патриотическому воспитанию как со стороны общества, так и со стороны государства. Для него характерен своеобразный синтез как дореволюционных идей, так и советских методик и практик в данной области воспитания. Развитие системы военно-патриотического воспитания должно стать важной составляющей в формировании этнической идентичности.

Список литературы

1. Алпатов Н.И. *Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа*. М., 1958.
2. Андрушин И.В. *Воспитательная работа в кадетских корпусах периода эмиграции*. Кострома, 1999.
3. Андрушин И.В. *Становление воспитательной работы в кадетских классах*. Кострома, 2001.
4. *Дополнительное образование детей* / Под ред. О.Е.Лебедева. М., 2003.
5. Курмышов В.М. *Воспитание в кадетских корпусах России (анализ педагогического опыта) 1882-1917 гг.: Автореф. дис.... канд. пед. наук. СПб., 1997.*

ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ ЗАУРАЛЬЯ (НА МАТРИАЛАХ КГУ НАЧАЛА XXI ВЕКА)

Во второй половине XX века роль высшей школы в развитии российской науки неизмеримо возросла (1). Высшая школа превратилась в одну из основных частей системы научных учреждений страны. Значительное место в исследовательском потенциале вузовской науки принадлежит женщинам-ученым, докторам и кандидатам наук. Их усилия сосредоточены на тех проблемах, от решения которых в наибольшей степени зависит успешное развитие экономики, культуры, учебно-воспитательного процесса молодежи и др.

Материалы текущих архивов КГУ позволили выявить примерную динамику участия женщин в качественном обеспечении подготовки специалистов и развитии вузовской науки.

Таблица 1
Динамика профессорско-преподавательского состава (ППС) КГУ

По состоянию на данные года	Число физических лиц (с совместителями)			С ученой степенью и (или) званием			В том числе профессоров		
	всего	муж. абс %	жен. абс %	всего	муж. абс %	жен. абс %	всего	муж. абс %	жен. абс %
29.08.2001	676	323	352	363	227	136	62	-	-
		47,9	52,1	53,5	63,9	ок. 35	9,2	-	-
03.11.2006	830	375	455	472	273	199	63	54	9
		45,2	54,8	56,9	43,8	73,8	13,1	19,7	4,5

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что в 2001 году в ППС КГУ преобладал женский контингент. Эта тенденция сохранилась в 2006 году. Более того, число женщин в ППС университета за 5 лет увеличилось более чем на 2%, а мужчин сократилось более чем на 2%. Это в первую очередь связано, видимо, с большей привлекательностью и природными наклонностями преподавательского труда для женщин, чем для мужчин. Но не только. Другие причины рассмотрены ниже.

Наблюдается рост числа женщин-ученых. В 2001г. - более 30, а в 2006г. - более 40% среди женщин-преподавателей имели ученую степень и (или) звание. Данное положение можно связать с повышением уровня цивилизованности российского общества, с сокращением разрыва между юридическим равенством и фактическим равноправием женщин и мужчин. Заметен повышающийся интерес к науке мужчин-преподавателей. В 2001 году - более 60, а в 2006 году - более 70% из числа мужского контингента ППС имели ученую степень и (или) звание. В целом эту ситуацию можно охарактеризовать как сложную, имеющую пози-

тивные и негативные тенденции. К перечисленным выше причинам можно добавить несколько других. Самая весомая из них - это низкий уровень заработной платы, особенно молодых специалистов. Мужчины, обеспечивающие материальное благосостояние семей, стремятся к более высоким заработкам, что дает заинтересованное занятие наукой. Кроме того, географическая близость к таким богатым нефтяным районам, как Тюменская область, Ямало-Ненецкий АО приводит к миграции преподавательских кадров (в большинстве мужчин) в вузы этих районов, где заработная плата значительно выше. Еще одна веская причина сокращения мужчин-преподавателей кроется в недостатке социальных гарантий: слабая обеспеченность жильем, сложности с укреплением здоровья, низкие пенсии и т.д. В числе причин можно назвать и непрестижность некоторых специальностей.

Картина соотношения численности мужчин и женщин в ППС КГУ по факультетам выглядит следующим образом:

Таблица 2

Численность мужчин и женщин в ППС КГУ

По состоянию на данные года	Факультет	Число физических лиц (с совместителями)			С ученой степень и (или) званием		
		всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.
29.08.2001	Машиностроительный	70	57	13	51	46	5
	Конструкторско-технологический	67	65	2	57	55	2
	Физико-математический	93	39	54	44	24	20
	Экономический	66	24	42	45	20	25
	Филологический	150	25	125	60	16	44
	Историко-правоведческий	87	48	39	47	31	16
	Валеологии	81	43	38	30	22	8
	Естественно-географический	61	22	39	27	12	15
03.11.2006	Транспортных систем	73	68	5	59	57	2
	Технологический	102	73	29	73	59	14
	МИИТ	77	24	53	26	14	12
	Экономический	84	21	63	38	12	26
	Филологический	134	13	121	54	5	49
	Исторический	65	38	27	48	29	19
	Юридический	77	41	36	41	26	15
	Педагогический	24	13	11	20	12	8
	ПВС	96	45	51	49	29	20
Естественных наук	98	39	59	64	30	34	

Из таблицы 2 видно, что на технических факультетах, историко-правоведчес-

ком и ПВС в 2001 году мужчин в составе ППС было больше, на всех остальных факультетах - меньше, чем женщин. Эта тенденция почти сохранилась в 2006 году: на технических, юридическом и историческом факультетах по-прежнему больше преподавателей-мужчин, на остальных (даже на факультете ПВС) - больше женщин. "Мужскими" факультетами в 2001 году можно назвать машиностроительный и конструкторско-технологический, в 2006 году - транспортных систем и технологический, "женскими" в 2001 году - филологический, в 2006 году - филологический и МИИТ (факультет математики и информационных технологий).

Ни одной женщины-преподавателя не было в 2001 году на кафедрах автомобилей, автомобильного транспорта, гусеничных машин, деталей машин конструкторско-технологического факультета; на кафедре всеобщей истории исторического факультета; в 2006 году - на кафедре стандартизации, сертификации и управления качеством технологического факультета; кафедрах гусеничных машин и автомобилей факультета транспортных систем; на кафедре всеобщей истории исторического факультета. Основная причина отсутствия женщин в ППС этих кафедр, видимо, кроется в принципе подбора кадров. Только склонностью женского ума и характера к техническим либо гуманитарным наукам эту ситуацию объяснить не представляется возможным.

Большой вклад в развитие науки, в совершенствование учебно-воспитательного процесса студентов вносят профессора, доктора наук.

Таблица 3
Численность ППС с ученой степенью доктора наук и (или) званием профессора КГУ в 2006г. по факультетам

Факультет	Профессоров (число физических лиц с совместителями)		
	всего	муж.	жен.
Технологический	10	10	-
Педагогический	3	3	-
Экономический	2	2	-
Юридический	4	4	-
Транспортных систем	13	13	-
МИИТ	3	3	-
Исторический	7	7	-
Филологический	4	-	4
ПВС	10	8	2
Естественных наук	7	4	3

Т.е. в настоящее время на трех факультетах КГУ: филологическом, психологии, валеологии и спорта и факультете естественных наук трудятся девять женщин-профессоров. На кафедре древней литературы и фольклора много лет работает доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой Федорова Валентина Павловна. Несколько лет должность профессора кафедры русской и зарубежной литературы занимает доктор филологических наук Самойлова Галина Михайловна, должность профессора кафедры русского языка - доктор фи-

логогических наук Ратушная Екатерина Радиогеловна. С 1998 года заведует кафедрой общей и социальной психологии факультета психологии, валеологии и спорта доктор психологических наук, профессор Овчарова Раиса Викторовна. На факультете естественных наук заведует кафедрой ботаники и генетики доктор биологических наук, профессор Григорович Ольга Александровна. Много сил и энергии отдала учебно-воспитательной работе в КГУ, проблемам физики и астрономии профессор Вологодская Зинаида Алексеевна (2). Несколько женщин-профессоров работали в эти годы в КГУ совместителями. На основе полученной информации, в основном методом интервью, появилась возможность коротко рассказать о творчестве, семейном положении, увлечениях видных женщин-ученых нашего края. В 2005 - 2006 годах защитили докторские диссертации Ольга Георгиевна Завьялова (доктор географических наук) и Наталья Николаевна Бочегова (доктор филологических наук).

Прежде всего, не могу не сказать о Валентине Павловне Федоровой, хотя о ней написано более 30 работ (3). В.П.Федорова - заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, отличник народного просвещения, лауреат премии В.П.Бирюкова. В 1967 году она начала работать в КГПИ, с 1995 г. и по сей день трудится в КГУ. С первых трудовых дней Валентина Павловна по-настоящему увлеклась и преподавательской, и научной деятельностью. Ее научный интерес проявился в исследовании тем фольклора и древнерусской литературы. Семь лет кропотливой ненормированной НИР дали свои положительные плоды. В 1974 году в Москве В.П. Федорова защитила кандидатскую диссертацию на тему "Скоморошья песни в рукописных песенниках XVIII века". Работая над диссертацией, она изучила более двух сотен сборников песен, много другой литературы. В последующие годы научный поиск завершился солидным результатом. Докторская диссертация была защищена в 1998 году тоже в Москве. Она посвящена свадебным и календарным обрядам старообрядцев Южного Зауралья. Много сил и времени было потрачено на сбор материалов, пришлось много ездить, бывать в экспедициях, беседовать со знающими людьми, знатоками обычаев, нравов, традиций. Подробно изучены материалы Притобольного, Звериноголовского, Куртамышского, Целинного, Шатровского, Шадринского, Катайского, Далматовского, Белозерского районов Курганской области. На этих материалах сформирован значительный фольклорный архив, создана коллекция декоративно-прикладного искусства. На материалах архива написаны многие замечательные труды: книги, брошюры, статьи.

Валентина Павловна приоритетным для себя в научно-исследовательской работе считает открытие и изучение старообрядческой культуры в нашем крае. По ее словам, ей "хотелось уловить ускользающие страницы былого".

Первыми отдельными изданиями В.П.Федоровой стали научные труды: "Рукописные песенники XVIII в." (1971г.), "Народные лирические песни в современном Зауралье". Затем вышла в свет книга песен "Ивушка-ракиновый кусток: народная лирика Зауралья" (1983 г.). Опытом пропаганды безалкогольных традиций в Курганской области стали книги "Уроки старинной русской свадьбы"

(1987г.), "Свадьба на Ирюме" (1991г.) и др. В 1992 году вышел сборник для семейного чтения "У kota Баюна: детский фольклор Зауралья ...", где собраны колыбельные песни и сказки. Сборник частушек, бытующих в нашем крае, под названием "Любит - не любит" был опубликован в 1996 г. Очень интересная книга "Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья" была издана в 1997 г. На эту книгу в КГУ поступил запрос из музея Рублева в Москве. Сейчас она является экспонатом этого музея, круг читающих ее значительно расширился. Истории семьи Смолиных и современного ОАО "Кургандрожжи" посвящена книга "Из века в век" (2000 г.).

В 80-90-е годы Валентиной Павловной было написано и издано много методической и рекомендательной литературы, учебных пособий. Выделим "Фольклорное и литературное Зауралье: учебное пособие; региональный компонент Федеральной программы по литературе" (1999г.) и учебное пособие для учеников 5-11 классов общеобразовательной школы "Фольклор и литература Зауралья" в двух частях (2000г.). Особо следует отметить допущенное Учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов вузов, будущих филологов издание 2005 года "Сто сказок Южного Зауралья".

В 2001-2003 годах вышли в свет две монографии по записанным в Зауралье разговорам: "Человек и слово в заговорах: Южное Зауралье. Конец XX века".

В целом к 2006 году в арсенале НИР В.П.Федоровой около 30 отдельно изданных научных трудов и более 100 публикаций в разных научных сборниках - петербургских, московских, екатеринбургских, челябинских, омских, курганских; кроме того, еще больше сотни журнальных и газетных статей. В планах на будущее - написать книгу о зауральских первопоселенцах, об их быте, нравах, обычаях, мечтах и т.д. Задумано и сделано было бы еще больше, но нет у профессора КГУ даже своего рабочего кабинета.

Валентина Павловна очень любит трудолюбивых людей, дорожит общением с мудрыми и талантливыми людьми, чтит русские обычаи, сберегает традиции, любит своих родных и близких. Она хорошая дочь, добродетельная жена и мать. Валентина Павловна очень тепло отзывается о своем отце, погибшем на фронте; очень сожалеет, что он рано ушел из жизни; восторгается материнским и гражданским подвигом своей матери, "у сердца держит их". Она с любовью говорит о муже Иване Андреевиче, сыне Андрее, внуке Павле, о невестке Вале, ставшей дочерью, "дорожит семьей, держится ею". Душа в душу живет всю жизнь со своей единственной родной сестрой Галей, ее семью считает своей семьей.

Известным ученым в области социальной психологии и педагогики является Овчарова Раиса Викторовна - заведующая кафедрой общей и социальной психологии факультета ПВС КГУ, доктор психологических наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук, с 2000 года заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Она награждена медалью К.Д.Ушинского "За особые заслуги в области педагогических наук".

Трудовая деятельность Овчаровой Р. В. в КГПИ (ныне КГУ) началась в 1970

году. К 2006г. она прошла путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой. В 1985г. ей была присуждена ученая степень кандидата педагогических наук, в 1992г. присвоено ученое звание доцента, в 1994г. досрочно присвоено звание профессора, в 1996 году - ученая степень доктора психологических наук. Докторская диссертация на тему "Ранняя диагностика, профилактика и коррекция социально-педагогической запущенности детей" была защищена в НИИ Развития личности РАО в Москве.

Научные интересы Раисы Викторовны связаны с психологией образования, психологией родительства и семейного воспитания, психологией девиантного поведения, психологией профессионализма.

Основные научные труды, опубликованные с 1993 по 2007 годы: "Справочная книга школьного психолога" (1993 г.), "Социально-педагогическая запущенность в детском возрасте" (1995 г.), "Технологии практического психолога образования" (2002 г.), "Справочная книга социального педагога" (2004 г.), "Практическая психология в начальной школе" (2005 г.), "Психология родительства", "Практическая психология образования" (2006 г.), "Психологическая фасилитация работы школьного учителя" (2007 г.). Все книги изданы в центральных издательствах Москвы, тиражом от 5 до 80 тыс. экземпляров.

В целом за эти годы Овчаровой Р.В. было опубликовано 165 научных и учебно-методических работ. Из них 4 монографии, 3 сборника научных трудов, 10 учебных пособий, в том числе 3 с грифом МОРФ или УМО по классическому университетскому образованию. Она является автором популярных в России книг по психологии образования, неоднократно издававшихся центральными издательствами общим тиражом более 250 тыс. экземпляров. Ее учебные пособия дважды удостоены премии губернатора Курганской области.

Под руководством Раисы Викторовны проводятся фундаментальные и прикладные исследования в рамках комплексных программ Института педагогики социальной работы РАО, РФФИ, "Университеты России". По инициативе ученого и при поддержке Психологического института РАО в КГУ создана вузовско-академическая лаборатория практической психологии образования, открыта аспирантура по педагогической психологии. Под ее руководством успешно защищено 17 кандидатских диссертаций.

В конце XX - начале XXI веков сложилась научная школа доктора психологических наук, профессора, академика Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации Овчаровой Р.В. Она носит название "Методология психологического сопровождения личности в педагогическом процессе". Коллективом школы были получены значительные теоретические и практические результаты. Были созданы модели психологической службы в детском саду, общеобразовательной школе, детском доме, школе-интернате, разработаны технологии возрастного подхода в деятельности практического психолога образования, психологического сопровождения сельских подростков группы риска, коллективного развития и создания позитивных эмоциональных состояний младших школьников в процессе обучения, технологии тренингов для родителей: "Сча-

стливая мама - счастливый малыш", "Осознанное родительство", "Семь шагов к родительской любви" и др.

Под руководством Овчаровой Р.В. кафедра развернула широкое международное сотрудничество. В течение ряда лет преподавателями кафедры проводятся кросс-культурные исследования: русско-шведские по проблеме "Социально-педагогическая запущенность в детском возрасте" (грант губернатора Курганской области, 2000г.); русско-американские и русско-индийские исследования проблем молодежи (грант РГНФ, 1998-2001 г.). Предпринято сравнительное исследование представлений о родительстве (материнстве и отцовстве) русских и канадских студентов (грант посольства Канады, 2002-2003 гг.).

Результаты исследований докладывались на международных психологических конгрессах в Швеции, Индии, США, Канаде, опубликованы в международных изданиях (1998-2001 г.).

В соавторстве с зарубежными учеными подготовлены учебно-методические пособия: "Пятифакторный опросник личности" и "Телесно-ориентированная методика У. Касселя" (1999-2001г.).

Проведены I и II Международные конференции психологов "Личность в современном мире" (2001г.), "Психология родительства и семейного воспитания" (2004г.), в которых в различных формах приняли участие ученые из США, Канады, Индии, Ирана.

Состоялись I и II Региональные съезды психологов, посвященные темам "Психологическая служба образования сегодня и завтра" (1999г.) и "Психологическое сопровождение личности в педагогическом процессе" (2002г.) с участием ученых из разных стран.

Раиса Викторовна является членом ученого, научного и научно-методического, диссертационного советов КГУ, членом диссертационного совета по психологии при Уральском государственном университете. Она принимала активное участие в работе диссертационных советов по педагогике и психологии в Казанском государственном техническом и Уральском государственном педагогическом университетах в качестве оппонента по кандидатскими и докторским диссертациям. Раиса Викторовна признана экспертом РФФИ, МО РФ по психологии, является членом редколлегии журналов "Развитие личности", "Психология, экономика, бизнес", главным научным сотрудником Института педагогики социальной работы РАО.

Основной сферой деятельности профессорско-преподавательских кадров вузов является учебная работа, подготовка кадров будущих специалистов. В этой сфере деятельности Р.В.Овчарова разработала и успешно применяет учебно-методические комплексы по "Методическим основам психологии", "Психологии личности", "Социальной психологии", "Психологии образования", ведет спецкурсы "Психология родительства", "Психология девиантного поведения", "Технологии возрастного подхода в работе психолога", "Основы психокоррекции и психотерапии" и др. Методическое оснащение лекций включает использование мультимедийных средств и компьютерных технологий. По результатам

тестирования студентов - психологов Овчарова Р.В. признана одним из лучших преподавателей факультета.

Раиса Викторовна вот уже более 40 лет замужем. С будущим мужем познакомилась на первом курсе института, дружили 5 лет. Она сожалеет, что вырастила и воспитала только одного ребенка - дочь Юлю. Юля тоже стала психологом. В настоящее время работает на кафедре общей и социальной психологии КГУ. Хобби Раисы Викторовны связаны с компьютерными технологиями, рационализаторскими изысканиями, музыкой (вокалом). Она увлекается цветоводством, икебаной, садоводством, огородничеством, занимается плаванием, бегом трусцой, йогой.

Григорович Ольга Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и генетики факультета естественных наук КГУ, родилась в 1953г. После окончания средней школы №32 г. Кургана осознанно выбрала биолого-химический факультет пединститута. После окончания института некоторое время работала младшим научным сотрудником на кафедре земледелия в Курганском государственном сельскохозяйственном институте. В 1980г. перешла работать в КГПИ лаборантом на кафедру анатомии, физиологии человека и животных, позднее работала младшим научным сотрудником на этой же кафедре. Параллельно вела учебные занятия со студентами. Начала заниматься научной работой, которая продолжается в настоящее время в КГУ.

В 1989 году в Институте медико-биологических проблем (г. Москва) Ольга Александровна защитила кандидатскую диссертацию на сложную, интересную тему: "Гидролиз липидов в покое и при мышечной деятельности". При подготовке диссертации одним из руководителей стал доктор биологических наук, профессор Кузнецов А.П. Десять лет кропотливой работы привели О.А.Григорович к блестящему результату. В 1999 году в Томском государственном медицинском университете была защищена диссертация на ученую степень доктора биологических наук на тему: "Желудочная и панкреатическая секреция у людей разных типов телосложения".

С 1990 года и по настоящее время Ольга Александровна заведует кафедрой ботаники и генетики КГУ.

Занимаясь обучением и воспитанием студентов, заведывая кафедрой, О.А.Григорович продолжает активную научно-исследовательскую работу. В настоящее время она исследует проблемы питания студентов в условиях эмоционального напряжения. НИР продолжается в направлении "Физиологические механизмы адаптации организма к действию экстремальных факторов". К 2006 году опубликовано более 60 научных работ, в том числе одна монография и одно учебное пособие.

Ольга Александровна родилась и выросла в хорошей советской семье. Отец ее, Конев Александр Кондратьевич воевал в годы Великой Отечественной войны, дошел до Берлина. После окончания войны служил в Польше и Германии, где вместе с ним жили жена и дети, после демобилизации вернулся в Курган. Брат Ольги Александровны - Конев Владимир Александрович, 1937 года рожде-

ния, закончил Уральский государственный университет, аспирантуру по философии при МГУ имени М.В.Ломоносова. В настоящее время он доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии в г. Самаре. Сестра, 1941 года рождения, закончила КМИ, после окончания которого была направлена в г. Пермь, где и проработала на заводе до выхода на пенсию в 2006 году.

У самой Ольги Александровны создалась благополучная семья. Все ее дети и муж сумели найти себя, свое место в сложной российской действительности. Ольга Александровна на последнем курсе института вышла замуж за одногруппника Григоровича Александра Николаевича. Он после окончания института работал в школе, училище. Сейчас работает дизайнером в ДАММИ. В семье выросли два сына, оба пошли по стопам родителей. Максим, 1977 года рождения, закончил ФЕН КГУ, аспирантуру (научный руководитель Кузнецов А.П.), в 2003 г. защитил кандидатскую диссертация по специальности "Физиология". В связи с перестройкой и маленькими зарплатами в педагогической сфере параллельно с учебой в аспирантуре и последующей работой в КГУ начал работать в рекламном бизнесе. Женат, имеет дочь. Второй сын, Константин, закончил Челябинскую медицинскую академию, интернатуру по хирургии. Сейчас работает нейрохирургом в Курганской первой городской больнице. Женат.

Про себя Ольга Александровна говорит: "Всю жизнь приходится много работать. Но при этом работа не в тягость. Люблю работать. Люблю путешествовать. Но на развлекательные путешествия не было времени, да и возможностей. Была возможность ездить на конференции, а в советские времена они проходили в различных городах, так я побывала в Средней Азии и в Западной Украине, в Краснодаре и других городах. Еще люблю работать на даче. Дача в лесу: собираю грибы и ягоды".

В 2007 году в Татьянин день ряды женщин - профессоров КГУ пополнились. В этот день защитила докторскую диссертацию по философии Инга Николаевна Степанова. В КГПИ - КГУ Инга Николаевна работает с 1968 г., сначала в должности ассистента, затем старшего преподавателя, доцента, проректора по заочному обучению, заведующего кафедрой философии, профессора. Защите докторской диссертации на тему: "Философско-антропологические парадигмы и их роль в развитии образования" предшествовала большая научно-исследовательская работа.

Инга Николаевна имеет широкое профессиональное образование. Она закончила Ростовский государственный университет по специальности "Русский язык и литература", КГПИ по специальности "Биология" и аспирантуру при кафедре философии Московского областного пединститута им. Н.К.Крупской. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук была выполнена на тему: "Формирование личности учителя как социологическая проблема".

В трудные перестроечные годы, пережив кризис науки, Инга Николаевна обратилась к проблемам философской антропологии, сущности и существова-

ния человека. Ею исследовались проблемы социальной типологии личности, в том числе личности студента, и социальной детерминации образования. Далее, Ингой Николаевной разрабатывались философские проблемы человека и его образования в аспектах их сущности и существования. Большое внимание она уделяла историко-философскому аспекту понимания сущности человека и опубликовала значительное число работ, в которых рассматривались философско-антропологические учения русских (Н.А.Бердяев, В.В.Зеньковский, И.А.Ильин, С.Л.Франк) и западных (Платон, Аристотель, Р.Декарт, Дж.Локк, Г.В.Гегель, Л. Фейербах, К. Маркс, М.Шелер, А. Гелен, З. Фрейд, Э. Фромм, М.Фуко, О.Болнов, Э.Шпрангер) философов. Затем И.Н.Степановой исследовались проблемы ценностей личности и формирование ее духовности.

За эти годы активного творчества Степановой И.Н. было опубликовано более 100 научных работ. Из них три монографии, в том числе "Воспитание как социокультурное производство человека" (1994г.), "Философско-антропологические основы стратегий образования и воспитания" (2003г.) и др. Она является соавтором трех учебных пособий: "Воспитание как производство человека", "Толерантность и интолерантность", "Духовность как качество личности и проблема ее воспитания" (2004 г., в соавторстве с профессором Шалютиным С.М.). Ее научная работа была высоко оценена администрацией области, она трижды лауреат премии губернатора Курганской области.

В течение многих лет Инга Николаевна является научным руководителем кафедральной госбюджетной темы по аксиологической проблематике, научным редактором семи сборников научных трудов кафедры и материалов конференций, а также учебного пособия "Религиоведение (Человек - Религия - Общество)", подготовленного совместно со швейцарскими учеными.

Инга Николаевна является организатором значимых для области конференций по проблемам этнических и конфессиональных отношений, религиозной толерантности.

Она руководит научной работой группы аспирантов, и четверо из них защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Степанову И.Н. отличает активное участие в общественной жизни университета и области в сфере культуры и образования. Она член комиссии по правам человека при губернаторе области. И.Н.Степанова награждена почетным знаком "Отличник просвещения РСФСР".

Много лет Инга Николаевна была верной и преданной женой известного в Курганской области и на Урале экономиста, доктора экономических наук, профессора, заведующего кафедрой экономической теории КГУ, безвременно ушедшего из жизни в 2005г. Она имеет сына, закончившего факультет транспортных систем и аспирантуру при кафедре автомобилей КГУ, невестку, работающую доцентом кафедр экономической теории и географии, внучку, студентку экономического факультета КГУ и внука-первоклассника.

Ее увлечения: садоводство, чтение художественной и историко-мемуарной литературы, просмотр политических и публикационных программ на ТВ.

В 2006 году в КГУ трудились более 190 женщин, имеющих ученую степень кандидата наук и ученое звание доцента. Все они кроме преподавательской работы занимаются НИР, имеют по несколько десятков научных публикаций в разных областях науки. К сожалению, регламентированные рамки данной статьи не позволяют осветить их научные исследования.

Список литературы

1. Козлова М.М. *Вузовская наука Зауралья в 1966-1985 гг. // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: Сборник научных трудов. Вып. 4. Курган, 2001. С.112-119.*
2. Козлова М.М. *50 лет в вузе (к 80-летию профессора З.А.Вологодской) // Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII-XXвв.: Сборник материалов межрегиональной научной конференции. Курган, 2004. С.68-71.*
3. Федорова В.П. *(к 70-летию со дня рождения) С.68.*
4. *По волнам памяти. Вступительная статья // Библиографический указатель. Курган, 2005. С.4-19.*

Т.В. Козельчук
Курганский государственный университет, г. Курган

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТОБОЛЬСКОЙ БЮРОКРАТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Говоря об особенностях социальной структуры, мы подразумеваем характеристику социального происхождения чиновников Тобольской губернии во второй половине XIX - начале XX века, что с учетом территориального, демографического, этнического, социокультурного и других факторов позволяет определить региональную специфику источников (сословий и социальных групп) формирования местной коронной администрации.

Во второй половине XIX - начале XX века на государственной службе в Тобольской губернии состояли выходцы из духовенства, дворян, купцов, мещан, разночинцев, солдат, крестьян и пр., что указывает на широкую социальную базу чиновничества. Подобная "пестрота" социального состава укладывается в "четырёхчленную сословную парадигму" (11, 81), существовавшую в общественном сознании несмотря на активизацию процессов размывания традиционных сословий: дворянство - духовенство - городские сословия - крестьянство. На долю участия каждого в пополнении тобольской бюрократии приходилось соответственно: 49,5% - 23,0% - 17,5% - 10,0% (8).

Почти половина личного состава администрации губернии принадлежала к высшему российскому сословию - дворянству. Но дворянству не потомствен-

ному, а личному. В целом за рассматриваемый период на службе в Тобольской губернии таких чиновников было 14%, причем "из приезжих" (8).

Причина указанной особенности социальной структуры тобольской бюрократии кроется в местной социальной специфике губернии - малочисленности в составе населения потомственного дворянства. По данным статистического исследования 1881 года, по поводу 300-летней годовщины завоевания Сибири, из 1206430 душ обоего пола всего населения Тобольской губернии потомственных дворян - 216 м.п. и 244 ж.п. (16, 17). Это не составляло даже половины процента. По Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в Тобольской губернии потомственных дворян мужского пола от младенцев до стариков - 956 человек, а всего населения без иностранных подданных - 1 млн 432 тыс. 858 человек (12, 46-47). Поэтому политика "дворянской реконкисты" (15, 360), то есть сохранение монополии дворянства на государственную службу путем создания более благоприятных условий для поступления и карьерного роста, в Тобольской губернии не могла реализоваться в силу объективных причин. Здесь эта категория никогда не играла роли главного поставщика административных кадров; чиновничество Тобольской губернии, вопреки оценкам Н.А. Рубакина, никогда не было "кость от кости и плоть от плоти его" (14, 60). Участие потомственного дворянства в управлении губернией выражалось не количественно, а качественно: как и по всей России, такие чиновники занимали ключевые должности в учреждениях губернского уровня.

Отсюда следующая черта социальной структуры тобольской бюрократии - рекрутировать будущих чиновников приходилось из других социальных групп. В первую очередь заменой потомственному дворянству в качестве поставщика государственных служащих стало духовенство. Примерно четвертую часть своего состава тобольское чиновничество, не исключая высший губернский уровень, черпало именно из духовного сословия. Так, в 1864 году в Тобольском губернском правлении и в канцелярии Общего губернского управления среди начальников отделений с известным происхождением преобладали выходцы из духовенства и собственно чиновничьи дети, а не потомственные дворяне (8).

Однако особенные черты соцструктуре тобольской бюрократии придавал факт активной вертикальной мобильности посредством чинопроизводства непривилегированных слоев населения. Сибирь постоянно испытывала острую нехватку управленческих кадров, что открывало двери для проникновения в чиновничье "сословие" людей с разным происхождением. Государственная служба, при отсутствии земства, неразвитости социокультурной инфраструктуры и пр., становилась зачастую единственным местом, куда мог пойти более или менее образованный человек, решивший не только обеспечить себе и своим детям кусок хлеба, но и продвинуться по социальной лестнице вверх. В Тобольской губернии чиновниками становились даже те лица, которым государство сознательно затрудняло социальную активность, но которые, тем не менее, относительно успешно продвигались по служебной лестнице в рамках губернии, закрепляясь в новом более высоком по сравнению со своими предками статусе.

Например, как титулярный советник, земский заседатель А.Н. Крамольев - "из податного состояния" (20).

На протяжении второй половины XIX - начала XX века активность городских сословий и крестьянства в пополнении рядов тобольского чиновничества неуклонно возрастала, а дворянства и духовенства - снижалась. То есть процессы "дворянизации" (15), характерные для всего российского чиновничества, наблюдались и в нашем случае, но в силу исторической малочисленности потомственного дворянства протекали активнее и менее болезненно для местного служебного сообщества.

Отмечая присутствие в социальной структуре тобольской бюрократии элементов народного происхождения, необходимо помнить, что этот факт отнюдь не означал демократизации чиновничества. "Наоборот, в результате того, что государственное жалованье становилось для канцеляристов и чиновников единственным источником существования, они, вне связи со своим классовым происхождением, в силу своей экономической зависимости превращались в послушных агентов самодержавия, слепо осуществлявших все распоряжения власти" (5, 158).

Более всего сибирскую бюрократию отличало наличие чиновников, вышедших из среды ссыльных. Проблема гражданской службы ссыльных поднималась правительством еще в первой половине XIX века. В 1842 году Тобольскому губернатору пришел указ Его Императорского Величества "по возникшему вопросу о том, какими правилами надлежит руководствоваться при представлении к награде за выслугу лет первым обер-офицерским чином польских уроженцев, высылаемых за принадлежность к тайным обществам во внутренние губернии и находившихся на службе...". В указе подчеркивалось их особое положение: "...выходят из обыкновенного ряда чиновников, то они не должны быть в производстве подводимы под общие правила, но о каждом из них должно испрашивать особое Величайшее разрешение" (4). Так произошло с письмоводителем Ялуторовского окружного казначейства К.И. Хмелевским - "из сосланных в Сибирь на поселение" (19). По Высочайшему повелению в 1858 году было "дозволено ему, Хмелевскому, вступить в гражданскую службу, без возвращения утраченного им дворянства и прав состояния, а также не распространяя этой милости на сына его Федора, рожденного в Сибири" (19).

После восстания в Польше 1863-1864 годов министром внутренних дел П.А. Валуевым было разрешено политическим ссыльным поступать в присутственные места, используя это как меру административного надзора. Разъясняя этот циркуляр, тобольский губернатор в официальном отношении к городничим, приставам, начальникам присутственных мест писал: "Ссыльные допускаются к занятиям только по вольному найму (т.е. лица эти не находятся на государственной службе) во всех присутственных местах за исключением тех, в которых занятие признается неудобных потому, что в них сосредоточиваются распоряжения, касающиеся политических преступников, а также к таким, которые сопряжены с непрерывными разъездами" (23, 41). Все же широко известны обратные примеры. Декабрист Н.И. Лорер в своих записках писал, что встретил

основателя тайного общества А.Н. Муравьева "не в ссылке, не на поселении, а на очень видном месте губернатора" (9, 168).

В Тобольских губернских ведомостях фигурирует имя Зброжека, тобольского мещанина из ссыльных, который в 1876 году был определен в штат Казенной палаты (17, 10). Скорее всего, это Ричард Иванович Зброжек. В 1889 году он - земский заседатель Тюменского окружного полицейского управления, дослужившийся до коллежского регистратора, что не стало пределом служебного роста. В 1901 году встречаем Зброжека помощником Сургутского исправника в чине надворного советника (1). Получив чин VII класса, Зброжек получил личное дворянство. Таким образом, имея способности и определенные профессиональные навыки, даже ссыльный имел реальную возможность повысить свой социальный статус с помощью института государственной службы.

Показательна карьера В.О. Кремера - "из польских переселенцев, причисленный к крестьянскому сословию" (21). В конце XIX века он служил помощником Ялutorовского окружного исправника, в 1901 году - губернским секретарем в той же должности, в 1908 году - уже титулярным советником, наконец, в 1915 году - Тарским окружным исправником в чине надворного советника (2). Со сланный после польского восстания 60-х годов XIX века, потерявший дворянское звание, Кремер практически восстановил свой утраченный статус.

Этнические особенности сибирского населения обусловили другую специфическую черту социальной структуры тобольской бюрократии - присутствие в его составе инородческого элемента. Подтверждение тому формулярный список коллежского регистратора Г.А. Кожимова, где в графе "социальное происхождение" значится - "сын инородца Туринского уезда" (22).

Описанные примеры не являлись массовыми, но именно они придавали сибирскому чиновничеству свою "изюминку", демонстрируя, образно выражаясь, "всеядность" провинциальной бюрократии, известную степень ее открытости даже для тех, кому законом запрещалось поступать на службу (в частности инородцам); даже для политически неблагонадежных лиц! С другой стороны, поглощая разнородную по происхождению массу, государственная служба посредством чиновпроизводства, особых корпоративных правил поведения унифицировала ее, заставляла отрываться от родного сословия и его интересов. Как отмечалось в досоветской публицистике: "В Сибири все чиновное сословие составляет почти одну корпорацию, настраиваемую одним камертоном..." (3, 287). Указанная "открытость" рядов тобольской бюрократии ограничивается уровнем самовоспроизводства служебного "сословия", то есть долей чиновников, получивших свой социопрофессиональный статус по наследству. Для рассматриваемого времени эта доля составляла 42 % (8).

Достаточно редкими для происхождения чиновников Тобольской губернии в силу особенностей местной социальной структуры являлись категории "из придворно-служительских детей", "из унтер-шихтмейстерских детей" (18). Можно утверждать, что первая характерна для столичной бюрократии, вторая - для горнозаводских регионов.

Среди наименее представленных в структуре тобольской бюрократии - чиновники с купеческим происхождением. Оценивать названную черту как особенность не совсем верно. В основной своей массе купеческие дети не испытывали нужды искать себе средства к существованию тяжелым канцелярским трудом, табельные чины как некая ценность их мало интересовали. Лишь единицы, вероятно в силу своих личных качеств, порвав с родным сословием, выбирали государственную службу, в корне изменив тем самым свое юридическое положение в обществе.

Представить особенности сибирского чиновничества более четко помогут иные основания стратификации. Специфика структуры тобольской бюрократии может быть определяема социокультурными факторами. Беря во внимание отдаленность, некоторую обособленность сибирского региона, нехватку собственных местных кадров, мы можем выделить в качестве характерной черты наличие в чиновничестве таких социокультурных групп, как "местные" и "приезжие" (7).

В целом тобольское чиновничество как особая социальная группа развивалось в одном направлении с российской провинциальной бюрократией. Это касается, например, уровня самовоспроизводства. В Вятской губернии, по свидетельству Л.Е. Мерзляковой, на долю потомственных чиновников к середине XIX века приходилось 55,5% (в Тобольской губернии в 60-е годы XIX века чуть меньше - 47,0%); общее сходство касается тенденции уменьшения доли дворян в личном составе вятской и тобольской бюрократии (10, 98).

В 50-х гг. XIX века в Московской и Калужской губерниях, как и в Тобольской губернии, в комплектовании бюрократии участвовали представители непривилегированных сословий. Но там дворянство "остается главной социальной основой абсолютистского государства" (6, 11). В Тобольской губернии потомственное дворянство не составляло социальной базы чиновничества, основой государства в Сибири собственно и была коронная администрация.

Подводя итоги, подчеркнем, что царское правительство всегда стремилось контролировать процесс формирования бюрократии, четко определяя круг источников комплектования, обеспечивая ее социальную однородность, поддерживая корпоративность и т.п. (13). Но единый механизм решения обозначенных проблем не всегда оказывался одинаково эффективным в разных регионах огромной Российской империи. Там, где правительство не могло или не хотело учитывать местную специфику, это делала сама практика. Яркий тому пример - бюрократия Тобольской губернии. Исторические, политические, административные, территориальные, демографические, социокультурные особенности этого региона повлияли в первую очередь на процессы формирования местного бюрократического аппарата, которые зачастую протекали в разрез с установками правительства.

Примечания

1. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1889. Тобольск, 1889; Адрес-календарь

- Тобольской губернии на 1901. Тобольск, 1901.
2. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 (1908, 1915). Тобольск, 1901. (1908, 1915).
 3. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1875. №10.
 4. ГАКО. Ф.8. Оп.1. Д.45. Л.95.
 5. Елпатьевский А.В. Документирование прохождения государственной службы в России XVIII - начале XX веков // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документирования и архивного дела. Ч.I. М., 1974.
 6. Иванов В.А. Источники по истории губернского чиновничества 50-60-х гг. XIX века (На примере Московской и Калужской губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
 7. Козельчук Т.В. Социокультурные группы провинциального чиновничества: "местные" и "приезжие" // Культура провинции: Материалы международной научно-практической конференции. Курган, 2005.
 8. Козельчук Т.В. Чиновничество Тобольской губернии второй половины XIX - начала XX века как социальный слой: Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002.
 9. Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
 10. Мерзлякова Л.Е. Чиновничество в Вятской губернии первой пол. XIX века (опыт социально - политической характеристики): Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997.
 11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т.2.
 12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Тобольская губерния. СПб., 1905.
 13. Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая II: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. № 4.
 14. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912.
 15. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в России в конце XIX века. Л., 1973.
 16. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1881.
 17. Тобольские губернские ведомости. 1876. 31 января. №5; См. также: ГАКО. Ф.253. Оп.1. Д.15. Л.4.
 18. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.152. Оп.30. Д.172. Л.32, 72.
 19. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.152. Оп.30. Д.172. Л.80.
 20. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.152. Оп.30. Д.186. Л.1637.
 21. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.152. Оп.30. Д.209-210.
 22. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.152. Оп.30. Д.222.
 23. Участники польского восстания 1863-1864 гг. в Тобольской ссылке. Тюмень, 1963.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В 1945-1953 ГОДЫ

Великая Отечественная война принесла стране трагические последствия: гибель миллионов людей, разрушения городов и сел, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, глубочайший кризис в социальной сфере. Восстановление страны проходило в условиях разразившегося в 1946 г. голода, охватившего страну в результате засухи и последствий войны. В 1945 г. колхозы собрали урожай зерновых наполовину меньше довоенных лет. Наблюдались массовые случаи дистрофии и смерти (5, 148).

В СССР сложилась непростая демографическая ситуация, которая проявлялась в ряде тенденций: уменьшение численности населения, нарушение баланса между поколениями, снижение интенсивности рождаемости, уменьшение продолжительности жизни людей, формирование в отдельных регионах диспропорциональной возрастно-половой структуры населения. В основе изменения демографических процессов лежат социально-демографические факторы. Без понимания механизма взаимосвязи экономических и демографических процессов невозможно управление процессами народонаселения.

В основе изменения характера демографических процессов лежат социально-экономические факторы. Великая Отечественная война привела не только к разрушению экономического потенциала страны, но и стимулировала технический прогресс, происходило более рациональное размещение производительных сил страны. Был дан толчок в экономическом развитии ранее отсталых в технико-экономическом плане регионов. Выросли инвестиции в военное производство и научные исследования. Многие научные идеи и технические решения военных лет использовались и в мирных целях.

В годы войны Советскому правительству пришлось эвакуировать из угрожаемых районов страны в тыл большое число промышленных предприятий и людей. На территорию Курганской области были эвакуированы 13 крупных предприятий, которые определили характер развития промышленности в области (5, 6). В Кургане были размещены: Механический завод, Уралсельмаш, ЗДС, Дормаш и т.д. В Шадринске: автоагрегатный, телефонный. На базе эвакуированных заводов были созданы новые отрасли промышленности сельскохозяйственного машиностроения, производства деревообрабатывающих станков, дорожных машин и компрессоров, противопожарного оборудования, полиграфических машин. В 1945-1946 годы как в стране, так и в Зауралье наблюдался спад промышленного производства. Это было связано с перестройкой его с военного на мирный лад. Но затем началось интенсивное развитие экономики. В Курганской области происходило масштабное строительство новых и расширение старых

предприятий, а также предпринималось гражданское и жилищно- коммунальное строительство. В 1951 году объем промышленной продукции в Курганской области превзошел уровень 1940 года в два с лишним раза, в том числе металлообработки в 5 раз. Производство электроэнергии за это время выросло в 3,5 раза. Выросли масштабы и укреплялась техническая база сельского хозяйства (5, 26).

Все эти масштабные перемены в крае создавали условия для успешного решения многих социальных вопросов. Интенсивной была динамика воспроизводства края. Происходили перемены в составе населения, менялся его количественный и качественный состав. Потери населения в годы войны были невероятно велики. В 1939 году в Курганской области проживало 976,1 тыс. человек. В 1946 году её численность сократилась до 846,8 тыс. человек. Важнейшей причиной снижения численности населения была гибель большого числа зауральцев на фронтах войны. С войны не вернулось 105 тыс. человек. Непомерный труд и хроническая нехватка продуктов питания приводила к повышенной смертности населения в тылу. В большей мере пострадали мужчины в возрасте от 18 до 40 лет, т.е. наиболее дееспособная часть населения. Компенсировать численность населения не удавалось даже притоком в Зауралье большого количества эвакуированных. Только с большими усилиями в послевоенные годы наметился рост населения. Война привела также и к дисбалансу между мужским и женским населением. Так выглядела динамика численности населения в исследуемые годы (4, 128):

ГОД	Всего	город	село
1939	976,1	97,5	878,1
1945	908,0	202,0	706,0
1946	846,8	212,5	634,3
1956	982,0	277,0	705,0

Мы видим, что численность населения в крае, как и во всей стране, к концу войны сокращается, но к середине 50-х годов восстанавливается. Растет удельный вес городского населения. Оно к концу войны в крае вырастает более, чем в два раза, а сельское население сокращается на 11,7%. В 50-е годы этот процесс ускоряется с ещё большими темпами.

Великая Отечественная война привела к дисбалансу между мужским и женским населением. Поэтому послевоенное общество было преимущественно женским. Это создавало проблемы не только демографические, но и психологические. Было чувство личной неустроенности, женского одиночества. Гибель множества мужчин породила такие явления в обществе, как безотцовщину, сиротство, беспризорность, преступность. И только благодаря женскому трудолюбию и выносливости послевоенное общество выстояло и залечивало свои раны.

Война несомненно оставила свой отпечаток на здоровье людей. Многие документы говорят о большой заболеваемости людей. В структуре болезней чаще

были такие заболевания, как кардиосклероз, сердечно -сосудистые заболевания, стенокардия, порок сердца, инфаркты. Это во многом объяснялось качеством условий жизни и работы людей, длительным перенапряжением организма, а также стрессовыми ситуациями, длительным нервно-психическим напряжением. Плохое питание населения в эти годы приводило нередко к гипертонической болезни. Напряжение военных лет, полученные ранения, контузии вели к росту заболеваний органов кровообращения и смертности от этих болезней в мирное время.

Однако жизнь брала свое, происходил естественный процесс восстановления состава населения. Резкий пик рождаемости был отмечен в 1946. В 1946 году в крае родилось 25,1 тыс. детей, в 1947 году - 27,1 тыс., в 1950 году - 25,1 тыс. детей. С 1948 года уровень рождаемости в крае стабилизируется и принимает естественно ровный характер. Но была большая смертностью детей. Стрессовые ситуации того времени, плохое питание, перенапряжение на производстве, а затем и в быту приводили к нарушению внутриутробного развития, у детей отмечался медленный рост, нехватка веса. Тревожными были факты массовой смертности людей в те годы, особенно детей в младенческом возрасте. Пик роста смертности достигает вершины в 1947 году. И на то было немало причин. Женщины взвалили на себя всю тяжесть сельскохозяйственных работ в деревне, были часто физически ослабленными и организм их не справлялся с процессом беременности. Плохим было питание. Особенно тяжело приходилось людям в районах, охваченных неурожаем 1946 года. С другой стороны, отцы, измотанные войной, невероятным напряжением физических и духовных сил, часто искалеченные ранениями, также не могли заложить крепкого здоровья в своем потомстве (1,10). Много умирало от сосудистых и онкологических заболеваний. После войны было большое количество несчастных случаев, самоубийств в регионе. В 1947 году в Курганской области было зафиксировано 15528 случаев смерти или 58% к общему количеству родившихся. В Шатровском районе за 8 месяцев 1948 года умерло 380 человек, в том числе детей в возрасте до 3 лет - 141 человек. Рост смертности превышал рождаемость, которая составила там за это время только 324 человека (2,13). Детская заболеваемость принимает широкие размеры и увеличивается в 2 раза в сравнении с 1947 годом. В Курганском доме ребенка содержались дети до 3 лет. Из поступивших 77 детей в 1948 году из детдома выбыло 55 человек, из них 22 человека умерло за год (2,19).

Показатель смертности в Курганской области после непродолжительного роста с 1948 г. снижается и стабилизируется к началу 50-х гг.

В условиях возрождения традиционного состава населения происходили сложные внутренние миграционные процессы. И в каждом регионе страны были свои особенности.

В Южном Зауралье основные миграционные потоки имели преимущественно внутренние причины. Но и были общие тенденции, характерные в целом для страны. Движение населения было связано со следующими причинами:

- массовое возвращение воинов с фронтов Отечественной войны и включение

ние в мирный созидательный процесс;

- возвращение на прежнее место жительства тех, кто по причине эвакуации из угрожаемых войной районов оказался в Зауралье;

- рост промышленности края вызвал необходимость притока в районы новой рабочей силы. В результате происходит активный отток населения из сел в города;

- необходимость массовой подготовки кадров приводит к отправке большей части молодежи в места обучения и повышения квалификации.

Восстановительный процесс в послевоенные годы был прерывным. Иногда сопровождался рывком вперед. Сразу после окончания войны в течение двух лет наблюдался заметный прирост населения. Затем темпы снижаются. В 1948 году отмечается резкое падение показателей прироста. Выявляется общая закономерность - прибытие и убытие мужчин в абсолютных цифрах меньше, чем женщин. Но к концу исследуемого периода количество женщин, прибывающих в регион, снижается (в 1946 году их прибыло 27,1 тыс., в 1953 году - 19,2 тыс. человек), а ежегодное прибытие мужчин с некоторыми колебаниями остается примерно на том же уровне. Бурно развивающийся приток демобилизованных постепенно гаснет. После войны усиливается процесс индустриализации края, особенно с начала 50-х гг. Это требует все большее количество рук. Показателен 1951 год, когда механический прирост был похож на взрыв - приток населения в крае за год составил 10256 человек. Но в целом к началу 50-х годов рост населения приобретает спокойный характер, меняется структура населения, уменьшается доля сельского населения, очень быстро растет городское население.

Великая Отечественная война не способствовала укреплению брака и семьи. Мобилизация мужского населения, в основном молодежи и людей среднего возраста, высокая смертность не только на фронте, но и в тылу, привели к снижению числа мужчин и способствовали росту числа незамужних и вдов. Особенно было сложно решать вопросы брачного союза в деревне. Появилась новая мотивация брака. Хотя большинство молодых людей придерживались ценностей брака, основанного на взаимных чувствах, в то же время боязнь одиночества из-за ограниченного выбора супруга привела к снижению моральных ценностей брака. Это не способствовало продолжительности брачной жизни и стабильности семьи.

В условиях послевоенного развития государство обратило свое внимание на роль семьи как важнейшего социального института, в котором объединялись функции воспроизводства новых поколений и их воспитания, социализации. Еще в ходе войны был опубликован Указ Верховного Совета СССР об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать-героиня" и учрежден орден "Материнская слава" и медаль Материнства. Указ устанавливал, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов. Усложнялась процедура развода. В этом указе излагались основные направления демографической политики. В Курганской области динамика браков и разводов выглядела следующим образом:

Год	Число браков			Число разводов		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	село
1943	2,2	0,5	1,7	0,5	0,1	0,4
1945	5,3	2,1	3,2	0,3	0,1	0,2
1946	10,5	-	-	-	-	-
1947	8,7	-	-	-	-	-
1950	9,4	3,4	6,0	0,1	0,1	-
1956	10,4	3,6	6,8	0,6	0,4	0,2

Мы видим, что число заключивших брак после окончания войны резко возрастает и с 1950 года темпы развития выравниваются, обретая стабильный, ровный характер, а число разводов сокращается. В целом в послевоенные годы средний размер городской и сельской семьи уменьшается, сокращается число социально активного населения, растёт прослойка пожилых людей. Происходит старение населения. Количество мужчин в первые послевоенные годы так и не восстанавливается до нужного баланса. Особенно в трудных условиях находится сельская семья. В деревне было больше, чем в городе неполноценных семей, состоящих в основном из лиц старого поколения. Дети зачастую отделяются и живут самостоятельно. Было немало семей, где не было мужчин - с войны не вернулось много отцов, мужей, братьев (3,51).

Сельская семья по своему хозяйственному укладу всегда тяготела к многодетности. Семья была связана с подсобным хозяйством, которое в тех сложных материально-бытовых условиях было важнейшим источником доходов колхозника. Подсобное хозяйство в 1946-1952 гг. приносило семье в среднем 52-65% общего объёма её общего дохода в год. А для ведения хозяйства требовались рабочие руки. И недостаток их компенсировался зачастую перенапряжением всех сил малой семьи.

Таким образом, Великая Отечественная война была серьёзным потрясением для советского общества и наложила свой суровый отпечаток на всё послевоенное развитие. Преодоление кризиса в демографической сфере происходило активно, хотя и с колебаниями. С эвакуацией в годы войны в Курганскую область значительного числа крупных предприятий в крае резко вырос экономический потенциал. Это способствовало более успешному решению многих социальных вопросов. Несмотря на огромные трудности, государство оказывало помощь населению в различных формах, прежде всего, через систему бесплатного образования, организации бесплатной и общедоступной медицинской помощи, широкого спектра социальной поддержки наиболее уязвимых слоев населения, государственных мер по охране материнства и детства создания государственной системы дошкольных учреждений и т. д. В крае усиливаются миграционные процессы. Растёт число городских и уменьшается число сельских жителей. Посте-

пенно восстанавливаются среднестатистические темпы рождаемости. Государство взяло на себя многие функции в воспитании и образовании детей. Типичными становятся малодетные семьи. Успехи здравоохранения и активная социальная политика государства способствовали росту средней продолжительности жизни. Одним словом, воспроизводство населения проявлялось в более быстром и менее болезненном переходе к новому типу воспроизводства на основе растущей рождаемости и снижающейся смертности людей.

Примечания

1. ГАКО, Р-1591, оп. 6, д. 24.

2. ГАОПДКО, ф. 166, оп. 6, д. 253.

3. Там же, д. 215.

4. Зауралье в годы Великой Отечественной войны. Курган, 1995.

5. Козинцев А. Я., Подливалов В. В., Федченко М. Н. Экономика Южного Зауралья в годы Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет (1945-1953 гг.): Монография. Курган, 2004. С. 148.

Л. В. Алексеева
**Нижевартовский государственный гуманитарный университет,
г. Нижневартовск**

ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1917 - 1941 гг.

В изучении севера Западной Сибири в первые десятилетия советской власти можно выделить три этапа: 1. 1917-1923 гг. 2. 1924-1929 гг. 3. 1930 - июнь 1941 гг. Для каждого из этапов характерно развитие исследовательских работ в зависимости от трансформаций государственной политики, осуществлявшейся на Крайнем Севере. Так на первом этапе систематическое исследование края не проводилось из-за начавшихся социальных потрясений. Активизация исследовательских мероприятий относится ко времени вхождения края в состав Уральской области и создания Комитетов Севера всех уровней (Центральный, Уральский, Тобольский). Это произошло на втором этапе. С момента образования национальных округов ссылкой на Север 150 тыс. раскулаченных крестьян были заложены условия для экономической модернизации региона, что вызвало более разностороннее изучение природных ресурсов, хозяйственной деятельности, быта и культуры коренных народов.

С. В. Славин, оценивая дореволюционный период исследования Севера, считал, что при экономической отсталости России не было предпосылок для сколько-нибудь значительного хозяйственного освоения обширных северных территорий и их природных богатств (7, 57). Он придерживался мнения, что только после Октябрьской революции в России коренным образом изменилось отно-

шение к проблеме хозяйственного освоения северных территорий.

Применительно к северу Западной Сибири изучение края имело место и раньше, это было связано с зарождением и активной деятельностью научных обществ и учреждений, изучавших природные ресурсы, население и хозяйство края. Лидером в научной работе выступал Тобольский губернский музей, не только проводивший исследования по орнитологии, ихтиологии, энтомологии, фенологии, астрономии, но и развернувший на рубеже веков активную издательскую деятельность. В конце 1924 г. начал издаваться журнал Общества изучения края "Наш край". В нем помещались самые разнообразные материалы по истории и природе края. С 1924 по 1931 гг. в Тобольске издавались краеведческие журналы: "Бюллетень Общества изучения края при музее Тобольского Севера", краеведческий журнал Тобольского бюро краеведения "На социалистической стройке", "Тобольский край".

На Дальнем Севере (Обдорский район) центром экономической жизни являлся Обдорск. Что касается научных изысканий, то там они почти не имели места, существовавший краеведческий музей переживал в 1920-1930-е гг. трудные времена. Старожилы города пытались привлечь внимание новой власти к судьбе музея, который почти не охранялся и не отапливался, а также не работал (24, 75). Из научных учреждений важную роль играл ветеринарно-бактериологический институт, хотя название его не соответствовало истинному положению данного учреждения, поскольку ни по материальной базе, ни по штату к такому отнести ветбакинститут было нельзя. Институт развернул деятельность в 1926 г., о чем имеются соответствующие документы в окружном архиве (Салехард), первоочередной задачей в начале его деятельности была организация санитарных отрядов для изучения эпизоотической обстановки в крае.

Для координации усилий в исследовании Севера и решения вопросов снабжения экспедиционных отрядов в марте 1920 г. была сформирована Северная научно-промысловая экспедиция ВСНХ. В ее обязанности входило не только непосредственное снабжение экспедиций необходимым снаряжением и продовольствием, но и координирование, планирование всех научно-исследовательских и экспедиционных работ, осуществляемых различными организациями в северных районах. В 1920 г. состоялась Обь-Тазовская экспедиция Института исследований Сибири (Томск), в задачи которой входило всестороннее изучение Обь-Тазовского полуострова. В составе экспедиции были Б.П. и К.Б. Вейнберги - магнитологи, топографы и метеорологи. Ученые сделали съемки побережья от с.Хэ до м.Круглого, Тазовской губы и западного берега Обской губы от м.Круг Сетного до Нового порта (9, 32). В.А.Зибарев (6, 117) писал, что в 1921 г. в низовьях Оби работала Северная экспедиция Наркомата внешней торговли, но каких-либо подробностей о ее работе не сообщил.

В первой половине 1920-х гг. центральными учреждениями, ведавшими вопросами изучения Севера, являлись Комитет Северного морского пути и Институт по изучению Севера. Вхождение Тобольского Севера в состав Уральской области сопровождалось активизацией по его изучению. Необходимость изуче-

ния Севера была вызвана, прежде всего, экономическими потребностями. Руководство Уральской области хорошо понимало значение Тобольского Севера в экономике региона. В 1924 г. Уралоблисполком предоставил 5 тыс. руб. на геоботаническое и геологическое обследование Севера (5, 130). Полагаем, что эти средства выделялись под экспедицию Б.Н.Городкова, которая сыграла важную роль в изучении природы Северо-Западной Сибири. Северо-Уральская комплексная экспедиция Академии наук СССР и Уралплана проходила в период 1924-1928 гг. под руководством Б.В.Дидковского и Б.Н.Городкова. Задачи экспедиции сводились к работам по съемке местности, сбору коллекций, выявлению общих закономерностей распределения почвенного и растительного покрова, особенно на границе между лесом и тундрой. Места, известные сегодня своими газовыми месторождениями, были настолько глухими, что их старались не посещать даже кочевники-ненцы. Там, где работала экспедиция, на многие сотни километров простирались безлюдные пространства. По словам Н.Г.Фрадкина, обобщившего труды экспедиции, она "завершила общее ознакомление с природой Северного Урала" (10, 170). Помимо экспедиции 1924-1928 гг., осуществившей комплексный подход к изучению природы и ресурсов края, исследования проводили в указанные годы другие экспедиции, однако они носили более локальный характер и характеризовались небольшими сроками их проведения.

Слабым местом в исследовании Сибири являлась геология. Сведений о наличии полезных ископаемых в Северо-Западной Сибири в те годы почти не было. В 1925 г. профессором Александром Николаевичем Заварицким (1884-1952), геологом и петрографом, основателем петрохимии, работавшим в районе Обдорска, было установлено, что по берегам рек имеется платина и разнообразный строительный материал: разноцветные глины, слюды, асбест. В начале июля 1925 г. Ленинградский государственный университет на средства Комитета Севера при президиуме ВЦИК командировал в район рек Сосьвы и Лозьвы студента этнографо-географического факультета Валерия Николаевича Чернецова для изучения вогулов (8, 9). Начиная с 1925 до 1938 гг. В.Н.Чернецов почти ежегодно приезжал к обским уграм для изучения их культуры. В 1929 г. В.Н.Чернецов провел первое археологическое исследование на Ямале на Тиутей-сале и Хаен-сале, где им были обнаружены три археологических памятника. Находки свидетельствовали, что на Ямале в течение длительного времени бытовала культура, существенно отличавшаяся от культуры ненцев-оленьеводов.

По нашим подсчетам, число экспедиций 1926 г. составляло 9; в 1927 г. - 6. В 1928 г. число экспедиций на Тобольском Севере заметно сократилось. Правильнее говорить об экспедициях, начавшихся ранее и заканчивавших работы в том году. Тем не менее в 1928 г. все же было проведено несколько новых экспедиций. В начале 1980 х гг. московский этнограф-сибиревед А.И.Пика (1951-1995) обнаружил архивные материалы, посвященные первым этнографическим экспедициям на полуостров Ямал (1). В 1928 г. состоялись экспедиции в Ларьякский туземный район Томского округа. Известно, что в районе работала экспедиция Западно-Сибирского водного пути. Другая экспедиция - Земтреста - пыталась

выявить пригодные земли для сельского хозяйства, однако в отчете указала, что таковых не выявлено.

В начале 1930-х гг. на Севере начался процесс нового районирования. В связи с образованием национальных округов шло формирование органов власти, выстраивалась трехзвенная структура управления. Начавшееся создание колхозов требовало проведения землеустройства, но сведений о состоянии лесных, водных, почвенных ресурсов было недостаточно, поэтому начало 1930-х гг. ознаменовано, в первую очередь, попытками провести исследования крупных лесных территорий и создать условия для землеустройства. Тогда же была поставлена цель - организовать экспедиции для изучения геологических возможностей края. Земтрест требовал от экспедиций, направлявшихся на обследование Севера в 1931-32 гг., составления природных и экономических характеристик районов: описание природных условий, экономическую характеристику территорий, краткие итоги землеустройства (92, 109).

В 1931 г. началось обследование лесных угодий в Ларьякском (Нижневартовском) районе. Обследованию подлежал участок, расположенный в верхней части бассейна реки Вах, к западу от левого притока Калик-Егана. М.Е.Бударин упоминал об обследовании лесов бассейна Конды, проводимых лесозащитной партией Облестреста 1932 г. Обнаруженные новые документы позволяют уточнить представления об этой экспедиции. Она носила название "Кондо-Самаровская землеустроительная экспедиция", в задачи которой входило до 1 января 1933 г. обследовать Кондинский район и территории Демьянского ондатрового совхоза общей площадью 8,5 млн га. Экспедиция обязана была выполнить чертежные работы, составить очерки к проекту и отводные записи. Экспедиции по обследованию территорий в 1932-1934 гг. были в первую очередь связаны и обусловлены необходимостью проведения земельно-водного устройства территории, с которым на Обском Севере запаздывали. Не хватало специалистов, отсутствовали карты территорий, поэтому высказывалась фантастическая по тем временам идея о привлечении и подготовке кадров землеустроителей из среды туземного населения.

1932 г. стал примечательным в плане выявления нефтеносных недр в Северо-Западной Сибири. Проведенные геологические исследования на предмет нефтеносности позволили сделать определенные выводы о наличии здесь нефти. Требовались более глубокие изыскания, которые не смогли провести в предвоенные годы. Геологические поиски в 1930-х гг. не увенчались успехом, поскольку не привели к открытию месторождений газа и нефти. Тому было несколько причин: слабая техническая вооруженность, недостаточная научная разработанность методов разведки, сезонность поисковых работ и ряд других. С началом войны разведочные работы стали свертывать, а в 1943 г. прекратили полностью.

В 1930-е гг. были предприняты попытки организации научного звероводства, хотя стоит оговориться, что первые мероприятия были проведены еще в 1920-х гг., а опыт разведения животных в искусственных условиях имел место в крае и до революции. В начале 1930-х гг. начались осуществляться исследовательские ра-

боты в Кондо-Сосьвинском заповеднике. Способствовал появлению заповедника доклад охотоведа В.В. Васильева "О речных бобрах Тобольского Севера", который был представлен в Государственный комитет по охране природы 19 июля 1927 г. Работы в области сельского хозяйства, точнее, по экспериментированию в земледелии осуществляла Зональная опытная сельскохозяйственная станция, находившаяся в ведении Наркомзема СССР и сельскохозяйственной академии им. Ленина. По изучению фауны и домашних животных было сделано в те годы немного. Известно, что в 1936 г. была предпринята экспедиция Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства в 3 района Остяко-Вогульского округа: Самаровский, Сургутский и Березовский. Были составлены бланки, в которые по 13 параметрам заносились физиологические показатели. Кроме этого, была установлена численность поголовья лошадей (18 832). Летом 1936 г. в Остяко-Вогульском округе работала экспедиция сельскохозяйственного управления ГСМПУ в составе специалистов по сельскому хозяйству, в задачи которой входило изыскание и обследование земельных фондов под совхозы (3,56). В 1936-1937 гг. сотрудники Тюменского пединститута провели изучение флоры, фауны и геологического строения бассейнов рек Торм-Яган и Надым. В 1936 г. Казымо-Надымская экспедиция Института экономики Севера Главсевморпути совместно с Томским университетом исследовала бассейн верхнего течения реки Надым, озера Нум-то и составила карту этого района. В состав экспедиции входили 12 специалистов, начальником экспедиции была Александра Николаевна Виноградова. Перед экспедицией стояла задача комплексного исследования: Казым-Нум-то - Надым.

В 1930-е гг. активизировалось изучение Ямальского округа. В 1931 г. экспедиция в составе геоботаников, почвоведов обследовала полуостров Тазовский и низовья Оби. Активно изучались пастбища и осуществлялась инвентаризация пастбищных угодий. Для организации белужьего промысла рыбтрестом в 1931 г. была предпринята экспедиция в Обскую губу, которая позволила установить наличие животных и сферу их обитания. Более широко, чем в предыдущий период, были развернуты геологические исследования. Накануне войны несколько лет экспедиция Уральского геологического управления Института геологии АН СССР изучала восточные склоны Урала. Работы Северо-Уральской геолого-поисковой экспедиции Свердловского горного института были начаты в 1936 г. В бассейне реки Щучья, около Салехарда и других районах округа были открыты месторождения торфа. Накануне войны в Салехарде довольно успешно функционировала метеорологическая станция, которой заведовал Дмитрий Мартинович Чубынин - опытник, проводивший исследования по выращиванию в Заполярье различных овощных культур. Работала зональная опытная станция ГУСМП, которую возглавлял Борис Владимирович Патрикеев, также проводивший опыты по земледелию. С 1936 по 1941 гг. на Крайнем Севере работала Полярно-Уральская экспедиция Уральского геологического управления, в результате деятельности которой была составлена подробная геологическая карта Полярного и Приполярного Урала. 1930-е гг. стали временем более пристального

внимания к коренным народам, изучению их языков, культуры и быта, что было обусловлено в первую очередь задачами культурной революции. В 1930-е гг. начал сбор материалов и исследования по хантыйскому языку немецкий ученый В.Штейниц. Большой вклад в изучение ненцев внес этнограф Г.Д.Вербов, к сожалению, рано ушедший из жизни исследователь, не успевший осуществить многое из своих научных планов, воплощению которых помешала Великая Отечественная война. Проведенные экспедиции сделали лишь первые шаги по изучению необъятной территории. Они позволили получить некоторые общие представления о природе, ресурсах (лесных, пушных, рыбных) и населении.

Выявление и систематизация фактического материала по изучению Тобольского Севера позволяет, прежде всего, констатировать большую заинтересованность ученых, краеведов, представителей хозяйственных и партийно-советских организаций в исследовании края. Изучение природы, населения и хозяйства осуществлялось в ходе проведения многочисленных экспедиций, за исключением некоторых (экспедиции Городкова, Митусовой, Чернецова, Васильева), не носивших системного характера. Экспедиции, как правило, были краткосрочными по времени, что, безусловно, не позволяло провести глубокие и разносторонние исследования.

Территория Севера в целом оставалась слабоизученной, а такие ее районы, как восточная часть Остяко-Вогульского округа (современный Нижневартовский район) и отдаленные тундры Ямала, Красноселькупского, Пуровского и Тазовского районов, вовсе не были исследованы, да и по сей день еще есть места, где не ступала нога человека.

Примечания

1. Альбом ямальских экспедиций В.П.Евладова. М., 1998.
2. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа. Далее - ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 199.
3. ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20.
4. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 108.
5. Груздев С.А. Научно-исследовательские работы секции Совета Уралплана // Северная Азия. 1924. Кн. третья.
6. Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917-1932 гг.). Томск, 1968.
7. Освоение Севера Советского Союза. М., 1982.
8. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (далее - ТФГАТО). Ф. 695. Оп. 1. Д. 45.
9. ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 66.
10. Фрадкин Н.Г. Очерки по истории физико-географических исследований территории СССР. М., 1961.

В.П. Мотревич

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗОВ ПО УЛУЧШЕНИЮ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ УСЛОВИЙ РАБОТНИКОВ СОВХОЗОВ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Война значительно ухудшила материально-бытовое положение сельских работников, затормозила культурное развитие уральской деревни. В условиях военного времени большинство учреждений культуры не ремонтировались и пришли в ветхость, многие использовались не по назначению. Действующие на селе учреждения культуры не были оборудованы мебелью за исключением самодельных лавок, в них отсутствовали музыкальные инструменты, настольные игры, помещения часто не убирались и не отапливались. Вся культурная работа в них часто сводилась лишь к танцам и карточной игре. В запущенном состоянии находилась физкультурно-массовая работа. Правда, в некоторых хозяйствах удалось сохранить довоенный уровень культурно-массовой работы. Однако таких хозяйств было немного.

После окончания Великой Отечественной войны в совхозах заметно увеличивается численность членов профсоюза, растет их удельный вес среди трудящихся. Если в 1947 г. члены профсоюза составляли 65% работников совхозов Урала, то в 1953 г. - 81 % (1). Одновременно происходит возрастание роли профсоюзов в решении проблем культурного уровня и бытового положения совхозного населения. На состоявшемся в марте 1949 г. Первом Всесоюзном съезде профсоюза рабочих совхозов СССР перед профсоюзами была поставлена задача значительно усилить работу по восстановлению и строительству клубов, библиотек и красных уголков, создавать при крупных обкомах профсоюзов передвижные библиотечные фонды, улучшить кинообслуживание и работу художественной самодеятельности. В решениях съезда указывалось, что каждый совхоз должен иметь благоустроенный клуб, стадион, баню, библиотеку, а каждое отделение и ферма - красный уголок и спортивную площадку (2).

В послевоенные годы материально-техническая база сельских учреждений культуры стала постепенно укрепляться. Большое значение для повышения роли профсоюзов в культурно-бытовом строительстве сыграло постановление Президиума ВЦСПС от 29 октября 1948 г. об укрупнении профсоюзов, объединяющих рабочих и служащих сельского хозяйства (3). Вместо 11 профсоюзов, объединяющих рабочих и служащих сельского хозяйства, было создано два: профсоюз рабочих совхозов СССР и профсоюз рабочих и служащих МТС и земельных органов СССР. Объединение привело к укреплению материальной базы совхозов. В них расширялась сеть клубов, красных уголков, библиотек, увеличилось

число киноустановок. В Курганской области на строительство культурно-просветительных учреждений только в 1950-1951 гг. было отпущено 800 тыс. руб. Кроме того, 150 тыс. руб. было израсходовано на приобретение книг и 100 тыс. - на культинвентарь. В совхозах стали чаще читать лекции и доклады, проводить беседы, демонстрировать кинофильмы. В результате охват работников культурной массовой работой возрос. Если в 1947 г. в совхозах Курганской области было прочитано 447 докладов и лекций, проведено 989 бесед и 670 киносеансов, то в 1951 г. соответственно 1302, 4371, 3886 (4).

Одновременно в области для ведения агитационно-массовой работы на селе была создана агитбригада. В 1951 г. с ее помощью в совхозах было выпущено 1068 стенных газет, 1580 боевых листков, 900 "Молний" и "Тревог". В некоторых хозяйствах хорошо наладили лекционную пропаганду. В совхозе "Макушинский" была создана лекторская группа из 12 чел. За девять месяцев 1951 г. они прочитали 55 лекций и провели свыше 200 бесед. В совхозе было три драмкружка, в которых занималось 35 чел., духовой оркестр, радиоузел и библиотека. Многие работники (513 из 750) выписывали газеты и журналы. С начала 1950-х гг. рабочкомы большое внимание стали уделять созданию библиотек. В 1950 г. шло накопление книжного фонда для открытия библиотек. В результате в 1951 г. в совхозах Курганской области насчитывалось 23 библиотеки против 8 в 1947 г., в них увеличилось количество книг (5).

Для повышения культурного уровня деревни важным является развитие физической культуры и спорта. В решениях Второго Всесоюзного съезда рабочих совхозов СССР (март 1951 г.) ставилась задача создать в каждом совхозе низовую организацию физкультуры и оборудовать спортивную площадку. Активно стали развиваться физкультура и спорт в Курганской области, где в 1950 г. коллективы физкультуры были лишь в 14 хозяйствах. В 1951 г. Курганский обком профсоюза рабочих совхозов ассигновал на приобретение спорткультинвентаря и проведение массовых спортивных мероприятий 47 тыс. руб. В совхозах "Алабугский", "Макушинский", "Петуховский" были созданы футбольные и волейбольные команды. Летом 1953 г. в области была проведена комбинированная эстафета, посвященная проверке готовности к уборке урожая. В эстафете приняли участие представители 173 организаций, в том числе 42 совхозов (6).

Состояние культурно-массовой работы в совхозах Урала характеризуют произведенные автором расчеты. Они показывают, что в начале 1950-х гг. в каждом совхозе было проведено в среднем по 98 бесед и читок, 13 вечеров, 59 киносеансов, 4 детских утренника и спектакля в год. Однако в целом уровень культурно-массовой работы на селе еще далеко не удовлетворял потребности населения. Часть помещений по-прежнему была занята под хозяйственные нужды, другие не отремонтированы и не обеспечены топливом. В большинстве клубов и избчитален отсутствовали мебель и культинвентарь. Библиотечная сеть росла медленно, в области многие сельсоветы не имели библиотек (7).

Медленно улучшались в совхозах жилищно-бытовые условия. За годы войны серьезно обострилась проблема жилья. Большинство хозяйств на протяжении

многих лет не вели нового жилищного строительства и не занимались текущим ремонтом. В то же время именно общественный фонд составлял в совхозах основную часть жилья. Однако сразу после окончания войны государство не имело средств для ведения жилищного строительства на селе. В этой ситуации на февральском (1947 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) было признано необходимым развернуть индивидуальное жилищное строительство, оказывая при этом застройщикам помощь материалами и транспортом. Строящие свои дома работники совхозов могли получить на семью двухпроцентный кредит в размере от 5 до 15 тыс. руб. сроком на 10 лет. Всего за 1946-1949 гг. правительство направило на жилищно-бытовое строительство в совхозы страны свыше 120 млн руб., кроме того, 30 млн руб. было выделено за счет фондов самих хозяйств. Все это позволило в ряде совхозов успешно решать проблему жилья. Так, в зерносовхозе "Петуховский" дирекция оказывала помощь застройщикам, выделяя им лесоматериалы, толь, железо. В 1948 г. здесь построили 19, а в 1949 г. 15 домов. Всего за эти годы в стране было построено 3,7 тыс. совхозных и 12,1 тыс. индивидуальных домов (8).

Тем не менее из-за нехватки стройматериалов, автотранспорта и малых размеров кредита план жилищного строительства из года в год не выполнялся. В подавляющем большинстве хозяйств положение с жильем оставалось крайне тяжелым. В 1948 г. в Курганской области в среднем на одного работника совхоза приходилось 2,6 кв. м жилья (22). Многие семьи жили в землянках. Так, в Челябинской области в землянках проживало 1226, а в Курганской - 497 семей. Многие жили в аварийных домах, которые были списаны с балансов хозяйств за их непригодностью. Случалось, что в одной комнате проживали 2-3 семьи. Сложное положение с жильем на селе сохранялось по всей стране. По данным на июль 1949 г., в СССР 4,8 тыс. семей работников совхозов проживало в землянках (9).

Тяжелыми были и бытовые условия жизни в совхозах. Не хватало бань, парикмахерских, больниц и медпунктов, различных мастерских. Плохо была организована торговля. В основном решился вопрос только с обеспечением хлебом, другие же продовольственные и промышленные товары (фуфайки, сапоги, посуда, детская одежда и обувь, керосин и др.) поступали в продажу редко. В некоторых совхозах в продаже отсутствовали даже соль, чай, спички, за хлебом приходилось ездить в город (10).

В 1930-40-х гг. совхозы мало занимались благоустройством. Жилые дома и производственные помещения строили, где попало, без плана. Приусадебные участки часто были неухоженными, возле домов скапливался мусор, рос бурьян. Большинство домов нуждалось в ремонте, на некоторых не было крыш, стекол в окнах, зимой их закладывали соломой. Топливом своих работников совхозы обеспечивали недостаточно, и зимой в квартирах, случалось, замерзала вода. Из-за отсутствия керосина в неэлектрифицированных совхозах дома освещали лучиной или сжиганием различных жиров (11).

Учитывая сложившееся положение, ЦК профсоюза рабочих совхозов СССР 25 октября 1949 г. направил в Совет Министров СССР докладную записку, где

указывалось, что запланированных на 1950 г. средств на жилищно-бытовое строительство совершенно не достаточно. В декабре 1949 г. Президиум ЦК профсоюза утвердил пятилетний план жилищно-бытового строительства в совхозах на 1951-1955 гг. В нем намечалось к концу 1951 г. ликвидировать землянки и неприспособленное жилье, а также расселить семьи, проживающие в одной комнате. Вопросы жилищного строительства активно обсуждались на съездах профсоюзов, пленумах и президиумах центральных, республиканских, областных комитетов. Однако из-за нехватки отпускаемых на жилищно-бытовое строительство средств положение улучшалось медленно. На состоявшемся в марте 1951 г. Втором Всесоюзном съезде профсоюза рабочих совхозов СССР его участники пришли к выводу о том, что бытовые условия рабочих многих совхозов, особенно Сибири, Урала, Казахстана и Азербайджанской ССР, остаются неудовлетворительными (12).

Важной формой работы профсоюзов было проведение общественных смотров жилищного строительства и жилищно-бытовых условий рабочих и служащих. Весной 1951 г. с целью выполнения плана жилищного и культурно-бытового строительства в установленные сроки коллегия Министерства совхозов СССР и ЦК профсоюза рабочих совхозов СССР вынесли решение о проведении в период с 1 июня по 1 октября 1951 г. общественного смотра жилищно-бытового обслуживания. Предусматривалась организация нормальной работы бань, прачечных, столовых, детских учреждений и других предприятий бытового и культурного обслуживания. Для непосредственного руководства в каждом совхозе создавалась комиссия в составе председателя рабочего комитета (председатель комиссии), заместителя директора совхоза, председателя жилищно-бытовой комиссии профсоюза, врача, старшего бухгалтера и нескольких профсоюзных активистов. Успешно поработали комиссии в 13 совхозах Курганской области. Ими были осмотрены 893 квартиры, 9 общежитий, 33 магазина, 43 бани. Во время смотра из землянок в дома переселились 186 семей. Одновременно улучшали и санитарное состояние хозяйств: приводили в порядок территорию усадеб, строили водопроводы, выгребные ямы, уборные (13).

Деятельность профсоюзов часто ускоряла ход строительства в хозяйствах. Только в совхозах Курганского зернотреста с помощью государственного кредита в 1952 г. построили 785 домов. Много строили и в 1953 г. (в совхозах Курганской области - 422 дома, Челябинской - 263), что позволило в основном отказаться от землянок (14). В результате за 1946-1953 гг. обеспеченность жильем в совхозах возросла и составляла в среднем на человека 4,5 кв. м. Тем не менее обеспеченность жильем работников уральских совхозов была хуже, чем в целом по РСФСР. Жилищное строительство резко отставало от потребности в нем, низким было его качество.

В конце 40-х - начале 50-х гг. наметились положительные сдвиги и в улучшении бытового обслуживания в совхозах. В жизнь сельчан прочно вошло электричество. Однако часто электроэнергию получали только центральные усадьбы совхозов, половина отделений и ферм ею не пользовались. В дома начинают

проводить водопроводы, устанавливают газ. Однако такого благоустроенного жилья в совхозах было весьма мало. По данным на конец 1953 г. лишь 0,1 % совхозного жилого фонда в стране была оборудована водопроводом, 0,5 % - газом (15).

Приводимые данные свидетельствуют о достаточно активной деятельности профсоюза по повышению культурного уровня и улучшению бытового положения работников совхозов. Их усилия способствовали освобождению клубных помещений и красных уголков, занятых во время войны другими учреждениями и организациями под хозяйственные нужды, ремонту действующих учреждений культуры и строительству новых. В совхозах расширилась сеть киноустановок, радиоузлов, библиотек. Повсеместно в совхозах велось жилищное строительство, однако проблема жилья решалась медленно, и даже во второй половине 1950-х гг. в некоторых совхозах имелись землянки. Наряду с жилищным строительством, в совхозах восстанавливали сеть школ, больниц, амбулаторий, бань, детских учреждений. Однако в начале 1950-х гг. их по-прежнему остро не хватало. На VI пленуме Курганского обкома профсоюза рабочих совхозов (апрель 1953 г.) отмечалось, что если на жилищное строительство совхозам выделяют больше средств, то на культурно-бытовые нужды фонды весьма ограничены (16).

В целом темпы культурно-бытового и жилищного строительства заметно отставали от уровня развития совхозного производства. По-прежнему плохим оставалось состояние торговой сети, случались перебои в снабжении товарами первой необходимости, отставало медицинское обслуживание. В рассматриваемые годы материальные возможности государства не позволяли существенно улучшить культурно-бытовые условия жизни в совхозах. В более широких масштабах социальное переустройство села началось в стране только после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС.

Примечания

1. ГАРФ. Ф. 7689. Оп. 12. Д. 263. Л. 115, 119, 123; Оп. 13. Д. 1110. Л. 30, 45, 56, 60.
2. Совх. газ. 1949. 22 марта.
3. Профсоюз рабочих сельского хозяйства. Краткий исторический очерк. М., 1961. С. 125.
4. ГАРФ. Ф. 7689. Оп. 13. Д. 646. Л. 105; Оп. 16. Д. 4. Л. 66.
5. ГАРФ. Ф. 7689. Оп. 13. Д. 646. Л. 118.
6. Профсоюз рабочих сельского хозяйства. С. 126. ГАРФ. Ф. 7689. Оп. 13. Д. 98. Л. 27; Д. 646. Л. 131; Оп. 20. Д. 366. Л. 173.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 49. Д. 2. Л. 34, 46.
8. Совх. газ. 1949. 21 июля; 1952. 28 февр.; ГАРФ. Ф. 7689. Оп. 13. Д. 514. Л. 25, 26.
9. ГАРФ. Ф. 7689. Оп. 13. Д. 514. Л. 38.
10. ГАРФ. Ф. 7689. Д. 511. Л. 101; Д. 514. Л. 34.
11. ГАРФ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 3797. Л. 20.
12. Зеленин И. Н. Совхозы СССР (1941 - 1950). М., 1969. С. 315.
13. Совх. газ. 1951. 22 мая; ГАРФ. Ф. 7689. Оп. 13. Д. 510. Л. 2.; Д. 539. Л. 107, 108;

Д. 819. Л. 33.

14. ГАРФ. Ф. 317. Он.1. Д. 317. Л. 157.

15. ГАРФ. Ф. 317. Он. 1. Д. 1398. Л 36-39, 44-46; Ф. 374. Он. 14. Д. 4401. Л. 8, 47, 56;
Д. 4401. Л. 7, 33, 53; РГАЭ. Ф. 1562. Он. 324. Д. 3235. Л. 25, 67-72.

16. ГАРФ. Ф. 7689. Он. 13. Д. 1146. Л.1, 8.

В.Н. Мамяченко

Уральский государственный университет, г. Екатеринбург

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ НЕПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМИ ТОВАРАМИ В 1950-х ГОДАХ

Как известно, основополагающей экономической доктриной советского государства вплоть до 1970-х годов было первоочередное развитие промышленных предприятий так называемой группы "А", то есть производящих средства производства. А потому бытовые промышленные товары (или товары широкого потребления, как их называли тогда) производились по остаточному принципу. Их производство зачастую было уделом маломощных и технологически слабооснащенных предприятий так называемой местной промышленности. Впрочем, и предприятиям местной промышленности выгоднее было производить давно освоенные примитивные, материалоемкие и дорогие изделия, чем осваивать что-то новое. Соответствующей была и заработная плата на этих предприятиях - например, за 1951 год она составила в Свердловской области в расчете на одного рабочего 5570 рублей, то есть примерно 464 рубля в месяц. Для сравнения скажем, что это было меньше зарплаты среднего медицинского персонала (6).

Начало 1950-х годов не предвещало Свердловской области резкого увеличения непродовольственных товаров. Это хорошо видно из документа под названием "Краткие итоги работы местного хозяйства области за 1951 год" (3). В нем отмечалось, что "...задание Правительства по дополнительному выпуску изделий широкого потребления не было обеспечено... Из общего дополнительного задания 31 332 тыс. руб. предприятия выпустили различных изделий всего на 4 036 тыс. руб. или на 12,8%... Совершенно неудовлетворительно выполнен промышленными системами план освоения новых изделий: из 83 изделий, предусмотренных планом 1951 года... фактически освоено только 24... Не освоены целый ряд простейших изделий, как, например, кухонные и гладильные доски, бельевые прищепы, костыли для картин и прочее (хотя в целом план по местной промышленности был выполнен на 104,9%, сверх этого выпущено продукции на 38,1 млн руб.)" (4).

Далее в документе отмечается, что предприятия "Облместпрома" выполнили план по посуде алюминиевой - на 19%, чулкам и носкам - на 24%, ткани хлопчатобумажной - на 29%, посуде чугунной - на 52%. Зато по электромоторам

план был выполнен на 110%, по мебели - на 130%, по чугунному литью - на 153%, по рамам лесопильным - на 170%.

Предприятия "Облпромсовета" выполнили план: по валенкам - на 60%, по верхнему трикотажу - на 60%, посуде оцинкованной - на 62%, обуви - 66%. Зато по пиломатериалам - на 140%, по гвоздям разным - на 249%.

И, наконец, предприятия "Облкоопинсоюза" выполнили план: по чулкам и носкам - на 3%, по игрушкам - на 36%, по безалкогольным напиткам - на 39%, по валенкам - на 49%. Зато по пуговицам - на 136%, по гвоздям - на 143% (5).

Приведенные цифры наглядно иллюстрируют органический порок советской затратной экономики, в условиях которой важнее всего был так называемый вал, то есть общий объем выпущенной продукции. За провал же плана по ассортименту с руководителями предприятий спрашивали гораздо менее строго. Таким образом, затрачивалось все больше сырьевых ресурсов, а населению внушалась мысль, что чем больше стали, чугуна, проката, машин, оборудования и прочего будет произведено, тем страна будет сильнее, а жизнь людей в ней - обеспеченнее.

К вышесказанному следует добавить, что и то небольшое, что производилось предприятиями местной промышленности, направлялось для реализации, прежде всего, в города. Что же касается сельской местности, то потребление непродовольственных товаров ее жителями всегда находилось на заведомо меньшем уровне, чем в городе. При этом и сами потребности жителей села изначально были более чем скромными. Возник даже такой специфический термин - "деревенские товары", под которыми понимался узкий круг товаров первой необходимости, который могли себе позволить селяне. Перечень этих товаров был невелик и включал в себя хлопчатобумажные ткани, примитивную одежду и обувь (большей частью кустарной выделки), хозяйственное мыло, спички, соль, керосин, некоторые другие. Такой предельно узкий перечень потребляемых колхозниками непродовольственных товаров объяснялся прежде всего низким платежеспособным спросом колхозников, который в свою очередь был вызван низким уровнем денежных доходов.

Для сравнения и анализа уровней потребления непродовольственных товаров двумя основными категориями граждан - рабочими и колхозниками - мы приведем таблицы 1 и 2. По ним хорошо видно, каким низким был уровень потребления и расходов граждан области в 1950-х годах и как медленно он увеличивался в семьях рабочих. Расходы и потребление колхозников росли в эти годы быстрыми темпами, но надо иметь в виду, что оба эти параметра у жителей села изначально находились на предельно низком уровне. Причиной же низкого уровня расходов населения, помимо нехватки денег, был также хронический дефицит непродовольственных промышленных товаров. Он в свою очередь был усугублен тем, что проводимая после войны конверсия большинства предприятий, перестраивавшихся на выпуск невоенной продукции, затянулась. Но и конверсия военных предприятий предусматривала преимущественное восстановление и развитие в первую очередь тех из них, которые относились к группе "А", то

есть производили средства производства, а не предметы широкого потребления. К тому же все отрасли промышленности испытывали острую нехватку сырья.

Таблица 1

Денежные расходы семей рабочих промышленных предприятий Свердловской области на приобретение непродовольственных товаров в 1950-х годах (рублей на одну семью в год)

Виды расходов	Годы									
	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960
Все расходы	н/св	19 220	19 249	19 878	20 352	20 960	21 226	22 088	23 058	23 935
Одежда и обувь	н/св	3 383	3 641	3 737	3 436	3 557	3 713	3 874	4 238	4 357
Мебель и хозяйственный инвентарь	н/св	414	405	473	413	445	431	523	750	709

Источник: Динамические ряды по рабочим промышленности 1952-1968 годов Территориального органа Федеральной службы государственной статистики (ТОФГС) по Свердловской области.

Таблица 2

Денежные расходы семей колхозников Свердловской области на приобретение непродовольственных товаров в 1950-х годах (рублей на одну семью в год)

Виды расходов	Годы									
	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960
Все расходы	3 775	4 657	5 386	6 300	7 327	8 206	8 501	9 370	9 632	10 511
Промтовары (в том числе хлеб)	1 863	2 368	2 990	3 974	4 663	4 468	4 696	5 234	5 279	5 813

Источники: Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.Р1813. Оп.14. Д.914. Л.18,19. Д.1403. Л.6,7. Д.1916. Л.4,9. Д.2236. Л.57,67. Д.2743. Л.31. Д.2744. Л.18. Д.2818. Д.95,96. Д.2756. Л.85,86. Д.2936. Л.2-21 (расчеты автора).

Рассекреченные материалы архива Управления Федеральной службы безопасности по Свердловской области донесли до нас характерные высказывания граждан из далекого 1952 года (с сохранением стиля и орфографии их авторов): "Все уходит на питание, а ведь хочется и одеться... Туфли дорогие". "С промтоварами у нас плохо".

"Утюг в Свердловске никак не могу купить, ни чугунный и ни электрический. Вообще здесь нельзя найти ничего из электрических вещей... Дефицит - спирали для электроплиток".

"Да и из-за материалов нынче очень плохо, ничего не купишь, очереди и все берут спекулянты".

"Таких вещей как тюль и покрывала у нас нет, а если и бывает они идут через барыг, на толкучку. Шерсти тоже очень трудно купить".

"Когда в магазинах появится шерсть на пальто ли, дешевый шелк, штапельное полотно - неизбежная очередь".

"Купил костюм за 1000 рублей, дорого так потому, что в магазине нашему брату материала не купить. Он весь на рынке у спекулянтов и нам приходится им переплачивать вдвое".

"Зарботки срезают на 50%, на 30%...хорошего ничего не достанешь, выкинут так убийство, что подходящее по деньгам. Хорошие есть как крепдешин по 142 руб. метр, но это же однако очень трудно рабочему купить" (1).

Дефицит промышленных товаров (впрочем, как и продовольственных) население связывало с таким явлением, как спекуляция. Поэтому на избирательных бюллетенях нередко обнаруживались такие надписи отчаявшихся граждан: "Просим принять какие-нибудь меры против спекуляции, на виду у всех спекулянты продают талоны на материал, очереди на автомашины, на швейные машины" (8). Замечания об отвратительном обеспечении населения самым необходимым можно встретить и в работах известных деятелей литературы и искусства. Так, в дневниках известного писателя Ю.М.Нагибина за 1954 год есть такая запись: "Снова очереди, снова исчезло мыло, снова смертная тоска надвигающейся героической эпохи" (2, 87).

Даже периодически проводимые в конце 1940-х-начале 1950-х годов снижения цен на товары мало облегчали положение. Конечно, население приветствовало снижение цен, и при этом возрастал спрос на товары, но ассортимент последних оставался достаточно убогим. Так, весной 1953 года Свердловский обком партии сообщал в ЦК КПСС, что после очередного снижения цен "... соль, спички, мыло, табак, папиросы... во всех магазинах имеются в достаточном количестве (великое достижение! - В.М.). ...В магазинах большой спрос на ... трикотаж, головные уборы. Резко повысился спрос на электрохолодильники, велосипеды, дорогостоящие меховые изделия". Другое сообщение обкома было менее оптимистично: "В магазинах отсутствует в продаже... радиоприемники, мало шерстяных тканей, одежды женской, репродукторов, недостаточно мебели" (7).

И вот прошел год, и с 1 апреля 1954 года снова было объявлено о снижении цен (как впоследствии оказалось - последнем в истории страны. Дальше цены только росли). И снова областные партийные власти сообщали в Москву: "Трудящиеся Свердловской области с большой радостью и чувством патриотической гордости встретили постановление Совета Министров и ЦК КПСС "О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары"". А далее шли подробности: "Торговая сеть Свердловска и дру-

гих городов области была насыщена товарами в основном удовлетворительно... Еще до открытия магазинов наблюдалось скопление покупателей, оживленно обсуждавших правительственное сообщение о новом снижении цен. Значительное оживление было в магазинах, где продавались промышленные товары. Повышенным спросом пользуются носки и чулки, особенно "капрон", обувь дамская и мужская, особенно модельная, ткани хлопчатобумажные, детский трикотаж, постельное белье, нитки всякие".

Завершалось же сообщение не очень мажорно: "Несмотря на оживление торговли... недостаточно в продаже готового платья и трикотажа, совершенно не было радиоприемников, тюлекружевных изделий, эмалированной посуды, кроватей и мебели" (9). Таким образом, можно сделать вывод, что в 1950-х годах в Свердловской области, как и во всей стране, шел медленный процесс повышения уровня потребления.

Примечания

1. Архив УФСБ по Свердловской области. Ф.1 Оп.1. Д.467. Л.107-111.
2. Нагибин Ю.М. Дневник. М., 1996.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4. Оп.49. Д.136. Л.1.
4. ЦДООСО. Ф.4. Оп.49. Д.136. Л.3.
5. ЦДООСО. Ф.4. Оп.49. Д.136. Л.8-12, 15.
6. ЦДООСО. Ф.4. Оп.49. Д.136. Л.15.
7. ЦДООСО. Ф.4. Оп.52. Д.127. Л.90-91, 94, 99.
8. ЦДООСО. Ф.4. Оп.53. Д.112. Л.54.
9. ЦДООСО. Ф.4. Оп.53. Д.112. Л.71, 74-76.

Г.В.Максимова

Курганский областной художественный музей, г. Курган

ЗАМЕТКИ О МОНАСТЫРСКОМ ИКОНОПИСАНИИ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ (УРАЛО-СИБИРСКИЙ РЕГИОН)

В XVIII - первой половине XIX в. в Далматовском мужском монастыре была малярная мастерская. Но к сожалению, ранние далматовские произведения иконописи не дошли до наших дней. Сохранилось лишь несколько икон XIX в. "Успение Богоматери"- популярной темы в связи с чтимым "Успением", принесенным основателем монастыря Далматом, "Троица ветхозаветная", а также находящаяся в фондах Курганского областного художественного музея икона "Избранные святые Исаакий, Фавста и Далмат". В целом ясно одно - в монастыре создавались стилистически разные произведения, так как там работали тобольские, екатеринбургские, шадринские, местные монастырские и другие мастера.

Небольшое по размеру произведение "Избранные святые Исаакий, Далмат и Фавста" (последняя четверть XIX в.) написано, скорее всего, монахами для паломников - при скорописи чувствуются лаконичность, отточенность, отработанность приемов, ведь такие иконы писались быстро и предназначались на продажу. Изящно выполнены удлиненные фигуры святых с маленькими ручками и ножками, складки одежд тщательно прописаны тонким золотым ассистом, графировка на фоне.

Далмат и Исаакий изображены в монашеских одеждах с нимбами по типу преподобных IV-V в. из Далматии. Святые облачены в монашеские одежды (куколь, параманд, ряса, мантия). Причем одежда Исаакия и Далмата одинакова - подчеркивается их духовная близость. Параманды синие, то есть праздничные.

Не исключено, что данный иконный образ создан при настоятеле Исаакии, при котором после начала строительства Скорбященского храма в 1881 г. и обнаружения гроба Далмата участились случаи чудесных исцелений, или написан позже в память об этом событии. О том, что икона КОХМ написана в этом монастыре, свидетельствует некоторое сходство с другими далматовскими, а также фреска "Далмат, Фавст и Исаакий", расчищенная в Далматовском монастыре несколько лет назад (автор росписей екатеринбургский живописец П. Никулин). Южный придел Скорбященского храма был посвящен именно этим святым. День их памяти - 3 августа. Загадкой остается лишь замена в иконе мужского изображения женским - мученицы Фавсты, день памяти которой падает на 6 февраля (возможно, это сделано по желанию заказчика).

Таким образом, местночтимый святой Далмат (основатель Далматовского Успенского монастыря) изображался в виде соименного святого IV в. Святой же Исаакий Далматский, происходивший из Далматии, прославился в IV в. пустынножительством и пророчествами, его изображения встречаются чаще.

Таким образом, описанное произведение иконописи является одним из немногих сохранившихся образцов иконописного искусства далматовских мастеров.

В Екатеринбургском Новотихвинском монастыре живописная мастерская была заведена в 1830-е годы, в Туринском Николаевском, Иоанно-Введенском под Тобольском, Верхотурском Преображенском - во второй половине XIX века, Челябинском Одигитриевском - в 1890-е годы.

Распространяли иконы по-разному: привозили или пересылали по почте. Так, в 1912 г. жителями д. Васильевка Курганского уезда уплачено в Михайло-Архангельский женский монастырь Уфимской губернии за икону "Воскресение Христова". В одном из храмов Курганской области хранится икона Богородицы с младенцем, написанная монахинями из Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Обилием позолоты имитируется оклад, живопись масляными красками выполнена лишь на ликах. На золотых одеждах Богородицы по-женски любовно выписан белилами тончайший узор, напоминающий богатые кружева.

Монастырское иконописание развивалось в русле искусства, принятого официальной церковью и ориентированного на академическую линию. Многие руководители монастырских мастерских учились в АХ или у профессиональных

художников. Не исключено, что новый стиль "шлифовался" не только художниками-академистами, но и в монастырях. Многие художники, работавшие в монастырях, испытали влияние образов, написанных афонскими монахами. Афонские иконы пользовались большой популярностью, копировались и повлияли на формирование одного из направлений поздней церковной живописи.

Среди множества монастырей на святой Афонской горе в Эгейском море русским издавна принадлежали монастырь св.Пантелеймона, где хранятся мощи великомученика, и скит св.Илии. Иконы с горы Афон имеют на обороте штамп освящения. Живопись их выполнена по тонкому левкасу тончайшими лессировочными мазками, часто обильно используется твореное золото.

Афонские иконы были распространены в России (в том числе в Урало-Сибирском регионе), особенно во 2 половине XIX - начале XX вв. Заказы делались непосредственно в Афон. Так, в 1901г. прихожане церкви с.Усть-Суерского Курганского уезда Тобольской губернии заказали на Афон образы "Богоматери Скоропослушницы" и "Георгия Победоносца"(1), с.Шамаковского - икону Богоматери "Достоинно есть" с мощами св. Пантелеймона и Кукузеля. Жителям с.Петуховское в 1897 г. прислали образ "Богоматери Целительницы", на которой имелась соответствующая надпись (2). Видимо, с афонской же иконы "Богоматерь Целительница" делали многочисленные копии монахини Иоанно-Введенского женского монастыря под Тобольском. Афонские иконы создавались большого формата для храмов по заказу прихожан, маленькие молельные в больших количествах привозились паломниками для частных лиц. Связи России с Афоном и другими святыми землями были широкими и осуществлялись через Императорское православное палестинское общество, созданное в начале 1880-х гг., отделение которого было в Тобольске (3) и других городах.

В фондах Курганского областного художественного музея находится икона, присланная с Афона в 1893 г. прихожанам Васильевской церкви Курганского уезда и по изображению совпадающая с архивным описанием иконы-копии с чудотворного образа "Святой Пантелеймон - целитель", написанной в 1880-е гг. в русском Пантелеймоновом монастыре по заказу курганского купца Ф.С.Березина (не сохранилась). По иконе КОХМ можно представить чудотворную.

В среднике дан образ Пантелеймона - целителя в рост: в красном плаще и зеленой тунике с каймой. Левой рукой держит ковчежец, в правой - лжица. Сцены жития изображены в 14 клеймах. В них тщательно выписаны фигуры людей, четырех львов у ног Пантелеймона, которым он был отдан на съедение, но остался жив. Привлекает внимание чрезмерная детализация, реальность обстановки, в которой показаны чудеса исцеления Пантелеймоном больных и сцены мученической смерти.

В более ранний период - в XVIII в.- был написан попавший в один из зауральских храмов образ "Пантелеймон-целитель" (в настоящее время в фондах художественного музея). Написан, вероятно, тоже на Афоне. На обороте вверху есть прямоугольная вырезка-мошвик (для святых мощей Пантелеймона). Ощущается влияние барочной живописи: светотеневая моделировка, барочные золо-

ченные рамки, напряженная цветовая гамма, синее небо внизу светлеет, сложные ракурсы Христа и летящего архангела. Обильный несколько дробный золотой ассист. Маленькая лжица в изящных руках Пантелеймона при значительной его фигуре. В руках его ковчежец с изображением святой Афонской горы, что встречается именно в афонских иконах.

Афонская живопись явно оказала влияние на письмо иконописцев Челябинского Одигитриевского женского монастыря. В этой обители, основанной в середине XIX в., имелись различные мастерские, в том числе живописная (4).

1893 году монахинями была выполнена для одного из храмов Челябинского уезда (территория современного Куртамышского района) группа икон, хранящаяся в фондах Курганского областного художественного музея. На шпонке иконы "Св.Иоаким и Анна" есть соответствующая надпись.

Для этой группы икон характерны выразительная монументальность образов, "анализ страстей" (как в академической картине). Сентиментальный взгляд поднятых вверх глаз на одухотворенных ликах Иоакима и Анны выражает движение души в момент обращения к Богу. Второй образ посвящен святым - целителям: Пантелеймону, Косме и Дамиану, Иоанну и Киру. Трое из них изображены с ларцами для лекарства, в руках Пантелеймона и Космы - лжицы. Нежные лики выписаны тонкими лессировочными мазками, подробно проработаны волосы, складки одежд, детали (кисти пояса, орнамент на кайме, фибула-застежка у Иоанна). Третья икона называется "Собор архангела Михаила".

Святые на челябинских иконах изображены на фоне реалистического пейзажа с камушками на земле, вверху широкие лучи, осеняющие святых божественным сиянием. В колорите преобладают сдержанные серые, охристые, зеленые тона, узкие нимбы выполнены твореным золотом. Характерны также отсутствие полей, специфическая обработка иконного щита (5-6 досок с узкими шпонками).

Несколько иначе в стилистическом плане написаны иконы с изображением урало-сибирского святого Симеона Верхотурского в Верхотурских Николаевском мужском и Покровском женском монастырях. Иконография икон "Симеон Верхотурский" была создана на Урале и отличается оригинальными чертами. Симеон - дворянин, избравший путь добровольной нищеты. Поэтому иконописцы изображают его в кафтане, портах, иногда лаптях. И только свиток с текстом молитвы является данью византийской традиции.

Симеон, ведший праведную жизнь, погребен в 1642 г. в с.Меркуши, вследствие чудес мощи его были открыты в 1694 и перенесены в 1704 г. в Верхотурский Николаевский мужской монастырь. Поэтому изображается он иногда на фоне архитектуры Верхотурского монастыря, иногда - церкви в с.Меркушино, где святой был погребен.

Икона КОХМ "Богоматерь Абалакская" является копией с чудотворной иконы 2 половины XIX в. В Урало-Сибирском регионе широко почитался образ Богоматери по типу "Знамение", но с 2 предстоящими святыми, именуемый "Абалацкий". Иконография создана в Сибири. Оригинал написан в 1837 г., хранится в Абалацком монастыре. В 1675 г. была сделана копия, которая хранилась

в Тобольском Знаменском монастыре и стилистически отличалась от оригинала. Потом иконописцы писали копии и с той, и с другой иконы, позже - с поновленных, в результате появлялись стилистически разные произведения под названием "Абалацкая Богоматерь". Списки (копии) расходились по всей России вплоть до Москвы, но особенно по Уралу и Сибири. Икона из КОХМ написана, предположительно, в Абалакском монастыре с чудотворной иконы, находящейся к тому моменту в окладе с жемчужным платом на голове Богоматери (5).

Примечания

1. Бурдина Р. Челябинский Одигитриевский женский монастырь (1904г.) // Дореволюционный Челябинск в слове современников. Челябинск, 1997.
2. ГАКО, ф.13, оп.1, д.108
3. Музей и мы. Курган, 2002. № 2.
4. Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск, 1913.
5. Тобольские епархиальные ведомости, 1906.

С.И. Кулакова
Курганский областной художественный музей, г. Курган

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА ИЛИ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АЛЕКСЕЯ КОЧАРИНА, ХУДОЖНИКА И ПЕДАГОГА

Все мы родом из детства. И наша взрослая душа ностальгически подпитывается из этого чистого источника первых открытий себя и мира, подобных тем, что совершил юный герой романа Рэя Брэдбери "Вино из одуванчиков". Неслучайно эта книга, удивительная по глубине проникновения в психологию ребенка, оказалась столь любима еще одним знатоком детской души, нашим современником, курганским художником Алексеем Кочариным.

Заслуженный работник культуры, педагог с двадцатилетним стажем, обожаемый своими учениками, он скажет о них однажды: "Я учу их рисовать глиняные горшки да гипсовые головы, они учат меня живому, на радостном крике, на горьком плаче, ощущению мира Божьего. Люблю их как детей и уважаю в каждом определившуюся личность с редкой в наше время позицией: не взять, а дать..." (1, 308).

А как же иначе, если искусство, по мудрому определению Модильяни, - послание от немногих имущих многим неимущим? Талантливый художник и педагог от Бога, Алексей Кочарин вот уже четверть века дарит миру свои творения: поэтичные и светлые, порою драматичные, картины - притчи, картины-размышления и, конечно, своих учеников, вслед за Учителем несущих в своем творчестве заповеданные свыше идеалы добра, любви и красоты.

Детские годы Алексея Кочарина прошли в провинциальном Куртамыше. Начитанный, впечатлительный подросток из интеллигентной семьи, которому

родные прочили профессию музыканта или ученого-физика, самостоятельно распорядился своей судьбой. Сначала поменял музыкальную школу на художественную, а затем в тринадцать лет поехал учиться не в престижную математическую школу в Новосибирск, а в художественно-промышленное училище в подмосковном Абрамцеве, решив стать профессиональным художником.

Путь к мечте оказался не из легких. До заветного диплома художника Алексей освоил профессию бутафора в театре кукол, отслужил в армии, поработал на курганском телевидении, проучился три курса заочно на искусствоведа в Уральском университете, попробовал себя в роли педагога в детской школе искусств, зарабатывал свой хлеб оформительством в кинотеатре. И вот, наконец, в 1986 году закончил знаменитую "Муху" - Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В. И. Мухиной, получив диплом по специальности "промграфика".

Недюжинные творческие способности молодой художник проявлял еще в студенческую пору. Его плакат, посвященный охране памятников искусства, стал участником выставки "ИКОМ" в Париже в 1984 году, а годом позже другой его плакат, к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне, был отмечен дипломом Академии художеств 2 степени на III Всесоюзном конкурсе студентов художественных вузов в Москве.

Будучи студентом, Алексей Кочарин получил заказ от Ленинградского академического театра оперы и балета имени Кирова на плакат к новой балетной постановке "Пушкин" на музыку Андрея Петрова и с честью справился с работой. Удачно обыграв автограф поэта, он поместил на его фоне легкую фигурку балерины. Наконец, дипломная работа Алексея Кочарина, посвященная оформлению книги, побывала на международной выставке в Чехословакии.

Начало творческой деятельности художника в Кургане связано с полиграфическим дизайном. Его профессионализм и дар плакатиста были востребованы сразу несколькими театрами: Русским драматическим в Уфе, Областным театром драмы и Областным театром кукол "Гулливер" в Кургане. На протяжении 1987 - 1990 годов Алексей Кочарин исполнил плакаты на весь репертуар этих театров и разработал их фирменный стиль.

Особо интересным пластическим и конструктивным решением, образными находками отличались работы художника к таким постановкам Областного театра драмы, как "Красавец - мужчина" (1987), где название спектакля и говорящая деталь - цилиндр, - забавно закомпонированные, читались как знаковая фигура петуха, причем весьма иронично; "Синее небо, а в нем облака" (1987) - лаконичный плакат с улетающей стайкой амуров, опустивших свои луки без стрел; "Малыш и Карлсон, который живет на крыше". Плакат к этому детскому спектаклю заставляет зрителя, независимо от возраста, почувствовать вместе с главным героем свое одиночество в каменных джунглях города. Малыш на плакате Алексея Кочарина с надеждой глядит на лоскуток неба в просвете между домами-великанами и все звонит, звонит в колокольчик в ожидании чуда...

Неудивительно, что художник стал просто находкой для театра кукол "Гулли-

вер". Вот где пригодились его опыт бутафора-кукольника, тонкое понимание детского мироощущения и собственный неизбывный романтизм. Среди героев плакатов Алексея Кочарина, столь любимых детворой, персонаж итальянской сказки К. Коллоди - деревянный мальчик Пиноккио, Элли и ее друзья, шагающие в Изумрудный город, Братец Лис и Братец Кролик из "Сказок дядюшки Римуса". Балаганный потешник Петрушка, кажется, спрятал за своей ширмой целую ватагу ребятишек: видны лишь ноги - в валенках, сапожках, ботинках...

Пожалуй, самым символическим и драматичным стал плакат к "Маленькому принцу" Экзюпери. В черноте ночи угадываются очертания самолета, лопасти которого, вращаясь, оставляют крестообразный светящийся след. С него, словно с распятия, слетает и висает в пространстве белая фигурка мальчика с раскинутыми, как крылья, руками. Образ плаката трагичен и светел одновременно. Еще в годы учебы в Ленинграде Алексей Кочарин сотрудничал с Обществом книголюбов. Многочисленные экслибрисы того времени отличаются изысканным вкусом, интеллигентностью и интеллектуализмом авторского мышления. Один из самых запоминающихся и типично "кочаринских" образов - книжный знак Дениса и Кати. Два кентавреника с книгами в руках играют, дразня друг друга.

В 1989 году Алексей Кочарин вступает в Союз художников, а вскоре становится преподавателем в Детской художественной школе, найдя здесь свое второе призвание на всю жизнь. Параллельно он интенсивно занимается живописью, год за годом оттачивая технику, обретая свою узнаваемую образную систему и авторский почерк.

От своей alma mater - ленинградской художественной школы - Алексей Кочарин унаследовал такие характерные черты, как лаконизм композиции, сдержанное благородство цвета, техническое мастерство и акцентированный интерес к возможностям художественной формы. Тот самый интерес, что культивировался ленинградскими педагогами - художниками еще со времен ВХУТЕМАСа. Неслучайно столь заметную популярность обрела у студентов - "мухинцев" программа профессора С. А. Павловского, направленная против рутинности академического обучения, призывающая к творческому эксперименту. Его размышления над сущностью изобразительной формы и творческого метода находят отклик у многих молодых последователей, в том числе и у А. Б. Кочарина. По мнению С. А. Павловского, "Все люди различны, но существует понятие "человек", и если формы содержат общечеловеческие сущности, они будут восприняты"(2). Глядя на выразительно обобщенные в пластике, условно типизированные фигуры многих кочаринских персонажей, находишь, что это действительно так.

Человек вообще и человеческое в нем прежде всего волнуют Алексея Кочарина. Наверное, поэтому ему, мыслящему общечеловеческими категориями, оказались особенно близки христианские мотивы и сюжеты ("И пришли трое", "Рождество", "Благовещение", "Тайная вечеря"), поэтика античного мифа ("Похищение", "Хлоя", "Весна"), образы-маски итальянской комедии del arte ("Сере-

нада", "Ночь", "Пьеро и Арлекин"). На первый взгляд абсолютно нетрадиционный подход к воплощению библейских и евангельских событий в произведениях этого живописца уводит зрителя слишком далеко от самого священного первоисточника. Однако подобные вольности художника оправданы тем высоким нравственным идеалом, который несет в себе каждая его композиция на данную тему. "И пришли трое". Классический в искусстве сюжет Троицы предстает неожиданным для зрителя: вместо привычной сцены трапезы трех ангелов автор изображает шествие ангелов-странников, со свечами в ночи пытающихся отыскать дорогу? Истину? Избранников Божьих? Белые с красным одежды ангелов вносят в звучание произведения торжественный настрой, позволяя надеяться на светлый исход пути небесных посланников, с благой вестью спешащих в чей-то дом.

Тема Благовещения одна из ведущих в творчестве Алексея Кочарина. Вот лаконичная двухфигурная композиция - встреча Марии и архангела Гавриила. На темном условном фоне две светлых фигуры в профиль. Художник намеренно поторопил события, ведь его героиня уже ждет ребенка, о чем свидетельствует не только ее облик, но и жест руки, прикрывающий пламя свечи от ветра, как символ оберегающего жизнь материнского начала. Тем самым конкретный евангельский эпизод наполнился благодаря живописцу общечеловеческим содержанием. Теплый золотисто-коричневый колорит произведения создает впечатление животворящего света, исходящего из глубины холста, придающего событию вневременной оттенок.

Еще одно "Благовещение" разворачивается перед зрителем как вполне домашняя история. В комнате со стулом и окном наша современница, будущая мама, словно застыла, пошатнувшись, не слыша жалобного плача рыжего кота у своих ног, не замечая порхающего голубка за спиной... Странное тревожное предчувствие невольно передается и зрителям, воскрешая в памяти разные жизненные ситуации.

Вообще, картины Алексея Кочарина о наших современниках трудно назвать жанровой живописью, как нельзя спутать поэзию и прозу. Они метафоричны и начисто лишены бытовизма, какими бы повседневными житейскими делами не занимались их персонажи. В композиции "Вечер" моющая посуду женщина оказывается как бы в двух измерениях одновременно. В реальном, где она привычно и отрешенно протирает монотонными движениями тарелку, похожую на снятую с неба луну, где кот трется об ноги, а ребенок тянет за юбку, требуя положенную им долю внимания и ласки, и в другом (откуда так не хочется возвращаться), мире мечты. Вот почему кочаринская героиня всем своим существом тянется куда-то вверх, подальше от земных забот, и ее страдальческий вид неизменно находит отклик в любой женской душе.

Происходящее в композиции "Белая корова" отсылает наше воображение в деревенскую явь с каждодневными вечерними встречами из стада домашних животных. Казалось бы, просто буренки и телята разбрелись по светлому холсту, и обычные крестьянка и мальчик с собакой сопровождают их домой на отдых... Но почему-то увиденное в работе Алексея Кочарина словно невидимыми нитя-

ми настойчиво связывается с евангельским "Бегством в Египет". То ли женщина своим обликом слегка напоминает Богородицу, то ли белая корова с удивительно голубым, почти человеческим глазом ассоциируется с неминуемым жертвоприношением чистого, невинного существа.

Тема одиночества, бесприютности маленького человека в большом мире - одна из главных в творчестве Алексея Кочарина. Угрюмый фотограф с обезьянкой на скамейке городского сквера ("Осеннее солнце"), старуха-побирушка в компании с бродячим псом ("Зима"), два незнакомца, случайно встретившиеся ночью на пустыре, согретые огоньком сигареты - символом душевного тепла и участия, без которых жизнь пуста и бесцельна ("Дай прикурить"). Даже несчастная отошавшая дворняга в работе Алексея Кочарина "Портрет собаки" напоминает бедолагу бездомного, каких, к сожалению, так много встречается в наши дни.

Среди героев кочаринских произведений с детства знакомые образы-маски: Пьеро, Арлекин, Принцесса, трубадуры, шуты, живущие в созданном воображением художника условном мире, похожем на театральные подмостки. В его композициях постоянно звучит музыка: персонажи поют или играют на музыкальных инструментах ("Хор", "Серенада", "Улыбка принцессы"). Вот только мелодии обычно печальны, как, впрочем, и сам автор, чем-то похожий на своих выдуманных героев.

"Что для нас "птица-тройка" - захватывающее дух ощущение скорости или желание побыстрее оказаться за горизонтом? Что такое Человек - 2000 - неразумный младенец, ломающий свои игрушки, или гений-скрипач, наивный оптимист или разуверившийся самоубийца?"(1, 308) - спрашивает своих зрителей и себя художник в таких композициях, как "Скрипач", где седой музыкант с обликом Эйнштейна трагически растворяется в ночи, или "Разговор", участники которого - ангел и бес - мирно беседуют за столом при свете керосиновой лампы, как жуявятся в одном человеке светлое и темное начала...

Художника волнует судьба детей в нашем безумном мире. Едва ли не самое большое количество кочаринских сюжетов посвящено теме детства. Они полны сочувствия, сострадания, добродушного юмора и романтики, горестного осознания несовершенства мира и восторга перед его красотой... Вот сцена во дворе с грустным одиноким подростком и рубахой на веревке, взмахивающей рукавами, словно крыльями, в надежде сорваться и улететь... Малыш в толпе равнодушных взрослых, увлекаемый за руку озабоченной, усталой матерью, замечает вдруг бабочку - редкую гостью в наших городах... Мальчик машет рукой убегающим вдаль лошадям... Еще один маленький человек, как на чудо, смотрит на белую лилию в зарослях камыша... Девочка бережно, как драгоценную ношу, прижимает к себе большой голубой мяч, а, кажется, обнимает и держит в своих хрупких детских руках весь мир, всю землю... Современный тинэйджер в кепке, с мальчишеской тонкой шеей, - наедине со своим одиночеством. В темноте греет руку (и душу?) заветная яркая коробочка: может, компьютерный диск, может, видеокассета...

А вот рисунок, где лукавая компания подростков с рюкзаками и этюдниками,

сачками и удочками, мячами и собаками окружила своего взъерошенного и совершенно ошалевшего от всей этой круговерти педагога. Это летний пленэр "Чашинск - 96". Забудется конкретика времени и места, останется лишь обобщенный образ кочаринского класса, который с конца 1970-х годов объединяет вот уже пять выпусков. Среди учеников Алексея Борисовича есть живописцы и графики, художники-прикладники и дизайнеры, иллюстраторы и плакатисты, художники театра и педагоги, разделившие судьбу своего Учителя.

В мастерской Алексея Кочарина тишина бывает редко. Здесь живут голоса, смех и песни его учеников, бывших и сегодняшних, удивительных, неповторимых, всех без исключения талантливых и любимых. Он может говорить о своих ребятах часами, всегда восторженно, так что трудно усомниться в их гениальности. И дети благодарно платят ему любовью за любовь. Они дарят ему свои рисунки и гравюры, шуточные плакаты и всякие забавные послания. Все это, как и положено, висит в мастерской Учителя на самом почетном месте.

Все мы родом из детства... Однажды моя 12-летняя дочь спросила: "Почему древние люди навсегда покинули Аркаим?" "Наверно, они разгадали тайну третьего слова", - ответила я и рассказала о мальчике, который в 12 лет сочинил фантастический роман об исчезнувшей Атлантиде, жители которой обрекли себя на гибель, потому что смогли, наконец, продолжить непостижимую фразу: "Живу для..." Автором этого "романа" был, нетрудно догадаться, маленький Алеша Кочарин, в столь нежном возрасте пустившийся на философские поиски смысла жизни.

Сегодня художник и педагог Алексей Кочарин точно знает, что "счастье - это горизонт, который при круглой земле недостижим", но к нему все равно нужно стремиться.

Список литературы

1. Кочарин А. Б. Я не знаю ничего более кричащего, чем класс без детей // Наука и образование Зауралья. 2000. №1.
2. Павловский С. А. Программа по композиции для художественных вузов. 1974.

О.В. Науменко

Курганский областной художественный музей, г. Курган

ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ БРОННИКОВ (К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

К выдающимся деятелям русской культуры - нашим землякам - принадлежит замечательный русский художник Ф.А.Бронников (1827 -1902), который оставил большое художественное наследство. Его творчество не раз упоминается в истории русской живописи 2 половины XIX века, произведения хранятся в Третьяковской галерее, но ныне картины художника незаслуженно мало известны публике.

Федор Андреевич Бронников родился в 1827 году в небольшом городке Шадринске Пермской губернии. Известно, что рос будущий художник в мещанской среде, в родном городе получил образование в уездном училище. Юноша учился рисовать в те годы у отца - иконописца, сам пытался также гравировать на дереве. Пробовал свои силы юный Бронников и в живописи, исполняя портреты близких, друзей. Нам известна работа пятнадцатилетнего Федора, изобразившего свою сверстницу Евдокию Кузнецову. Она находится в Шадринском краеведческом музее и свидетельствует о больших способностях автора. О юных годах художника известно также, что после смерти отца его воспитывал проживавший в Шадринске дядя, Е.Прусов.

Возможно, именно то, что Федор рано осиротел, подтолкнуло его к отъезду из родного Шадринска. В 1844 году он совершает решительный поступок - отправляется с попутным обозом в Петербург, чтобы поступить там в Академию художеств. Невольно вспоминается судьба блистательного русского ученого М.Ломоносова, который отважился на подобное путешествие веком ранее! Академия, в которой Бронников провел почти десять лет, дала ему крепкую профессиональную основу, но оказался он в ее стенах далеко не сразу. Вначале застенчивый характер помешал ему даже войти в здание. Имея при себе свои гравюры - "ваксы", он решил обратиться к граверу Е. Бернардскому, став таким образом его учеником сроком на пять лет.

Ф.Бронников, как было принято, поселился у учителя в доме и сразу оказался окруженным его знакомыми - художниками - графиками демократической направленности. Общение с Т. Шевченко, В. Тиммом, А. Агиным оказало огромное влияние на формирование Ф. Бронникова, владение мастерством рисунка и гравирования. Профессиональный рост был таким быстрым, что, по некоторым архивным данным, ученик через год часто был соавтором гравюр учителя.

На великолепные способности Ф. Бронникова обратили внимание многие профессиональные художники. Так, известный скульптор П. Клодт, живший неподалеку, достал для него билет, дающий право на бесплатное посещение классов Академии художеств, и добился расторжения его договора с Бернардским. Но, начав обучение в Академии, Бронников в свободное время посещал Бернардского, помогая ему в работе над иллюстрациями к гоголевским "Мертвым душам".

В Академии тем временем Ф.Бронников с успехом проходит подготовительные классы, получает в 1849 году медаль за эскиз "Хожение по водам" и переводится в натурный класс. Его педагогом становится профессор исторической живописи А.Т.Марков, который принимает самое непосредственное участие в жизни талантливого ученика.

На пути Ф.Бронникова к дальнейшему росту в Академии художеств стоит его мещанское происхождение - по строгим правилам это не позволяет ему продолжать обучение. К счастью, Шадринское мещанское общество "соглашается отпустить" его по предписанию Пермского гражданского губернатора в 1850 году в связи "с успехами в живописи", и он окончательно переходит под академическое покровительство.

В 1851 году художника ждет очередной успех - ему присуждена вновь серебряная медаль за картину "Возвращение Улисса в дом свой". На будущий год он получает такую медаль за новое сочинение - "Иоанн Предтеча проповедует в пустыне" и оказывается участником конкурса на Большую золотую медаль. В 1853 году конкурсной темой по исторической живописи была объявлена "Божия мать - всех скорбящих радость". Художник получил за нее высшую награду и личную похвалу Николая II, приобрел право на трехлетнюю заграничную командировку для совершенствования мастерства.

Перед отъездом, в 1854 году, молодой живописец побывал на родине, в Шадринске и в качестве пенсионера Академии выехал в Италию, вслед другим своим товарищам. Так случилось, что он остался за границей навсегда - с 1855 года он обосновался в Риме. Вместе с друзьями - художниками он путешествует по Италии, много рисует с натуры. Около двухсот произведений этого периода свидетельствуют о живом восприятии действительности, мастерстве реалистической живописи. Часть из них находится теперь на родине, в Шадринском краеведческом музее.

Собрав обильный натурный материал, Бронников в ближайшие годы работает над эскизами картин, посвященных жизни итальянского народа: "В кругу семьи", "Сцена у колодца" и др. Среди них был и эскиз на русский сюжет "Сборы к венцу" - произведение искреннее, говорящее о связи с живописью русского бытописателя П.Федотова.

Но по окончании пребывания в Италии Ф.Бронников должен был предоставить в Академию картину на историческую тему. Ему пришлось оставить в стороне начатые эскизы и работать над исторической картиной "Гладиатор - славянин, умирающий на арене цирка" (1857 год). Так как она не получила одобрения Совета Академии в Петербурге, срок пенсионерства Бронникову продлен не был, ему пришлось думать о поиске заказов.

Со своим другом, художником А.Боголюбовым, другими помощниками он исполняет заказы на росписи русской церкви в Париже (этот храм в 2001 году вошел в число ста наиболее охраняемых памятников архитектуры Франции), Копенгагене, продолжает работу над античными эскизами в духе академической традиции, создает жанровые "итальянские" картины - сцены, как, например, "У часовни" (1858 год, Третьяковская галерея) - своеобразный отклик на бытовые картины К.Брюллова.

Краткий приезд Ф.Бронникова в Россию в 1863 - 1865 годах связан с созданием картины на сюжет римской истории "Квестор читает смертный приговор Тразею Пету", за которую он на родине удостоивается звания профессора исторической живописи. Картина великолепна с точки зрения академического искусства, но далека от задач русской реалистической живописи того времени. Бронникову в России можно было стать теперь профессором Академии художеств, но она отвергнута передовыми мыслящими русскими художниками (вспомним "Бунт четырнадцатых") или сделаться штатным иконописцем православной церкви (т.е. сковать себя другими жесткими рамками условности). Этого не могли допустить убежде-

ния художника и, предпочтя независимость, он вернулся в Италию.

Там он с 1865 года занимается начатыми ранее античными композициями, жанровыми реалистическими картинами, не чужды ему и взволнованные романтические ноты. В 1866 году художник вновь посылает на выставку в Академию новое историческое полотно "Мозаичисты перед судом трех в Венеции" (Русский музей), которое отмечено знаменитым художественным критиком В.Стасовым.

Новой ступенью роста мастерства для живописца стало известное произведение "Гимн пифагорейцев восходящему солнцу" (1869 год, Третьяковская галерея). Картина привлекает поэтичностью, мягкостью живописи, выразительной композицией и получила в свое время высокую оценку критики, русской художественной общественности, была приобретена П.М.Третьяковым.

Поездка в Россию не прошла бесследно - художник в конце 1860-х годов переживает творческий подъем, создавая бытовые реалистические картины с нравственной проблематикой ("Бедное семейство, выгоняемое с квартиры", "Старик - нищий" и др.), многие из которых не были известны русскому зрителю, т.к. участвовали в европейских выставках. В начале 1870-х годов художник предпринимает попытку вернуться в Россию, пишет друзьям, как тоскует о родине. Но слабое здоровье, болезни, отсутствие средств не дают осуществиться этому намерению, Бронников женится на итальянке и окончательно поселяется в Риме.

Однако художник внимательно следит за изменениями художественной ситуации в России и, отчасти, принимает в ней участие. Он все больше разделяет идеи демократической живописи передвижников и присылает картины на 3 Передвижную выставку, а через год становится полноправным членом Товарищества передвижных художественных выставок в одном ряду с И. Крамским, В. Перовым, др. В 1874 году Ф.Бронников дает на выставку три бытовых "вполне передвижнических" картины, которые по трактовке тяготеют к академизму, представляя собой их интересный сплав.

На 5-й Передвижной выставке в 1876 году он выставляет одну из таких замечательных картин - "Художник в приемной богача", которую восторженно приветствовал В.Стасов и многие художники - передвижники. В ней много жизненной правды, точно обрисован комизм ситуации. Она была снова приобретена П.Третьяковым, много раз затем принимала участие в выставках. Большой интерес представляет и картина "Художник - самоубийца" - размышление о нелегкой судьбе художника.

В 1870-е годы Ф.Бронников создает свои заключительные композиции на античную тему, которые отличает зрелость и мастерство исполнения, социальное звучание сюжета. В картине "Освящение гермы" (1869 год, Русский музей) изображено жертвоприношение в честь установки на границе земельного участка мраморного столба с головой Гермеса, которое торжественно совершается в присутствии богатой семьи патриция жрецом. Их образы, как и великолепный окружающий пейзаж, убедительны и правдивы, живопись выразительна. Картиной восхищался сам глава передвижников И.Крамской.

Картина 1878 года "Проклятое поле. Место казни рабов в Древнем Риме" (Третьяковская галерея) является как бы итогом творчества Ф. Бронникова в академической исторической картине, демонстрирует прекрасное владение композицией, цветом и рисунком. Их удивительное органичное единство заменяет собой действие в изображении одиноких крестов с распятыми несчастными, изображенными на фоне зловещих тяжелых туч, заволакивающих небо.

Ф. Бронников в совершенстве знал разные стороны истории Древнего Рима и потому с потрясающей правдой и убедительностью сумел показать трагическое событие в картине, приобретенной создателем Третьяковской галереи.

В эти же годы Бронников проявляет острую наблюдательность в бытовых картинах жизни современной Италии. Художник теперь изображает ее не сказочно красивой, а просто и правдиво, замечая то, что открывается только внимательному взгляду талантливого мастера ("Бродяги на площади Пополо в Риме"). В 1880-х годах Ф. Бронников создает еще ряд картин из итальянской жизни ("Нищие у дверей богача"), сожалея в письмах о том, что слишком далеки от него впечатления русской действительности.

Кроме произведений на античные и жанровые темы Бронников в течение своей жизни не раз обращался к портрету, религиозным композициям. Ему принадлежит также ряд эскизов картин на темы русской истории. Из названных работ особенно интересен "Портрет отца" (1871 год, Шадринский краеведческий музей), "Портрет женщины с книгой" (1883 год, Третьяковская галерея), как наиболее стремящиеся к реализму, а также "Крещение великого князя Владимира" и "Встреча греческой царевны Софьи Палеолог" (Шадринский краеведческий музей).

Сохранилось несколько автопортретов мастера - ранний романтический 1859 года и более трезвый и объективный "передвижнический" 1873 года. Последние два из них созданы в 1889 году - времени приближения старости, болезней. Лучшие портреты Ф. Бронникова посвящаются обычно близким, родным, которых он любит и до тонкостей знает ("Портрет матери" и др.). Глубокого уважения к модели полны мастерские портреты художников - современников К. Д. Флавицкого и А. А. Иванова. С ними он жил в одно время в Риме в середине 1850-х годов.

Периодом наивысшего расцвета творчества Бронникова были 1860 - 1870-е годы. Потом старость и недуги взяли свое - начиная с середины 1880-х годов он в основном создает лишь небольшие бытовые, портретные или пейзажные произведения. Однако художник продолжает каждый год участвовать в передвижных выставках, представляя картины, свидетельствующие о прекрасном знании жизни и высоком мастерстве ("Еврей с монетой" 1890 год, Русский музей). Участвовали картины живописца и в академических выставках, что еще раз подтверждает его постоянный поиск гармонии между академической возвышенностью и жизненной правдой. Так как художник долгие годы оторван от России, его творчество носит двойственный характер и лежит несколько в стороне от главной линии развития русского искусства того времени.

Но, несмотря на постоянную жизнь за границей, Ф. Бронников всегда под-

держивал связь с родиной, переписываясь с П. Третьяковым, И. Крамским, А. Боголюбовым и др. В Риме он встречался с Д. Менделеевым, И. Репиным, В. Суриковым и многими другими, приветствуя успехи нового поколения деятелей науки и культуры.

В конце жизни Ф.Бронников, как и его друг, художник А.Боголюбов, основавший в Саратове музей и рисовальную школу, мечтает создать их в родном Шадринске. Еще в 1877 году в своем завещании он распоряжается после своей смерти передать все его средства и художественное наследие в Шадринск, а друзьям в письмах советует поднимать культуру и благоустройство города, беречь его художественные ценности.

После смерти Ф. Бронникова, последовавшей в 1902 году в Риме (он был похоронен на русском кладбище), и смерти его жены Марии Кармелы в 1910 году согласно завещанию Шадринское городское управление получило около сорока тысяч рублей и триста двадцать три произведения художника, его архив. Он был доставлен из Рима другом и душеприказчиком умершего М. П. Боткиным. На месте шадринский художник и поэт А.Ф.Гнедин обработал поступившие материалы и открыл в городе рисовальный класс, ставший прообразом современной художественной школы имени Ф.А.Бронникова.

Ныне прошло 175 лет со дня рождения художника. Его наследие хранится в разных странах Европы (Италия, Англия, Дания, США), почти неизвестное на родине. Лучше мы знаем произведения, находящиеся в десятках крупных музеев и краеведческих собраний России и СНГ, среди которых Третьяковская галерея (Москва), Русский музей (Петербург), художественные галереи Перми, Екатеринбург, Тюмени, Иркутска, Ярославля, Минска, Одессы.

С творчеством Ф.А.Бронникова - нашего земляка, крупнейшего позднего академика в русской живописи второй половины XIX века в Кургане можно было познакомиться трижды. В 1950 году в Курганском краеведческом музее прошла выставка 70 произведений художника из фондов Шадринского краеведческого музея, который имеет самое большое количество его работ среди музеев нашей страны. Особый вклад в изучение творчества Бронникова внесла выставка, проведенная Курганским областным художественным музеем в 1985 году к 160-летию со дня рождения живописца. Тогда в сотрудничестве с 13 музеями СССР было собрано 44 произведения художника и проведены "Бронниковские чтения". Последняя по времени его выставка проходила в 2001 году в рамках дней культуры Шадринска в Кургане под названием "Сокровища земли Шадринской" и представляла 24 произведения из тех, что были завещаны в свое время родному городу.

Эти выставки опять продемонстрировали новым и новым поколениям зрителей разнообразие творческих устремлений талантливого художника, его вклад в развитие традиций русского искусства - от живописного классицизма и романтизма до все больше проявлявшегося с годами стремления следовать прогрессивным идеям русского общества, реалистическому направлению в изображении истории и современности.

Примечания

1. *Бронников Ф.А. Каталог выставки. Курган, 1987.*
2. *Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников второй половины XIX века /Под ред. А. И. Леонова. М.: Искусство, 1962. Т. 1.*
3. *Архив КОХМ. Личный фонд Ф. А. Бронникова.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Любовь Васильевна - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск

Бочегова Наталья Николаевна - доктор филологических наук, профессор, зав.кафедры английской филологии Курганского государственного университета, г. Курган

Завьялова Ольга Георгиевна - доктор географических наук, профессор кафедры экологии и безопасности жизнедеятельности Курганского государственного университета, г. Курган

Иванов Сергей Сергеевич - студент исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган

Козельчук Татьяна Валентиновна - кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, методологии и теории истории Курганского государственного университета, г. Курган

Козлова Мая Михайловна - кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, методологии и теории истории Курганского государственного университета, г. Курган

Кулакова Светлана Ивановна - заведующая отделом современного искусства Курганского областного художественного музея, г. Курган

Кумарина Наталья Ильинична - специалист отдела кадров Курганского государственного университета, г. Курган

Лаас Наталия Александровна - аспирант института истории Украины Национальной академии наук Украины, г. Киев

Мамяченков Владимир Николаевич - кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного университета, г. Екатеринбург

Менщиков Владимир Владимирович - доктор исторических наук, профессор, зав.кафедрой теории и истории государства и права Курганского государственного университета, г. Курган

Менщиков Игорь Самуилович - кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой историографии, методологии и теории истории Курганского государственного университета, г. Курган

Мехтиева Жасмина Абумуслимовна - сотрудник краеведческого музея, г. Тарко-Сале

Мотревич Владимир Павлович - доктор исторических наук, профессор Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург

Науменко О.В. - искусствовед, научный сотрудник Курганского областного художественного музея, г. Курган

Подливалов Валерий Владимирович - кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, методологии и теории истории Курганского государственного университета, г. Курган

Подливалов Владимир Валерьевич - преподаватель Курганского педагогического колледжа, г. Курган

Суколенов Игорь Владимирович - доктор педагогических наук, профессор Федерального института развития образования, г. Москва

Федоров Виктор Александрович - краевед, г. Курган

Федченко Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор кафедры историографии, методологии и теории истории Курганского государственного университета, г. Курган

Шихардина Людмила Николаевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных специальностей Курганского государственного университета, г. Курган

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Менщиков И.С. (г. Курган)

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ: ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ СИНТЕЗ 3

Бочегова Н.Н. (г. Курган)

АМЕРИКАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР: ЦЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ 7

Завьялова О.Г. (г. Курган)

КОНЦЕПЦИЯ ЭТНОГЕОСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА - ОПЫТ СИНТЕЗА ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ) 13

Федченко М.Н. (г. Курган)

ИЕГОВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В ЗАУРАЛЬЕ (60 - 70-е гг. XX в.) 24

СЕКЦИЯ 1. ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ: ВОЗМОЖНОСТИ СИНТЕЗА

Менщиков И.С. (г. Курган)

РУССКАЯ СВАДЬБА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. 32

Шихардина Л.Н. (г. Курган)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: КОНФЛИКТ ЭТНИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ 42

Иванов С.С. (г. Курган)

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ 44

Мехтиева Ж.А. (г. Тарко-Сале)

НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА В СИСТЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НЕНЦЕВ 49

Лаас Н.А. (г. Киев)

ОБРАЗ УКРАИНЫ В ПОСЛЕВОЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОВЕТОЛОГИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА 60

Федоров В.А. (г. Курган) НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ БЫТА РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 70-е ГОДЫ XX ВЕКА (КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)	63
Кумарина Н.И. (г. Курган) ПОСУДА, УТВАРЬ И РЕМЕСЛЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	70
Менщиков В.В. (г. Курган) КУЛЬТУРА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ В XVII - XVIII ВЕКАХ	80
СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ	
Федченко М.Н. (г. Курган) БАПТИСТСКИЕ ОБЩИНЫ В ЗАУРАЛЬЕ (50-70-е гг. XX в.)	86
Подливалов В.В. (г. Курган) ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗАУРАЛЬЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	94
Суколенов И.В. (г. Москва) ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ	102
Козлова М.М. (г. Курган) ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ ЗАУРАЛЬЯ (НА МАТЕРИАЛАХ КГУ НАЧАЛА XXI ВЕКА)	105
Козельчук Т.В. (г. Курган) ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТОБОЛЬСКОЙ БЮРОКРАТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА	115
Подливалов В.В. (г. Курган) ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В 1945-1953 ГОДЫ	121
Алексеева Л.В. (г. Нижневартовск) ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1917 - 1941 гг	126

<i>Мотревич В.П. (г. Екатеринбург)</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗОВ ПО УЛУЧШЕНИЮ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ УСЛОВИЙ РАБОТНИКОВ СОВХОЗОВ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	132
<i>Мамяченков В.Н. (г. Екатеринбург)</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ НЕПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМИ ТОВАРАМИ В 1950-х ГОДАХ	137
<i>Максимова Г.В. (г. Курган)</i> ЗАМЕТКИ О МОНАСТЫРСКОМ ИКОНОПИСАНИИ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ (УРАЛО-СИБИРСКИЙ РЕГИОН)	141
<i>Кулакова С.И. (г. Курган)</i> РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА ИЛИ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АЛЕКСЕЯ КОЧАРИНА, ХУДОЖНИКА И ПЕДАГОГА	145
<i>Науменко О.В. (г. Курган)</i> ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ БРОННИКОВ (К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	150
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	157

Научное издание

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВРЕМЕН И КУЛЬТУР

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
16 ноября 2007 г.

Редактор: Н.Л. Попова

Подписано в печать	Печать трафаретная	Бумага тип № 1
Формат 60x84/16	Усл. печ. л. 10,125	Уч. изд. л. 10,125
Заказ №	Тираж 100 экз.	Цена свободная

РИЦ Курганского государственного университета.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.